



ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 1 (177)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2010

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 10

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д-р филол. наук, проф. **О.А. Турбина**

(*отв. редактор*),

д-р филол. наук, проф. **Л.Г. Бабенко**,

д-р филол. наук, проф. **Е.В. Харченко**,

д-р филол. наук, проф. **А.П. Чудинов**,

канд филол. наук, проф. **Т.Н. Хомутова**,

канд. филол. наук, доц. **С.С. Голубева**,

канд. филол. наук, доц. **Е.А. Дамман**,

Е.С. Жеребятьева (*отв. секретарь*)

Серия основана в 2004 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 29016 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 2 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

НЕФЁДОВА Л.А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста	4
ПОПОВА Т.Г., ШУБИНА А.О. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство	10
РОГОЖНИКОВА Т.П., ЕСМУРЗАЕВА Ж.Б. Актуализация периферийных признаков концепта РОДИНА (на материале текстов педагогического дискурса начала XXI века)	13
СТЕПАНОВ М.С. Семиотика смерти в дискурсе деятельности	18
ЧУДИНОВ А.П., ЗАВЕРШИНСКАЯ И.К. Пресуппозиции в заголовке рекламного текста (туристическая реклама)	24

ТРАДИЦИОННАЯ ГРАММАТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ГОРЧАКОВА И.А. Фразеологические единицы в романе «Аптекарьша» как доминантная черта идиостиля И. Нолль (на примере фразеологизмов денотативной сферы «интеллект»)	28
КОМАРОВА З.И., ШАДРИНА Ю.Ю. Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность	32
ЛИСЕНКОВА Н.Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка)	40
ПАСТЕРНАК Е.Л. Истоки французской лингвистики: формирование основополагающих проблем исследования языка в XVIII веке	43
РАДЧЕНКО Е.В. Процесс формирования фразеологического значения	47

ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., БЫКОВА А.А., КОРОБОВА Е.А. Принципы построения американской судебной речи XIX века	51
ПОПОВА Т.Г., ФЕДУЛОВА М.Н. Об особенностях судебной речи	57

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ХОМУТОВА Т.Н. Научный текст: единицы интегральной модели	60
----------------------------------------------------------------	----

ЛИНГВОДИДАКТИКА

ГЕЙХМАН Л.К., ТЕПЛОУХОВА Л.К. Проектная и коммуникативная компетентности как интегральные результаты проектного обучения иностранному языку	67
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

БАКАНОВА С.Е. Об истории возникновения и функционировании ключевых немецких литературоведческих терминов	72
ЗАХАРОВА Т.В. Семантика угощения в русских и французских поговорках о гостеприимстве	75
ЗАГИДУЛЛИНА И.И. Специфика заголовочно-финального комплекса «Колымских рассказов» В. Шаламова	79
КОЛКОВА Н.А. Русская фразеология в контексте свадебной обрядности	86
ФЕДОРОВА Е.В. Своеобразие феномена «проза поэта» (на материале творчества М. Цветаевой, З. Гиппиус, Е. Гуро)	92
ХАМЕТОВА М.Ф. Национально-культурные особенности концепта «дружба» в англоязычной картине мира.	97

CONTENTS

COGNITIVE LINGUISTICS

NEFYODOVA L. A. Cognitive peculiarities of comic strips as creolized texts	4
POPOVA T.G., SHUBINA A.O. Concepts of literary worldview	10
ROGOZHNIKOVA T.P., BAURZHANOVNA Y.Z. Actualization of the peripheral signs of the concept Rodina (based on the texts of pedagogical discourse in the beginning of the XXI century)	13
STEPANOV M.S. Death semiotics in activity discourse	18
CHUDINOV A.P., ZAVERSHINSKAYA I.K. Presupposition in the title of an advertising text	24

TRADITIONAL GRAMMAR, PHRASEOLOGY AND HISTORY OF GRAMMATICAL MIND

GORCHAKOVA I. A. Phraseological units in the novel «The Pharmacist» by I. Noll as the dominating ideostylistic trait (though a case study of the denotative sphere «Intellect»)	28
KOMAROVA Z.I., SHADRINA YU.YU. Problem field of pronouns history and modern times	32
LISSENKOVA N. N. Expletive elements in modern English	40
PASTERNAK E.L. The issues of the French linguistics: the main problems of language seen by the early French linguists of the XVIII century	43
RADCHENKO E.V. The process of forming of the phraseology significance	47

LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES

MINIYAR-BELORUCHEVA A.P., BYKOVA A.A., KOROBOVA E.A. Principles of the building American lawyer's speech in the 19 th century	51
POPOVA T. G., FEDULOVA M.N. Judicial rhetoric public speaking	57

TEXT LINGUISTICS

KHOMUTOVA T.N. Research text units of integral model	60
------------------------------------------------------------	----

LINGUODIDACTICS

GEYKHMEN L.K., TEPLOUKHOVA L.A. Project and communication competence as integral outcomes of the project FLT approach	67
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

GREEN PAGES

BAKANOVA S.E. About the history of the origin and the function of the key German literary terms	72
ZAKHAROVA T.V. Semantic of ritual meal in Russian and French paremiias of hospitality	75
ZAGIDULLINA I.I. Specific of the headlines and finals complex of the Kolymskie stories written by V. Shalamov	79
KOLKOVA N.A. Russian phraseology in the context of wedding rituals	86
FEDOROVA E.V. Peculiarity of the Phenomenon «The Prose of the poet» (based on the AUTHORSHIP of M. Zvetava, Z. Gippius, E. Guro)	92
KHAMETOVA M.F. National-cultural peculiarities of the concept «Friendship» in the English language	97

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 801 (045)

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИКСА КАК КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Л.А. Нефёдова

COGNITIVE PECULIARITIES OF COMIC STRIPS AS CREOLIZED TEXTS

L.A. Nefyodova

Рассматриваются когнитивные особенности текстов, в которых большую роль играют как вербальные, так и паралингвистические средства. Анализ подобных, т.е. креолизованных текстов представляет особый интерес с точки зрения познания, создания когнитивного стиля читающего, выявления когнитивного компонента и организации соответствующей системы.

Ключевые слова: когнитивистика, когнитивный стиль, когнитивная система, семиотика, креолизованный текст, культурная среда, комикс.

The article deals with cognitive peculiarities of texts in which both verbal and paralinguistic means play an important role. Analysis of these creolized texts is of particular interest in terms of cognition and creation of cognitive style of a reader, as well as researching cognitive component and building a corresponding system.

Keywords: cognitive science, cognitive style, cognitive system, semiotics, creolized texts, cultural environment, comic strip.

Интерес к паралингвистическим, то есть невербальным средствам, сопровождающим письменную речь, объясняется в настоящее время стремительным ростом визуальной информации в современной коммуникации. Информационная емкость и прагматический потенциал подобных изданий формируется за счет синтеза вербальных и невербальных средств компонентов текста. Вместе с поступательным развитием языка и науки интерес к креолизованным текстам, находящимся на границе лингвистики и других семиотических систем, усиливается и углубляется. Обращение к подобным текстам объясняется тем, что их интерпретация представляет особый интерес для адресата с точки зрения познания.

Креолизованными текстами в работе называются «тексты, фактура которых состоит из двух негетерогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»¹.

Мир креолизованных текстов чрезвычайно многообразен. К ним относится значительная

часть газетно-публицистических, научно-технических, инструктирующих текстов, иллюстрированных художественных текстов, реклама, афиши, комиксы, плакаты, листовки и др., роль которых стремительно возрастает по мере «эскалации изображения», знаменующей собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, соответствующей культуре настоящего времени.

Паралингвистически активные тексты, в том числе и креолизованные тексты, обладают своими нормами, регулирующими «внешнее» оформление текста. Н.Э. Клюкановым было введено понятие «графическая норма», под которым понимается стандарт, модель, представляющая собой «пример исторически сложившейся практики зрительного воплощения того или иного типа текста»². Графическая норма входит в качестве компонента в более широкое понятие — коммуникативно-прагматическая норма типа текста, объединяющее языковые и неязыковые правила построения текстов в определенной типовой ситуации с конкрет-

Нефёдова Лилия Амиряновна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. E-mail: lan2@mail.ru

Liliya A. Nefyodova, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University. E-mail: lan2@mail.ru

ной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата. Контуры коммуникативно-прагматических норм нередко едва ощутимы, вместе с тем они являются достаточно устойчивыми ориентирами для производства и восприятия паралингвистически активных текстов, так как в них отражаются и закрепляются речевые и визуальные стереотипы передачи информации в типовых условиях общения, признанные обществом как коммуникативно-целесообразные.

Изображение в разной степени участвует в организации текста. Так, во всем многообразии существующих текстов могут быть выделены три основные группы текстов: тексты с нулевой креолизацией, тексты с частичной креолизацией, тексты с полной креолизацией.

В первой группе текстов изображение не представлено и не имеет значения для их организации. В двух других группах изображение участвует в организации текста, различие между обоими заключено в степени связи, «спаянности» в них вербального и изобразительного компонентов.

Начало научному осмыслению креолизованных или семиотически осложненных текстов с иконическим компонентом было положено в работах по семиотике, что обусловлено исследованием изображения как особой знаковой системы, а также возможных контекстов ее применения. В теории формирования знаков и символов, то есть обозначаемых, изначально предполагается, что существует обозначаемое и сигнификация, относительно независимая от способа выражения, но детерминирующая его. Такие сигнификации, или представления, могут «располагаться» на уровнях перцепции, воображения или рациональной организации переживания. Представление есть часть реальности как таковой, знаки передают его или указывают на него, но не являются им. Оно может трактоваться как центральная сигнификация, которая устанавливает связь между обозначаемым и обозначаемым, организует их отношения в систему, функционирование которой и детерминирует порождение знаков.

Говоря о символе как о знаке, следует подчеркнуть его двойственность. Как пишет об этом Ю.М. Лотман, символ, с одной стороны, реализуется в своей инвариантной сущности, а с другой стороны, он активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует³. При этом он всегда принадлежит многомерному смысловому пространству и его выражение не полностью покрывает содержание, а лишь как бы намекает на него, то есть в данном случае речь идет об асимметрии языкового знака, что лежит в основе познания вообще.

Сами по себе восприятия, образы, внутренние концепты не следует рассматривать как знаки, хотя они также замещают обозначаемое, то есть они становятся знаками, только если зафиксирована

процедура установления надежной связи между ними и элементами реальности. Иными словами, выразительная форма, чтобы стать знаком, должна указывать не только на замещаемый объект, но и отражать собственную способность представлять его.

Знаки формируются в процессах взаимодействия людей с предметным окружением и друг с другом в ситуациях, когда непосредственное манипулирование предметами оказывается невозможным или нецелесообразным и есть основания для формирования их заместителей, признанных сообществом в качестве таковых, следовательно, формирование таких знаков происходит лишь в тех случаях, когда высвечиваются условия конституирования знака в различных ситуациях познания. По мнению Е.С. Кубряковой, когда меняется окружающая нас действительность, меняются и языковые формы ее репрезентации, и важной особенностью этого процесса является семиотический характер наблюдаемого. В этом случае происходит редукция смыслов исходной содержательной структуры при ее объективации знаками, потому что знак «удерживает» и фиксирует не всю информацию, связанную с обозначаемыми объектами или ситуациями, переводя их при этом в разряд четко осознаваемых сознанием. Закрепляя за выбранным знаком особую структуру знания, мы как бы оставляем открытой возможность имплицировать тем же знаком связанную и ассоциируемую с ним информацию⁴.

На уровне знаков люди создают особую культурную среду, состоящую из объектов, замещающих другие объекты, указывающих на расчленение жизненного мира, представляющих в особой форме его дифференциальные элементы. Создавая для себя знаковую среду, коммуниканты обеспечивают себя средствами для анализа по отношению к окружению, для упорядочения своих представлений о мире.

Центральными при этом являются проблема визуальной семантики, проблема выделения дискретных единиц изображения, проблема взаимодействия иконической знаковой системы с другими, – прежде всего, вербальной семиотической системой.

В плане семиотики иконический язык принципиально не отличается от вербального языка. В.А. Колеватов пишет, что «...любое созданное непосредственно человеком изображение абстрактно, ибо оно обозначает выделенные отвлеченные человеком свойства объекта. В этой своей функции изображение не отличается от слова. Как слово, так и изображение могут выражать понятия разных уровней абстрактности»⁵. Вместе с тем, изображение не является такой четко выраженной знаковой единицей как слово, а его семантика по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определенностью, расплывчатостью, размытостью своих границ.

В семантике изображения французский исследователь Р. Барт по аналогии со словом выделяет денотативные и коннотативные значения. Анализируя рекламу, лингвист различает в ней три вида сообщений: лингвистическое сообщение, визуальное кодированное (символическое) сообщение, визуальное некодированное (буквальное) сообщение⁶. Иконический комплекс, по мнению автора, дает два рода означающих: означающие, означаемыми которых являются реальные предметы, и означающие, означаемыми которых являются идеи, образы, эвфористические ценности и т.д. Информация первого типа является денотативной, в известной степени буквальной, а ее понимание не представляет для адресата трудности и основывается на его антропологических знаниях. Информация второго типа коннотативна, основывается на различных ассоциативных связях, а ее понимание предполагает наличие у адресата самых различных знаний – знания культурного кода, социальных связей, национальной специфики и т.д., и она допускает многовариантность своего толкования.

Изображения и слова в поликодовом сообщении не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно-построенный смысл, что очень наглядно демонстрируется на примере комиксов.

Комикс – это небольшая, наполненная иллюстрациями книжка, или же серия рисунков с соответствующими подписями. Комиксы относятся к текстам с полной креолизацией, иными словами между его вербальной и изобразительной частями устанавливаются отношения взаимозависимости: изображение зависит от вербального комментария филактера (баллона, в который вписывается текст реплики), который детерминирует его интерпретацию.

Главная, на наш взгляд, причина популярности комикса состоит в том, что он, будучи креолизованным текстом, значительно упрощает и ускоряет процесс познания. Сверхзадача комикса – выразить как можно больше в наглядном, зрительном образе и сопроводить его в нужном объеме и в корректной форме репликами героев. Человек познает действительность посредством актуализации некоторых схем восприятия и воображения, или перцептивных схем. Талантливые люди, работающие над созданием комиксов, способны расставить необходимые акценты в акте восприятия образа, события, явления и сфокусировать внимание человека на главном. Можно долго рассказывать ребёнку о чем-то, но ему всё равно трудно будет это представить. Познакомившись с комиксом, он составит о них более или менее целостное представление, причём информация, которую ребёнок получит из комикса, будет эмоционально окрашена, затронет его чувства, а значит и лучше усвоится. Важно отметить, что при восприятии комикса у ребёнка не возникает никаких проблем, визуаль-

ную информацию он усваивает лучше, нежели взрослый, поскольку не успел ещё утратить приобретённые в дошкольном детстве навыки общения с иллюстрированной книгой и картинкой. Следовательно, и специально готовить ребёнка к восприятию комикса не нужно, он постигает его естественным путем. Комикс потому и популярен, что всем понятен, а лёгкость, с которой ребёнок усваивает содержащуюся в комиксе информацию, создаёт у него иллюзию того, что он постиг сущность мира⁷.

Читатель комикса воспринимает все сразу, органично – и рисунок, и текст, в результате чего выходит на качественно новый уровень обобщения. Эти свойства нашей психики уходят корнями в древность, так как сознание человека изначально было синтетичным.

Среди характерных особенностей комиксов как креолизованных текстов Р. Барт выделяет следующие.

1. Наличие жизненно-мировоззренческого конфликта между различными персонажами, как правило, отражающими ту или иную модель поведения (жизни, мировоззрения); причём, надо заметить, эта модель не всегда словесно определена или вообще не определяема чётко (словесно), однако сам образ действий того или иного героя, как правило, совершенно понятен.

2. Каждый отдельный рисунок комикса, будучи в достаточной мере самостоятельным как с информационной, так и с эстетической точки зрения, тем не менее существует лишь в контексте всего произведения и им целиком определяется; эта особенность присуща вообще подавляющему большинству комиксов, исключением являются лишь малочисленные и соответственно малозначимые, так называемые «элитные (авангардные) комиксы».

3. Как правило, существует определённая доля лаконичности рисунка и текстов, тем не менее нельзя при чтении комикса «скользить» глазами по кадрам, то есть невнимательно рассматривать рисунки или читать тексты; авторы комиксов давно уже мстят таким невнимательным зрителям либо помещением весьма важных фрагментов в небросающиеся в глаза картинки, либо шутками вроде маленькой таблички на стене с надписью «Не читай эту надпись» или «Если вы это увидели, позвоните по тел. хх-уу-zz» (иногда это домашний телефон автора).

4. Динамичность популярного комикса вытекает из его типологии; комиксы для взрослых в данном случае динамичны немного по другой причине – они предназначены для отдыха (расслабления после работы), не слишком напряжённого, но и не слишком сонного времяпрепровождения.

5. Яркость как средство привлечения внимания. Яркость в данном случае подразумевает не столько яркость цветов, сколько броскость кадра

или текста. Яркость в данном случае неразрывно связана с лаконичностью; на эмоционально/сюжетно значимых картинках всегда выделяют важные элементы не только цветом, но и характером рисунка и его ракурсом; из типичных приёмов – выделение в узком кадре части лица, всегда с глазами («зеркало души»), а то и вовсе одни глаза или даже один глаз. Другой распространенный приём – так называемый «летающий фон», он же «летающая перспектива» фон рисунка – сплошное поле яркого цвета (оранжевого, жёлтого, голубого или белого), по которому к одной точке проведены линии; точка эта всегда скрыта за главным объектом кадра, лицом персонажа, его телом, другим важным объектом или же просто за пределами кадра. Возникает интересный психологический эффект, который в кинематографии последнего времени передаётся резким наездом кадра на лицо персонажа. «Летающие» линии в комиксе создают похожий эффект: если персонаж движется, то они оживляют движение, а если же автор хотел выделить персонаж (или предмет), то он как бы «всплывает» в кадре комикса или резко в нём появляется.

6. Экспрессивность каждого кадра комикса в отдельности или всего стиля рисунка также неразрывно связана с лаконичностью и яркостью. Экспрессивность же персонажей вытекает из практической невозможности рисунком отобразить какую-либо человеческую эмоцию так, чтобы эта эмоция была наглядна/понятна.

7. Раскадрованность, выделение главного в отдельные рисунки – одна из привлекательнейших сторон комикса. В книге читатель вынужден сам представлять себе лица героев, их одежду, обстановку или же читать длинные описания одежды, обстановки или человека. Комикс даёт возможность передать всё это одним кадром⁸.

В настоящем, классическом комиксе можно выделить два уровня повествования. Первый – это то, что говорит комикс. Второй – что говорится через него, чаще всего неосознанно. Классический газетный комикс состоит из четырех или шести рисунков, связанных единством времени и действия повторяющихся героев. В пределах ограниченного пространства всякий раз происходит завязка и кульминация события, которое парадоксальным образом сохраняет «открытый конец» (бесконечное «продолжение следует»). Сюжет не отличается глубиной, но этого и не требуется. Тем более что любое усложнение повлечет за собой увеличение объема, а законы жанра подразумевают небольшую историю.

Подчеркнем, что главная причина популярности комикса состоит в том, что он, будучи креолизованным текстом, значительно упрощает и ускоряет процесс познания. Его когнитивная особенность заключается в том, что выражая как можно больше в наглядном, зрительном образе и сопровождая его в нужном объеме и в корректной фор-

ме репликами героев, происходит более глубокое восприятие действительности. Более того, комикс – это структура в основе своей глубоко мифологическая. Он имеет внешнюю сторону – первичное значение, и внутреннюю (глубокую) сторону – вторичное (глубокое) значение с точки зрения смысла.

Отношение взаимозависимости между изображением, текстом и баллоном, каждый из которых выполняет свои определенные функции, делает комикс креолизованным текстом. Только воспринимая одновременно изображение, баллоны и текст, мы получаем полную информацию, которую автор хотел донести до нас. Как отмечает Н. Хомский, человек, овладевший любым естественным языком, развивает богатую и сложную систему знаний. Эта когнитивная система дает конкретное и точное видение многих фактов, вследствие чего мозг производит вычислительные операции особой формы, чтобы прийти к точным заключениям относительно фактов высокой степени сложности⁹. Данная система знаний позволяет воспринимать любую информацию, в том числе и неявно выраженную, которую необходимо воспринять в процессе интерпретации.

Когнитивный компонент содержания текста отражает фрагмент действительности в его преломлении в сознании субъектов, соотносённый с конкретной социокультурной средой и замыслом автора. Он представляет собой конфигурации концептов (образы, представления, понятия) или их объединений (картины, схемы, фреймы), состоящих из объектов познания в разных познавательных связях-ролях.

Когнитивная система проявляется в понятии когнитивного стиля, который свойствен каждому человеку. В широком смысле «когнитивный стиль» определяется как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но вне зависимости от его интеллектуального уровня, то есть для выделения стиля важно не достижение цели, а то, каким образом она достигается¹⁰.

Определение понятия «когнитивный стиль» фиксирует роль личностных факторов, способность индивида организовать когнитивные структуры, определить активность субъекта в познавательных процессах. Чтение комикса особым образом формирует когнитивный стиль читающего. Этому способствует то, что каждая рисованная история имеет определенную структуру и подчиняется особым правилам, таким как например: комикс должен начинаться и заканчиваться отдельной полосой; композиция комикса всегда строится разворотами; действие на развороте составляет собой законченный эпизод, как абзац в литературном тексте; действие на развороте разворачивается из верхнего левого угла в нижний правый угол; каждый разворот заканчивается ка-

дром, побуждающим читателя перевернуть страницу; персонаж, расположенный у края кадра, ближнего к краю полосы, должен быть развернут в сторону центра полосы; время в комиксе передается при помощи пространства листа бумаги, на котором он напечатан и т.д.

Говоря же о скрытых механизмах языковой коммуникации, об общих закономерностях интеллектуальной деятельности человека, речь идет по мнению Е.С. Кубряковой, о том, что можно конкретно извлечь из языкового материала и как далеко могут зайти процессы абстракции в ходе его описания. Путь от поверхностных структур – к глубинным, от явлений – к сущности проходит каждый говорящий в актах восприятия и понимания речи¹¹, что особенно ярко проявляется в комиксах.

Важной проблемой в раскрытии заложенной в тексте информации является то, что человек оперирует не только языковыми данными, в свою речевую деятельность он привносит еще и мнения, верования, свои личностные характеристики. В.В. Красных называет такие структуры феноменологическими, так как они формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической природы, то есть об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях литературы¹². Речь идет о том, что общение и понимание невозможны, если коммуниканты не владеют общими когнитивными структурами (общим фондом знаний), поскольку чем больше «коллективных» когнитивных структур, тем глубже и адекватнее происходит понимание.

Когнитивные структуры перекликаются с пресуппозициями, но если пресуппозиция характеризует любой вид коммуникации, то когнитивные структуры чаще функционируют в рамках межкультурной коммуникации. Исследователи выделяют несколько типов когнитивных структур с точки зрения прецедентности феноменов:

1) социумно-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального);

2) национально-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-культурного сообщества;

3) универсально-прецедентные феномены, известные любому «*homo sapiens*» и входящие в «универсальную» когнитивную структуру¹³.

Все перечисленные феномены способствуют выявлению типологии когнитивных структур, в результате реализации которых имеет место полноценное общение. Так как когнитивные структуры, интерпретирующие воспринимаемые высказывания и инициирующие продуцируемые высказывания, вырабатываются постепенно в рамках формирования когнитивного стиля. Анализ комикса с позиций когнитивной лингвистики предполагает

рассмотрение формально представленной стороны языка и его содержательной стороны под углом изучения познавательных потребностей коммуникантов. На первый план здесь выходит систематизация знаний о мире, которая предусматривает его концептуализацию. При этом видимая условность плана выражения предписывает представлять содержание в максимальной степени конкретизации в ментальных репрезентациях, формально обеспечиваясь относительным минимумом языковых средств.

Изображение как важнейший компонент креолизованного текста несет в нем значительную функциональную нагрузку. Достаточно разнообразно и ярко функции изображения представлены в текстах комиксов, где иконические и другие паралингвистические средства (цвет, шрифт и др.) часто выступают как обязательный признак текстового типа.

Средства визуальной коммуникации способствуют реализации следующих функций: аттрактивной, информативной, экспрессивной и эстетической.

Аттрактивная функция заключается в назначении изображения привлечь внимание адресата, участвовать в организации визуального восприятия текста. В комиксах абсолютно каждое изображение выполняет эту функцию.

Информативная функция заключается в том, что изображение может дать полную информацию только в сопровождении с текстом и репликами персонажей, иначе оно может быть понято превратно или может дать неполную информацию.

Экспрессивная функция изображения заключается в его назначении выражать чувства адресанта и воздействию на эмоции адресата.

Эстетическая функция изображения состоит в том, чтобы в наглядных, чувственно воспринимаемых образах легче реализовать художественный замысел, воздействовать на эстетические чувства адресата. По сравнению с вербальным компонентом изобразительный компонент, как правило, выступает в качестве основного носителя эстетической информации.

Подобно аттрактивной функции, экспрессивная и эстетические функции также заключены практически в каждом кадре комикса.

Текст, присутствующий в комиксе, как и изображения, и баллоны, помогает созданию креолизации. Он обычно передает всю ту информацию, которую не может передать прямая речь или рисунок, то есть это чаще всего либо описание места действий, либо расшифровка намерений и действий, либо описание результата действия.

В когнитивном плане вырисовывается следующий момент: когда текст задан как объект восприятия – он интерпретируется с учетом универсальных стратегий, так как если бы их не было, то иллюзии восприятия не совпадали и не были бы однотипными у разных людей. Не происходило

бы семантической адекватности, которая имеет место в том случае, когда очерчивается «коридор смыслов» (А.А. Брудный), совпадающий у автора и реципиента.

Для того чтобы получить объемное, максимально приближенное изображение того или иного предмета, явления действительности, изображенного в тексте, необходимо не только детально изучить его внутреннее устройство и отдельные компоненты, но и представить их в движении, в действии, в естественных функциональных связях с окружающим миром. Именно это и позволяют сделать методы когнитивной лингвистики при изучении явлений человеческого языка, когда язык рассматривается и в статике, и в динамике, в связи с многочисленными факторами, находящимися за пределами языковой действительности и влияющими как на создание и производство речевых единиц, так и на их функционирование и восприятие.

¹ Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М.: Дрофа, 1990. С. 180.

² Клюканов И.З. Структура и функции параграфемных элементов текста: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983. С. 7

³ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 149

⁴ Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология-когнитивная наука // *Вопр. языкознания*. 1994. С. 10.

⁵ Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. С. 112.

⁶ Barthes R. *Rhetorik des Bildes* // *Alternative*. 1964, С. 107–114.

⁷ Сорокин Ю.А. *Цит. соч.* С. 164.

⁸ Барт, Р. *Мифологии*. Пер. с фр., вступит. ст., коммент. С.Н.Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 235.

⁹ Хомский Н. Язык и проблемы знания // *Вест. Моск. ун-та. Сер. «Филология»*. 1996. № 4. С. 161.

¹⁰ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 27

¹¹ Кубрякова. *Цит. соч.* С. 42.

¹² Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ 1998. С. 62.

¹³ Красных В.В. *Цит. соч.* С. 62.

Поступила в редакцию 1 июня 2009 г.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА КАК КОНЦЕПТУАЛИЗИРОВАННОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Т.Г. Попова, А.О. Шубина

CONCEPTS OF LITERARY WORLDVIEW

T.G. Popova, A.O. Shubina

Описываются концепты художественной картины мира. Автор статьи рассматривает различное понимание концепта исследователями и дает свое видение этой проблемы.

Ключевые слова: художественный текст, концепт, картина мира.

The article deals with concepts of literary worldview. The author describes different concept understanding and gives her own point of view.

Keywords: language, concept, worldview.

В рамках формирующейся антропологической парадигмы необходимо осмыслить то, как человек способен участвовать в коммуникации, перерабатывать и преобразовывать информацию, производить и понимать тексты, вызывает острый интерес к коммуникативно-когнитивным аспектам языковых явлений. Язык составляет неотъемлемую часть человеческой природы. При наличии и у человека, и у языка собственных внутренних закономерностей развития эти два феномена в то же время взаимосвязаны и взаимопроникаемы.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным вниманием к проблемам когнитивной деятельности человека в ее лингвистической репрезентации. Когнитивная лингвистика – это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации.

Одна из важнейших задач когнитивной лингвистики – выяснить, как преломляется мир в сознании представителей лингвокультурной общности и каким образом этот процесс представлен в разнообразных языковых единицах. В отличие от остальных дисциплин когнитивного цикла в когнитивной лингвистике рассматриваются когни-

тивные структуры и процессы, свойственные человеку: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов.

Центральная задача когнитивной лингвистики состоит в описании и объяснении языковой способности и/или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей и соотносящая языковую информацию на различных уровнях¹.

Вплоть до второй половины XX века лингвисты рассматривали язык в качестве некоей абстрактной сущности, жестко разграничивая употребление языка и языковую компетенцию. Однако смена научных парадигм (от системно-структурной парадигмы к коммуникативно-функциональной: коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной) вывела на приоритетные позиции процессы познания человеческой личности, обозначив, таким образом, интерес к языку как особому виду человеческой деятельности. Человек, активно познавая мир, всегда стремился понять, каким образом происходит сам процесс познания.

Возникновение и развитие когнитивной лингвистики позволяют по-новому взглянуть на ху-

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) ФГОУ ВПО «Военный университет» (г. Москва). E-mail: tatyana_27@mail.ru

Шубина Анна Олеговна, преподаватель кафедры английского языка (второго) ФГОУ ВПО «Военный университет» (г. Москва). Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.Г. Попова.

Tatiana G. Popova, English Dpt., Prof., Doctor of Philology (Military University, Moscow). E-mail: tatyana_27@mail.ru

Anna O. Shubina, English Dpt., chair lecturer (Military University, Moscow). Scientific adviser – professor T.G. Popova.

дожественное творчество писателя и его место в национальном наследии. Художественный текст рождается в результате речемыслительной деятельности, в которой вербализуется авторская концептуальная картина мира, при этом особенности языковой личности прямо пропорциональны особенностям ее картины мира. Анализ художественного произведения помогает понять специфику мировидения его создателя. Когнитивный подход способствует реконструированию или выявлению фрагментов содержания картины мира автора – концептов.

С.М. Богатова² полагает, что использование термина «художественная картина мира» позволяет подчеркнуть принципиальную целостность, а также идеальность стоящего за ним содержания, соотнести картину мира с некоей творческой концепцией. Термины «идиолект» или «идиостиль» с этой задачей не справляются.

Многие исследователи сходятся в том, что лексическая структура текста – это не только отражение организации текста. В любом тексте реализуется тезаурус данной языковой личности, а потому в лексической структуре текста выражается, прежде всего, мировидение автора.

Так, например, В.А. Пищальникова³ рассматривает художественный текст как совокупность эстетических речевых актов, представляющих определенное содержание концептуальной системы автора.

Анализ литературного творчества определенного писателя позволяет не только сделать выводы о концептосфере автора, но помогает на этой основе лучше понять концептосферу того народа, представителем которого выступает автор.

Концепт является многоплановым явлением, что отражается в многообразии его трактовок.

В Кратком словаре когнитивных терминов⁴ можно увидеть трактовку концепта как термина, служащего «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга».

Ю.С. Степанов⁵ понимает концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека». Однако благодаря наличию в сознании человека концептов обычный человек, не являясь «творцом культурных ценностей», сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Е.С. Кубрякова⁶ отмечает, что «по признанию многих специалистов, язык представляет собой лучшее свидетельство существования в нашей голове разнообразных структур знания о мире, в основе которых лежит такая единица ментальной информации как концепт. Концепты рождаются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий

опыт и осмысляются в разных типах деятельности с миром действительности».

Н.Н. Болдырев⁷ подчеркивает, что в концептах отражаются полученные человеком знания, опыт, результат всей его деятельности и результаты познания им мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Мышление человека ученый рассматривает как оперирование концептами, которые индивидуум в своей мыслительной деятельности анализирует, сравнивает, соединяет друг с другом, формируя новые концепты.

С точкой зрения Н.Н. Болдырева на способ формирования концептов соглашается и Т.Г. Попова⁸. Исследователь отмечает, что «концепты разного типа (образы, представления, понятия) или их объединения (картины, гештальты, схемы, диаграммы, пропозиции, фреймы и т.д.) рождаются в процессе восприятия мира и отражают и обобщают человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности действительность».

В.З. Демьянков⁹ подчеркивает, что «человеческая когниция – не только формируемая, но и формирующая сила. Миры образов, в которых мы живем, не только отражают эмпирическую данность, но и продуцируют ее в меру нашей способности создавать символы».

Таким образом, основываясь на исследованиях В.З. Демьянкова¹⁰, Н.Н. Болдырева¹¹, Е.С. Кубряковой¹², Т.Г. Поповой¹³, Ю.С. Степанова¹⁴ и других ученых, можно сделать вывод о невозможности поставить знак равенства между объектом реального мира, который существует в окружающей нас действительности, и объектом реального мира, который восприняло, обработало сознание индивидуума.

Хотя для формирования и существования концептов наличие языка не является обязательным условием, однако он необходим для обмена концептами и их обсуждения в процессе общения. Необходим он и для того, чтобы получить доступ ко всем концептам, существующим в сознании. Е.С. Кубрякова¹⁵ замечает, что если раньше язык понимался лишь как система знаков или средства коммуникации, то в настоящее время это еще и «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе».

Среди всего многообразия концептов можно выделить концепты общенациональные или общечеловеческие, групповые и личные. В концептах хранится не только индивидуальное знание и опыт, но и единое для конкретного языкового сообщества знание, как справедливо заметил Ю.С. Степанов¹⁶, «в некотором роде «коллективное бессознательное» современного... общества». Это «коллективное бессознательное» в концентрированном виде хранится «в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде»¹⁷

Художественная картина мира может быть представлена как концептуализированное художественное пространство, которое формируют когнитивные элементы – концепты, которые так или иначе существуют в индивидуальном сознании или коллективном бессознательном.

С.А. Аскольдов¹⁸ разграничивает концепты познавательные и художественные, которые используются в области познания или искусства соответственно. Если познавательные концепты – схематичны, лишены конкретных деталей, то художественные концепты включают в себя также чувства, желания, иррациональное, представляя собой смесь и того, и другого, а именно понятий, представлений, чувств, эмоций и даже иногда волевых проявлений.

С.А. Аскольдов¹⁹ отмечает, что самое принципиальное отличие художественных концептов от концептов познания в том, что связь элементов первых основана на чуждой логике и реальной прагматике художественной ассоциативности.

З.Д. Попова и И.А. Стернин²⁰ выделяют в структуре концепта три основных элемента, а именно образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Исследователи отмечают, что образ составляет ядро концепта и вследствие того, что формируется на базе личного чувственного опыта человека, обладает индивидуально-сенсорным характером²¹.

В свою очередь, информационное содержание концепта включает минимальный набор когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты концептуализируемого предмета²². Интерпретационное поле концепта содержит когнитивные признаки, которые так или иначе интерпретируют основное содержание концепта и следуют из него, являясь некоторым выводным знанием, либо оценивают его²³.

Л.О. Бутакова²⁴ полагает, концепт, актуализированный в тексте, будет значительно отличаться от такого же концепта в языковой картине мира. Иначе говоря, концептуальные слои, значимые для языковой картины мира, возможно, потеряют свою актуальность в художественной картине мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторская картина мира, по сути, представляет собой сумму, складывающуюся из компонентов общенационального образа мира и индивидуальных, порой парадоксальных, представлений автора. Художественное произведение представляет собой индивидуальный авторский способ восприятия и организации мира или частный вариант его кон-

цептуализации. Следовательно, исследователю непросто определить слова-концепты художественной картины мира. Согласно законам порождения и восприятия текста, в концептосфере художественной картины мира может быть множество личностных смыслов.

¹ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода// Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 2.

² Богатова С.М. Концепт ДОМ как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. ... канд. филолог. наук/ Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2006. С. 17

³ Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999. С. 4.

⁴ КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов/ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90.

⁵ Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40.

⁶ Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997. С. 37–38.

⁷ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 23–24.

⁸ Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): монография. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. С. 63.

⁹ Демьянков В.З. Цит. соч. С. 25.

¹⁰ Там же.

¹¹ Болдырев Н.Н. Цит. соч.

¹² Кубрякова Е.С. Цит. соч.

¹³ Попова Т.Г. Цит. соч.

¹⁴ Степанов Ю.С. Цит. соч. С. 40.

¹⁵ Кубрякова Е.С. Цит. соч. С. 9.

¹⁶ Степанов Ю.С. Цит. соч. С. 9

¹⁷ Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления// Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научн. изд-е/ под ред. И.А. Стернина. ВГУ, 2001. С. 53.

¹⁸ Аскольдов С.А. Концепт и слово// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/ ред. В.П. Нерознак. М.: Academia, 1997. С. 272.

¹⁹ Аскольдов С.А. Цит. соч. С. 275.

²⁰ Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие для вузов. – Восток-Запад АСТ, 2006. С. 75.

²¹ Там же. С. 69

²² Там же. С. 77

²³ Там же. С. 78.

²⁴ Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование: монография. Барнаул: АГУ, 2001. С. 59

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА РОДИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА XXI ВЕКА)

Т.П. Рогожникова, Ж.Б. Есмурзаева

ACTUALISATION OF THE PERIPHERIAL SIGNS OF THE CONCEPT RODINA (BASED ON THE TEXTS OF PEDAGOGICAL DISCOURSE IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

T.P. Rogozhnikova, Z.B. Yesmurzaeva

Речь идет о специфических языковых средствах, репрезентирующих концепт РОДИНА в русской языковой картине мира. Анализ фрагмента языковой картины мира на основе текстов педагогического дискурса позволяет выявить периферийные признаки концепта РОДИНА, которые отражают особенности формирования ценностной картины мира в сознании носителя русской ментальности.

Ключевые слова: лингвокультурологическое моделирование, концепт, педагогический дискурс, ценностная картина мира, концептуальные признаки.

The article deals with the study of the concept RODINA and its peculiarities in the Russian mapping of the world. The analysis of fragments of the mapping of the world on the basis of pedagogical discourse allows to reveal concept's peripheral signs which reflect peculiarities of formation of value mapping of the world in the consciousness of a Russian mentality bearer.

Keywords: linguoculturological modeling, concept, pedagogical discourse, value mapping of the world, concept's peripheral signs.

За последние полтора десятилетия в сознании россиян существенно изменились представления о Родине. Думается, это связано с реализацией государственной политики в области построения в нашей стране гражданского общества. Отметим, что ключевая, решающая роль в формировании российской идентичности как неотъемлемого условия укрепления российской государственности отводится новому стандарту общего образования, который осмысливается как новый идеологический заказ общества. В основу разработки стандарта положено достижение важнейших идеалов и ценностей патриотической направленности, а именно: любви к России, своему народу, своей малой родине; служения Отечеству и долга перед ним, старшими поколениями, семьей.

Рогожникова Татьяна Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры исторического языкознания ГОУ ВПО ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (г. Омск). E-mail: pmtr@mail.ru.

Есмурзаева Жанбота Бауржановна, старший преподаватель кафедры специальной языковой подготовки ФГОУ ВПО ОмГАУ, соискатель кафедры исторического языкознания ГОУ ВПО ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (г. Омск). Научный руководитель – профессор Т.П. Рогожникова. E-mail: yesmurzaeva@mail.ru.

Так как тексты школьных учебников и хрестоматий являются ресурсом идеологического содержания современного образования и отражают ценностные ориентиры российского общества, считаем актуальным исследование репрезентаций концепта РОДИНА в русской языковой картине мира на материале текстов современного педагогического дискурса.

В нашей работе выявление структуры концепта и форм его реализации осуществляется в русле ведущих направлений лингвистики – лингвоконцептологии и лингвокультурологического моделирования картины мира.

В связи с этим концепт РОДИНА мы рассматриваем с позиций лингвокультурологического подхода (Д.С. Лихачев, А. Вежбицкая, В.В. Коле-

Rogozhnikova Tatyana Pavlovna, PhD (Russian philology), Associated Professor of the Chair of Historic Linguistics, Omsk State University (Omsk). E-mail: pmtr@mail.ru.

Yesmurzaeva Zhanbota Baurzhanovna, the Chair of Special Language Training, senior lecturer (Omsk State Agrarian University), post graduate of the Chair of Historic Linguistics, Omsk State University (Omsk). Scientific Supervisor – Associated Professor, PhD (Russian philology) T.P. Rogozhnikova. E-mail: yesmurzaeva@mail.ru.

сов, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Т.В. Булыгина, С.Г. Проскурин, С.Х. Ляпин, В.И. Карасик, В.И. Шаховский, Н.А. Красавский, С.Г. Воркачев, Н.Р. Суродина, Н.Н. Панченко, В.А. Лукин и др.), который признает *концепт* базовой единицей культуры, ее концентратом. При этом концепт – единица коллективного сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой¹. Основное отличие лингвокультурных концептов видится в том, что в их структуру входит ценностная составляющая. Благодаря таким концептам можно моделировать ценностную картину мира (как часть картины мира) применительно к определенному этносу².

Понятие «ценностной картины мира» непосредственно связано с аксиологическим аспектом и лингвокультурологической теорией ценностей³. Одной из общечеловеческих ценностей, несомненно, является любовь к Родине. Она в равной степени присуща человеку любой национальности, однако, для носителя русской лингвокультуры «это чувство более органичное, эмоциональное. Оно выражается в почти физической привязанности русских к местам своего детства и молодости, болезненной ностальгии при расставании с родиной»⁴. Иными словами любовь к Родине, к своему народу, к своей «малой родине», служение Отечеству (ратное, духовное, трудовое), долг перед Отечеством, старшими поколениями, семьей и т.д. как высшие ценности актуализируются и в современном педагогическом дискурсе.

В нашем исследовании под педагогическим дискурсом понимается тематически объединенная совокупность текстов, обусловленная экстралингвистическими (социальными, идеологическими и историческими) факторами. В разное время анализу этого вида дискурса были посвящены работы В.И. Карасика, О.В. Коротеевой, Н.А. Лемяскиной, Ж.В. Миловановой, С.Л. Смысловой. Педагогическая метафорика исследуется Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым. В.И. Карасик определяет цель педагогического дискурса как социализацию нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения)⁵. Особенность этого вида дискурса заключается в его формирующей мировоззрение сущности – в силу лежащих в его основе моральных ценностей⁶. В этой связи актуальным становится изучение текстового наполнения школьных учебников, так как они – и средство передачи знаний, и способ организации деятельности, и отражение идеологического заказа общества.

Нами исследовался текстовый материал учебников по русскому языку, литературе и учебников для начальной школы («Окружающий мир», «Введение в народоведение»). Выбор учебников обусловлен тем, что в достижении цели современного

образования доминирующая нагрузка ложится на дисциплины гуманитарного цикла. Русский язык занимает в нем центральное место, поскольку является не только предметом изучения, но и средством обучения, определяющим успешность в овладении всеми школьными курсами и качеством образования в целом. Литература, в свою очередь, оказывает эмоциональное воздействие на сознание и способствует воспитанию нравственных качеств и ценностных ориентаций, формированию мировоззрения языковой личности, то есть участвует в моделировании ценностной картины мира обучающегося.

Методика моделирования исследуемого концепта заключается в следующем: на основе выявленных ранее ядерных признаков концепта (использовался анализ ключевого слова: синхронический и диахронический анализ по данным лексикографических источников; анализ синонимических единиц, репрезентирующих концепт) определена признаковая наполняемость семантики концепта РОДИНА; на основе вербализации всех понятий, обозначающих концепт РОДИНА, и их количественной обработки выявлены периферийные признаки.

Таким образом, анализ понятийной составляющей концепта РОДИНА на материале лексикографических источников позволил выделить в ней следующие основные, или ядерные, признаки: 1. Родина – ‘мать’; 2. Родина – ‘земля, край отцов, где живут родные и близкие’; 3. Родина – ‘государство, в котором человек родился’; 4. Родина – ‘отечество, отчизна, государство, гражданином которого человек состоит’. Ключевым именем концепта является лексема *родина*⁷.

Каждый из этих смыслов репрезентируется в современном педагогическом дискурсе. В школьных учебниках слово *родина* занимает позицию доминанты по отношению к другим единицам синонимического ряда – *родина, отечество, отчизна*, по крайней мере, в рассмотренных нами текстах. Общее количество словоупотреблений составило около 300 единиц.

Актуализация концепта РОДИНА в педагогическом дискурсе происходит путем наименования объекта – Родины-матери: *Велика наша Родина – мать-свято-русская земля!*⁸ *Милая, многострадальная наша Родина! Ты равно мать всем своим детям!*⁹. Количество упоминаний составляет 9,6 %. Считаем, что это свидетельствует о значительной роли, которая отводится современным педагогическим дискурсом древнейшей архисеме родины как «матери-сырой земли». Как известно, *сыра земля* – постоянный эпитет, характеризующий высшее женское божество в славянской мифологии. Последующий перенос значения на женщину, дающую жизнь и наполняющую теплотой и заботой, находит отражение в традиционных невербальных символах русской культуры, иллюстрацией к этому выводу служат плакат художника И.М. Тоидзе

«Родина-мать зовёт!» и 52-метровая скульптура «Родина-мать зовёт!» на вершине Мамаева кургана (работа Е. Вучетича).

Количество упоминаний наименования объекта – Родины как земли, края отцов, где живут родные и близкие, а также при помощи словосочетаний «родная/своя земля/ сторона/ край» представлен 18,1%. Но самая главная тема есенинской поэзии – Россия, любовь к родному краю¹⁰. Очерк Е.И.Носова замечателен ещё и тем, что, описывая чувство малой родины, автор одновременно рассказывает и о том, как зарождается это чувство, от чего зависит его формирование и его осознанность человеком¹¹. Думается, в этом случае происходит перенос архетипического значения родины как матери сырой земли на родную землю, сторону, свой край, место чьего-либо рождения. Это представление о «малой родине», в которое входят и родной дом, где тебя любят и ждут, и край, где живут родные и близкие, и чувство слитности с родной землей.

При наименовании объекта – «большой Родины» происходит отождествление этой родины (в отличие от «малой родины») с государством, гражданином которого человек состоит: Россия – наша большая Родина. От труда людей в разных краях России, от их отношения к Родине зависят её богатство и счастье¹². Привет, Россия – родина моя!¹³. Таким образом, в сознании носителя русской лингвокультуры «большая Родина» – это Россия со всеми её просторами и во всем её величии, от благополучия которой зависит и благополучие её граждан (количество фрагментов текста 29,9%).

Идея гражданственности при актуализации концепта РОДИНА поддерживается также с помощью синонимов «патриотической триады» – слов Отечество, Отчизна: Образ идеального Отечества есть у народов любой страны, любого государства в мире¹⁴. Но так уж несомненны мысли Стародума о воспитании, о чести, о необходимости любви к Отчизне, привязанности к её прошлому и будущему¹⁵. Чаще всего отечество и отчизна в исследуемом материале встречаются в художественных произведениях преимущественно XIX века и участвуют в создании торжественной тональности текстов. Однако возможно предположить, что при современном подходе к национальному воспитательному идеалу (воспитание высоко нравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны) слова Отечество и Отчизна будут представлены большим чем 15,5% количеством выявленных нами упоминаний в текстах педагогического дискурса.

Другие слова и словосочетания, обозначающие родину, например, Русь, страна, держава составляют 26,7% от общего количества упоминаний в текстах: Святая Русь – это память о прошлом нашего Отечества¹⁶. Выросла наша дер-

жава от колыбели в Русской равнине далеко на восток, до Тихого океана¹⁷. То есть происходит расширение репрезентантов концепта РОДИНА за счет исторических, идеологических и социокультурных факторов, участвующих в формировании данного понятия в сознании носителей русской лингвокультуры.

В нашей работе за основу взята методика выявления признаков, предложенная С.Г. Воркачевым¹⁸. Таким образом, признаковая наполняемость семантики концепта РОДИНА, выраженная всеми словами и словосочетаниями, обозначающими это понятие, позволила выделить три блока дополнительных или периферийных признаков: 1) историко-географический, 2) эмоционально-ценностный, 3) императивный.

Итак, в исследованных текстах историко-географический блок включает в себя: природно-ландшафтные признаки. Горы и равнины, леса и степи, реки и моря, города и деревни – это всё наша страна, наша Родина¹⁹. В науке поэт видит средство раскрытия природных богатств страны, её человеческих возможностей²⁰. Наше Отечество многообразно по климату, по почве, по природным богатствам²¹. Следует отметить, что упоминание различных природных явлений и ландшафтных особенностей, формирует представление о родине как о территории, богатой природными ресурсами.

Особую значимость приобретают важные для истории и культуры России места, которые актуализируются через топонимические признаки: Без Волги невозможно представить себе нашу Родину²².

В репрезентации исторической судьбы родины участвуют также исторические признаки: Как будто спит былая Русь²³. Былинная Русь – это дохристианская языческая Русь примерно IX–X веков²⁴. При этом чаще всего они актуализируются через те наименования родины, которые использовались в ту или иную историческую эпоху, упоминанием исторических событий (На поле Куликовом) и личностей (Сергей Радонежский).

Понимание сформированной за многие годы истории многокультурной общности россиян и единства народов России конституируется демографическими признаками: С древности и до сих пор земля нашего Отечества – дом для самых разных народов. Сейчас их больше ста семидесяти. В основном это народы финно-угорские, славянские, тюркские, кавказские. Их судьба – это судьба нашего Отечества²⁵. Потому-то так различны лица русских людей в разных краях нашей Родины²⁶.

Особое место занимают пространственно-временные признаки, которые актуализируются через оппозиции (например, великая Родина – маленький хуторок, бегство от родины – возвращение на родину и т.д.): Велика наша Родина – мать-свято-русская земля! От запада к востоку тянется она почти на одиннадцать тысяч вёрст; а от севера к югу на четыре с половиною. Не в од-

ной, а в двух частях света раскинулась Русь. в Европе и Азии...²⁷. Главный вопрос раздела: Где и когда начинается наше Отечество?²⁸

Следующий блок связан с эмоционально-ценностными признаками концепта РОДИНА.

Чувство любви относится к эмоциональным признакам потому, что «ранг любви к родине в *ordo amoris* в широком смысле, отражающем общую иерархию ценностей и предпочтений русского человека настолько высок, что она чуть ли не входит в *ordo amoris* в узком смысле, включающем любовь к Богу, к ближнему, к родным, друзьям и супругам»²⁹. *Милая, многострадальная наша Родина! Ты равно мать всем своим детям. Только бы нам, живущим сейчас на родной земле, любить тебя и беречь*³⁰. Любовь к родине и связанное с ним чувство тоски по родине (ностальгия) также актуализируется в педагогическом дискурсе: Стихотворение «Тоска по родине! Давно...» стало классическим выражением эмигрантской ностальгии³¹... Эмиграция обернулась бедой, несчастьем, нищетой, бесконечными мытарствами и жгучей тоской по родине³². Это воистину «потерянный рай» Шмелева-эмигранта, и не потому ли так велика сила ностальгической, пронзительной любви к родной земле³³. Следует обратить внимание, что количество упоминаний чувства ностальгии в исследуемых текстах значительно. Это отражает тот факт, что русская лингвокультура, как никакая другая, имеет богатое историческое наследие, связанное с эмиграцией.

Скорее всего, чувство любви и тоски по родине конституирует и вытекающие из такого отношения к родине личностные чувства: *Родина!...Боже мой, сколько в этом слове чувства, мыслей, радости и горя*³⁴. *Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы, от бережливости и рачительного пользования ее дарами*³⁵. Выделение этой группы признаков актуализирует чувства привязанности к родине, неотделимости и неотторжимости от неё, страха за судьбу родины, необходимости находиться рядом и пожелания родине благоденствия. Это особое чувство – чувство Родины, связанное в том числе и с чувством гордости за свою страну: *Мы спросили журавля: /- Где же лучшая земля?/ Отвечал он, пролетая: /- Лучше нет родного края!*³⁶ *Нет в мире краше Родины нашей.*³⁷ *Где бы ты ни находился, в каком далёком уголке ни живёшь, вся наша страна принадлежит тебе. И ты имеешь право с гордостью сказать. «Это моя Родина»*³⁸.

Что касается ценностных признаков, то мы выделили красоту родины: *И Россия, как Алёнушка, / Предстает во всей красе*³⁹ *А ты все та же, моя страна, / В красе заплаканной и древней*⁴⁰ ...а вся Россия уподоблена спящей красавице, околдованной темной силой...⁴¹ ...но этой нежной красоте возлюбленной Ломоносов противопоставляет величественную красоту матери-родины, России⁴². В приведенных нами примерах

красота актуализируется через представление о родине как о красивой женщине, что ещё раз подтверждает характер древнейшей архисемы концепта РОДИНА – «матери-сырой земли».

Признак уникальности как ценностный признак репрезентирован лексемами *одна, единственная*, что позволяет сформировать в сознании носителей русской лингвокультуры неповторимый образ родной страны: *...но одна у человека родная мать – одна у него и родина*⁴³ *К родине мы привикаем и часто не замечаем её. Она ведь всегда рядом, это одна, единственная страна*⁴⁴.

Отдельный блок составляют императивы должестования и обязанности перед Родиной: *Ты должен посвятить Отечеству свой век, /Коль хочешь навсегда быть честный человек*⁴⁵ *У него забрезжила смутная надежда быть полезным Отечеству, русской литературе, быть может, помочь и ссыльным друзьям*⁴⁶. В басне «Пчела и мухи» Крылов утверждает, что настоящий патриотизм, настоящая привязанность к Родине возможны лишь у тех людей, которые трудятся для нее и вносят свою лепту в ее благосостояние, как пчелы носят мед в свой улей⁴⁷. В связи с этим актуализируется признак готовности пойти на жертву ради защиты Родины: *Я, как русский, готов жертвовать для отечества всем, чем могу*⁴⁸. *Героями были и отважные воины – защитники Родины и могучие оратаи – хлебопашцы*⁴⁹.

Таким образом, историко-географический блок выявленных нами признаков концепта РОДИНА в первую очередь конституируется природно-ландшафтными признаками (упоминание гор, равнин, лесов, полей, природных богатств, просторов и т.д.), которые по сумме составляют 16,2 % упоминаний. На втором месте – демографическая составляющая: многонациональность, народы, племена и т.д. Общее количество – 12,4 % от числа всех упоминаний выделенных признаков. Затем следуют пространственно-временные признаки, а именно указание размеров (широта, «начало», размер, границы) – 9,5 %. Топонимические (Волга, Москва, Владимир, Мещерский край, Царское село и т.д.) и исторические характеристики представлены как 3,3 % и 5,2 % соответственно.

Личностные чувства – 18 % от числа всех упоминаний – составляют ядро эмоционально-ценностного блока. Чувство любви к родине представлено 13,8 % признаков. Далее следует чувство тоски/ ностальгии – 5,7 % и чувство гордости за свою родину 0,9 %. Красота и уникальность как ценностные признаки составляют 3,8 % и 1,9 % упоминаний соответственно.

В императивном блоке признаков первое место занимает императивы должестования и обязанности 4,3 %. Признаки готовности пойти на жертву ради защиты Родины составляет 5,7 % количество упоминаний.

Наблюдение над вербализацией представления о родине показывает, что в учебных текстах современности

менного педагогического дискурса дополнительные признаки концепта РОДИНА в процентном эквиваленте соотносятся как 45,9:44,1:10 (историко-географический, эмоционально-ценностный и императивный блоки соответственно).

Обобщая признаки концепта РОДИНА, выделенные при его лингвокультурологическом моделировании в рамках педагогического дискурса, можно сделать предварительные выводы.

Во-первых, РОДИНА предстает как субъект мирового географического пространства, значительный по размерам – бескрайняя страна с ландшафтными особенностями и природными богатствами, где протекают природные, социально-экономические, исторические и демографические процессы.

Во-вторых, уникальность и красота Родины вызывают личностные переживания – особое чувство Родины и связанное с ним чувство гордости за свою страну. Таким образом, эмоционально-ценностная составляющая РОДИНЫ конституируется некими абстрактными сущностями (чувствами); которые не поддаются описанию.

В-третьих, признаки императивного блока, репрезентированные значительно меньшим количеством упоминаний в текстах по сравнению с выявленными признаками историко-географического и эмоционально-ценностного блоков, в педагогическом дискурсе актуализированы недостаточно для формирования в сознании личности идеи гражданственности и патриотизма и связанные с ними ценности, такие как долг перед Отечеством и готовность пойти на жертву ради его защиты.

¹ Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. С. 236.

² Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2007. С. 256.

³ Карасик В.И. Аксеологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова. Севастополь. Рибэст, 2009. С. 13.

⁴ Сергеева А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., испр. М.: Флинта Наука, 2006. С. 16.

⁵ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. С. 254.

⁶ Там же. С. 256.

⁷ Есмурзаева Ж.Б. Ядерные смыслы концепта РОДИНА (по данным лексикографических источников) // Личность. Культура. Общество. Т.3 (50), 2009. С. 475–480.

⁸ Кубасова О.В. Любимые страницы. Учебник для 2 класса по литературному чтению. В двух частях. Часть первая. Смоленск: Ассоциация XXI век, 2002. – С. 7–8.

⁹ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. Родная земля: учеб. для 4 кл. четырёхлет. нач. шк.. В 2 ч. М.: Дрофа, 2003. Ч.1. С. 87

¹⁰ Коровина В.Я. Литература. 8 кл. Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 2003. Ч.2. С. 115.

¹¹ Ладыгин М.Б. Литература. 7 кл.. учебная хрестоматия для школ и классов с углубл. изуч.лит., гимназий и лицеев/ 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2000. С. 412.

¹² Виноградова Н.Ф. Окружающий мир: Учебник для учащихся 2 класса общеобразовательных учреждений. 2-е изд., с уточн. М.: Вентана-Граф, 2004. С. 53.

¹³ Коровина В.Я. Литература. 8 кл. С. 105.

¹⁴ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. С. 40.

¹⁵ Литература. 10 кл. Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.1 / В.Г. Маранцман, М.А. Мирзоян, Ю.Ю. Поринец и др.; под ред. В.Г. Маранцмана. 2-е изд. М.: Просвещение, 2002. С. 150.

¹⁶ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. С. 40.

¹⁷ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. С. 18.

¹⁸ Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2008. С. 95.

¹⁹ Плешаков А.А. Мир вокруг нас. Учеб. для 2 кл. В 2 ч. Ч.2. 3-е изд. М.: Просвещение, 2002. С. 90.

²⁰ Литература. 10 кл. Учеб. пособие. С. 141.

²¹ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. С. 22.

²² Плешаков А.А. Мир вокруг нас. С. 91.

²³ Коровина В.Я. Литература. 8 кл. С. 97

²⁴ Курдюмова Т.Ф. Литература. 5 кл. Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учеб. заведений. В 2 ч. Ч.1. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. С. 22.

²⁵ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. С. 18.

²⁶ Там же. С.21.

²⁷ Кубасова О.В. Любимые страницы. С. 7–8.

²⁸ Новицкая, М.Ю. Введение в народоведение. С. 6.

²⁹ Воркачев С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 26.

³⁰ См. Новицкая 2003. С. 87.

³¹ Чалмаев В.А. Русская литература XX века. 11 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2; под ред. В.П.Журавлева. 8-е изд. М.: Просвещение, 2003. С. 74.

³² Там же. С. 72.

³³ Там же. С. 74.

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ Коровина В.Я. Литература. 8 кл. С. 38.

³⁶ Кубасова О.В. Любимые страницы. С. 15.

³⁷ Горецкий В.Г. Русский язык: Учеб.-тетр. для 1 кл. нач. шк. 4-е изд. М.: Просвещение, 2002. С.14.

³⁸ Плешаков А.А. Мир вокруг нас. С. 90.

³⁹ Виноградова Н.Ф. Окружающий мир. С. 52.

⁴⁰ Граник Г.Г. Русский язык: Синтаксис и пунктуация: Пособие для уч-ся старш. кл. и абитуриентов. М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 2002. С. 338.

⁴¹ Чалмаев В.А. Русская литература XX века. С. 171.

⁴² Литература. 10 кл. Учеб. пособие. С. 143.

⁴³ Кубасова О.В. Любимые страницы. С. 8.

⁴⁴ Лекант П.А. Русский язык: Теория. Практика. Речь. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. М.: Дрофа, 2002. С. 201.

⁴⁵ Литература. 10 кл. Учеб. пособие. С. 147

⁴⁶ Там же. С. 272.

⁴⁷ Лебедев В.Ю. Литература. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 2003. Ч.1. С. 71.

⁴⁸ Там же. С. 134.

⁴⁹ Курдюмова Т.Ф. Литература. 5 кл. С. 22.

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

СЕМИОТИКА СМЕРТИ В ДИСКУРСЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.С. Степанов

DEATH SEMIOTICS IN ACTIVITY DISCOURSE

M.S. Stepanov

Рассматривается семиотическая реализация представления человека о смерти в культуре, то, как данное представление закрепляется посредством языка. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что семиотика смерти варьируется в зависимости от того, является ли осознание смерти отражением сознания деятельного и недейтельного носителя культуры. Своеобразно трактуется категория деятельности.

Ключевые слова: концептосфера, смерть, деятельность, дискурс, рефлексия.

The article is devoted to the consideration of semiotic realization of human idea of death in culture, the way this idea is expressed by means of language. The assumption of death semiotics variation depending on whether death awareness is reflection of consciousness of an active and not active culture bearer is advanced as a working hypothesis. The term «activity» is originally interpreted.

Keywords: concepts, death, activity, discourse, reflection.

Среди большого количества концептов, изучаемых в рамках рассмотрения концептосферы русского и европейских языков, концепт «смерть» и стоящее за ним явление социокультурной реальности в настоящее время изучены еще не в полной мере.

В последнее время появилось немало работ, посвященных исследованию концепта «смерть» на лингвистическом, психологическом, социальном уровнях рассмотрения. Здесь представляется уместным упомянуть диссертационные исследования Т.А. Бычковой¹, В.В. Варавы², А.В. Гоголевой³, А.В. Ермаковой⁴, К.Ф. Ляха⁵, К.А. Нагиной⁶, Е.Н. Осатюк⁷, Ж.В. Салькиной⁸, В.В. Тарасенко⁹, Е.В. Тухтангуловой¹⁰, О.С. Чумак¹¹, материалы конференции, прошедшей в Оксфорде в 2008 году¹², материалы конференции в Сантьяго-де-Компостела¹³, работы, посвященные семиотическому соотношению феноменов смерти и гендера¹⁴, а также исследования Ф. Арьеса, которые во многом заложили основы современного рассмотрения смерти как лингвокультурного и социокультурного феномена¹⁵.

Признавая важность перечисленных работ, нельзя не отметить, тем не менее, что, в известном смысле, им присущ редуccionизм в интерпретации смерти: изучение смерти сводится в их рамках

исключительно к исследованию одного или нескольких феноменов предметной реальности, имеющих отношение к смерти. В этой связи феномен смерти оказывается одним из ряда других, к которым применяются принципы и методы определенного научного подхода.

Во многом данная позиция, подразумевающая дисциплинарное исследование феномена, существует как антитеза экзистенциальному подходу к восприятию смерти, фактически отрицавшему само существование смерти как самостоятельного факта реальности и включающего его в процесс жизни. Напомним, что в восприятии экзистенциализма смерть рассматривается как один из центральных моментов в становлении и реализации Бытия, осуществляющийся в отрыве от социальной практики человека, и собственной, напряженно противостоящей ей уникальности. В этой связи «экзистенциальная интерпретация смерти лежит до всякой биологии и онтологии жизни. Она опять же впервые фундирует всякое биографо-историческое и этнолого-психологическое исследование смерти»¹⁶.

Для объективного рассмотрения феномена подобный подход годится не в полной мере, поскольку здесь смерть, вопреки наполнению ее бытийным содержанием, перестает быть объектом,

Степанов Максим Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии РГГУ (г. Москва); соискатель учёной степени доктора наук на кафедре романских языков Военного университета (г. Москва), научный руководитель – доктор филологических наук Иванов Николай Викторович. E-mail: step83@rambler.ru

Maksim S. Stepanov, candidate of philology, Romance Philology, chair assistance professor (RSHU, Moscow); Romance Languages, chair post graduate. PhD (Linguistics), (Military University, Moscow), Scientific Supervisor – Ivanov Nikolay Viktorovich, PhD (Linguistics). E-mail: step83@rambler.ru

включается в процесс жизни, и де-факто теряет свое самостоятельное бытие, определяемое с точки зрения любой культурной традиции в рамках абсолютизации оппозиции «жизнь – смерть».

Логичным представляется «отстраивание» системного, междисциплинарного изучения феномена смерти с учетом данных таких гуманитарных дисциплин, как лингвистика, социология, психология, семиотика. Тем не менее на сегодняшний день в рамках научных подходов к смерти, как социокультурному феномену, еще не утвердился вполне системный взгляд на рассматриваемое явление.

В представлениях о смерти, находящихся себе место в рамках культуры, соединяются одновременно мифологические, религиозные, рефлексивные моменты человеческого бытия. При этом смерть в культуре исследуется исключительно с точки зрения ее частной манифестации в определенных знаковых системах. Справедливо в этой связи замечание Б. Нойса, В. Гудвина, Э. Бронфин о том, что «научные подходы к исследованию феномена смерти изучают то, как репрезентируется смерть»¹⁷, а сама смерть представляет собой фактически «совокупность культурных значений»¹⁸. В самом деле, в то время как обыденное сознание сталкивается со смертью как с невыразимым опытом переживания (например, травматического¹⁹), ученые имеют дело со знаковой репрезентацией реальности смерти, во многом расходящейся со всей полнотой присутствия смерти в бытии человека.

Исследование знаковых явлений, репрезентирующих смерть, практически полностью подменяет собой исследование всей полноты феномена смерти в его социокультурном и даже антропологическом аспектах. Интересен в этой связи подход Э. Кублер-Росс²⁰. Она рассматривает смерть исключительно в контексте отрицательных, негативных психологических переживаний человека. Согласно ее позиции центральным в вопросе отношения человека к смерти является драматизм ее восприятия. Указанное восприятие смерти человеком проходит пять стадий, от полного отрицания до смиренного принятия²¹. Ярким опровержением редукционизма Э. Кублер-Росс стал, как известно, обоснованно высмеявший его фильм Боба Фосса «All that jazz» (1979).

С позиций психологии смерть может изучаться также в том смысле, какое значение имеет феномен смерти для определенного исторического лица, то есть с позиций так называемого ретроспективного анализа. В русле данного подхода действуют Е. Bronfen²², М. Burleigh²³, J.S. Piven²⁴. В схожем ключе проходят исследования по семантике смерти²⁵, либо по семиотике смерти²⁶.

В целом, нельзя не отметить то обстоятельство, что в контексте принципов и методов каждого из указанных подходов, в рамках которых анализируется феномен смерти, предмет исследуется, на

первый взгляд, тщательно. Однако при этом ряд аспектов рассмотрения смерти находится вне поля зрения ученого. Так, в рамках изучения социокультурного феномена смерти не делается попыток ответа на вопрос, является ли смерть с точки зрения воспринимающих ее субъектов всегда одним и тем же – или нет. Говоря кратко, не дается ответ на вопрос о том, субъективна или объективна смерть для человеческого восприятия. Во многом остается неясным, с чем связано отличие рефлексивного восприятия смерти от непосредственного, эмоционального переживания смерти.

Указанное различие проявляется, в частности, в разнице между тем, как воспринимается смерть в рамках религиозных, философских, научных традиций и в повседневном опыте человека.

На наш взгляд, подлинное понимание концепта «смерть» во всей полноте социальных, лингвистических, психологических, семиотических, философских ассоциаций возможно для нас только в том случае, если мы оценим его не просто как явление предметной реальности, стоящей в ряду других явлений. Необходимо подходить к феномену смерти в культуре, исходя из того, что он важен для нас не только как концепт русской или иной концептосферы, не только как частный предмет философии, семиотики, социологии или психологии, но и как явление, понятие о котором принципиально для всей парадигмы гуманитарного знания, знания, ориентированного на человека.

Исключительная уникальность концепта «смерть» обусловлена тем, что он аккумулирует в себе не только глубинные ментальные ассоциации, зафиксированные в языке, но и представления, формирующиеся в рефлексии человека «здесь» и «сейчас»; представления, в любое время и в любом месте, так или иначе относящиеся к смерти, как к абсолютному иному по отношению к данному.

Подробное рассмотрение явления смерти как социокультурного феномена в самом широком смысле этого слова является актуальной задачей современного гуманитарного знания.

На наш взгляд существуют два типа восприятия смерти, общие для всех культур: рефлексивное и нереплексивное (бессознательное) восприятие.

Рефлексивное восприятие смерти связано с деятельностной парадигмой, то есть присуще человеку деятельному, осуществляющему определенную целенаправленную деятельность. В отличие от ряда современных ученых, таких как Б. Нойс, Н. Смол, Ж. Деррида, Ж. Делез и пр., мы полагаем, что деятельность как экзистенция и деятельный человек как экзистирующий противопоставляют себя жизни как экзистенции.

В рамках жизни «здесь и сейчас» деятельность отчуждена от человека (в данном случае мы опеределаем деятельность как отчужденную от человека в соответствии с традициями смд-методологического подхода²⁷) и налагает на его

самореализацию непреодолимые ограничения в виде недостаточного наличного инструментария, отрицательных оценок и отношения к деятельности со стороны других людей и пр. Можно согласиться с М. Хайдеггером, утверждающим, что «смерть как конец присутствия есть самая отличительная, несводимая, неминуемая и как таковая неопережаемая возможность бытия»²⁸. Однако – здесь мы считаем возможным возразить М. Хайдеггеру – смерть является возможностью бытия не в силу того, что она является его частью, а в том смысле, что в культурном, семиотическом плане она полностью ему противостоит.

В материальной культуре и в языке фиксируется бессознательное отношение человека к смерти, которое можно охарактеризовать как драматическое или «испуганное». Именно оно отражается в идиоматике языков и впоследствии в концептосфере. Данный тип отношения связан во многом со свойственным человеку биологическим неприятием смерти себя как существующего, и другого как «близкого мне». Этим определяется традиционное семантическое поле смерти в разных языках.

В качестве примера можно привести семантические поля слов «смерть» и «muerte», зафиксированные в словаре М. Санчес-Пуиг и Ю.Н. Караулова. Семантические поля включают в себя, прежде всего, слова, связанные с восприятием смерти как ужасного, либо связанные с символикой похоронных обрядов. Для русского языка основными ассоциациями со «смертью» являются «жизнь», «горе», «конец», «гроб», «страх», «плохо», «ужас». Для испанского – «fin», «vida», «miedo», «final», «negro», «tristeza», «ataúd»²⁹. Нереклексивное, бессознательное отношение к смерти формирует семантическое поле данного феномена в языке и его семиотическую репрезентацию в культуре в целом. Однако оно не оказывает существенного влияния на отношение человека к смерти в тот момент, когда человек реализует себя как человек действующий.

Историческое рассмотрение проблематики смерти начинается в античности. В диалоге «Горгий»³⁰ Платон влагает в уста Сократа следующее размышление о смерти: «Сама по себе смерть никого не страшит, разве что человека совсем безрассудного и трусливого, страшит совершенная несправедливость, потому что величайшее из всех зол – это когда душа приходит в Аид обремененной множеством несправедливых поступков»³¹. Далее Сократ рассказывает «предание» об истории изменения посмертно судьбы людей³².

Обычно данный фрагмент, равно как и весь диалог «Горгий», интерпретируется исследователями с точки зрения того, что он представляет собой изложение учения Платона об идеях. В частном рассмотрении основной проблемой диалога является учение о риторике, ораторском искусстве. «Все это... увенчивается теорией загробного суда – загробных наград и наказаний»³³.

На наш взгляд, данный фрагмент скорее является свидетельством тому, что изначальное этическое ощущение смерти напрямую связано с представлением о её абсолютной эгалитарности, причём эгалитарности, противостоящей жизни как предметной реальности. Интересно, что Платон уравнивает предметную отягченность человека в жизни с его социальной, экономической, психологической отягченностью и несвободой. Зло несправедливого суда проистекает «оттого, что подсудимых судят одетыми, оттого что их судят живыми (sic!). Многие скверны душой, но одеты в красивое тело, в благородство происхождения, в богатство, и, когда открывается суд, вокруг них толпятся многочисленные свидетели...»³⁴. Данное отношение к смерти как к полю справедливости, противостоящей предметной реальности жизни, в дальнейшем становится общим местом самосознания человека.

Как мы полагаем, наибольшего развития данное отношение к смерти достигает в тот момент, когда человек осуществляет определенную целенаправленную деятельность. Об этом вкратце говорилось выше. Трагизм человеческой деятельности заключается в том, что человек, стремясь к самореализации в деятельности, тем не менее абсолютно не способен реализовать себя в ней, поскольку деятельность является предметной, социальной и экономически детерминированной, по меткому выражению Платона, человек «одет, и вокруг него много свидетелей».

Человек, вопреки представлениям западных исследователей деятельности, в конечном счете никогда не свободен от собственной предметной реальности. Западные исследователи исходят из представления о деятельности как свободном полагании целей в рамках заданной ситуации материала и его преодоления³⁵. Мы склонны соглашаться с упоминаемыми выше тезисами отечественных теоретиков деятельности, полагающих деятельность отчужденной от человека и определяемой не только и не столько действующим лицом, сколько собственным, независимым от него инструментарием и материалом. На наш взгляд человек не может преодолеть материала деятельности.

Однако в деятельности, направленной к смерти, снимается трагизм нереализуемости собственных идей и целей в рамках выбранной деятельности, поскольку смерть отсылает человека к невозможности и хрупкости любого существующего частного Бытия. Неслучайно то обстоятельство, что марксизм как система, абсолютизирующая деятельность, также абсолютизирует и самопожертвование человека-деятельного.

Интересно, что наряду с абсолютизацией тяготения к смерти в качестве предиката деятельности, марксизм абсолютизирует в том же качестве и молодость. В реальном марксизме первых десятилетий советской власти молодость и смерть стран-

ным образом соединяются друг с другом, образуя своеобразный культ смерти молодых. Впоследствии этот «культ» будет по-разному проявляться на протяжении всего XX века и окажется преодоленным только в наши дни. Можно вспомнить такие поэтические строки, как «Не уважали черногорцы погибших позже тридцати» В. Высоцкого или совсем недавнее «Война – дело рук молодых, лекарство против морщин» В. Цоя.

Можно предположить, что молодость в практике марксизма является физической предпосылкой осуществления деятельности, в то время как смерть – моральной. При этом различается индивидуальная смерть и всеобщая жизнь. Индивидуальная смерть действующего субъекта рассматривается как акт перехода в жизнь всех, общества. Вспомним, стихотворение Н. Заболоцкого «Как жизнь меняется, и как я сам меняюсь. Лишь именем одним я называюсь. Всё то, что именуют мной, не я один, нас много, я живой». В другом стихотворении Н. Заболоцкого «В этой роще березовой, вдалеке от страданий и бед» указанная тема проявляется еще отчетливее. «Спой мне, иволга, песню пустынную, песню жизни моей», – начинает обращение солдат – герой стихотворения. В конце стихотворения, напомним, смерть героя оказывается залогом общей жизни. «За великим реками встанет солнце и в утренней мгле с опаленными веками припаду я убитый к земле. Каркнув бешеным вороном, весь дрожа, замолчит пулемет. И тогда в моем сердце разорванном голос твой запоет...».

Еще ярче подобная тема проявляется в искусстве двадцатых – тридцатых годов, прежде всего в поэтическом творчестве Н. Асеева, Э. Багрицкого, Н. Прокофьева и в прозе И. Бабеля, абсолютизирующего сочетание молодости и смерти как в «Конармии», так и в «Одесских рассказах». Смерть, наряду с такими атрибутами, как жертвенность и искренность, и с молодостью выступает предикатом самореализации человека в деятельности – ее необходимым залогом.

На первый взгляд может показаться, что данная ситуация уникальна в силу изначальной деятельностной направленности марксизма. Однако еще задолго до марксизма указанная постановка вопроса имела место в христианстве.

Говоря о смерти, христианская мысль делает акцент, прежде всего, не на смерти как факте, а на загробной судьбе человека. Из недавних трудов, посвященных указанной теме, представляется уместным упомянуть, в частности, о труде иером. Серафима (Роуза)³⁶, а также о трудах свт. Игнатия (Брянчанинова)³⁷ и свт. Феофана (Затворника)³⁸ середины позапрошлого века.

В самом Новом Завете мы встречаемся с тремя формами репрезентации смерти: 1) смерть как персонифицированный факт реальности; 2) смерть как явление реальности; 3) смерть как будущая жизнь. Во всех трех случаях смерть выступает в оппозиции к своему антониму – жизни.

Предметное выражение смерть получает в Откровении Иоанна Богослова:

«И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью» (Откр. 6:8).

Метафорическая трактовка смерти реализуется, прежде всего, в 1-м и 2-м посланиях апостола Павла коринфянам. В 15 главе 1-го послания к Коринфянам апостол Павел недвусмысленно говорит о физической смерти для верующих как о предпосылке воскресения, в связи с Воскресением Христа: «ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес» (1 Кор. 15: 16). «Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых, как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. 15: 21–22). Далее апостол Павел говорит о необходимости отдания себя в этой жизни ради победы над смертью: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор. 15: 42 – 44).

В 4 главе 2-го послания к Коринфянам апостол Павел описывает апостольское служение следующими словами, напрямую сближающимися с представлением о смерти как о залоге реализации деятельности в этой жизни: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» (2 Кор. 4: 8–9). Далее апостол Павел поясняет, откуда апостольское служение черпает свое вдохновение и на чем основывается. Вновь здесь проявляется тема смерти как Новой жизни и отвержения старой. «[Мы] Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2 Кор. 4: 10 – 12).

Для апостола Павла его смерть оказывается неразличимой от Вечной жизни, что подчеркивается словами в начале послания к Филиппийцам: «При уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Фил.: 1:20).

В целом, в Новом Завете смерть понимается либо конкретно, в нашем обыденном восприятии, то есть «как прекращение земной жизни», либо метафорически. Конкретная интерпретация смерти свойственна в целом Евангелию. В Апостоле, после Воскресения Иисуса Христа, мы встречаемся с метафорическим пониманием смерти, которое определяет дискурс смерти как необходимости жизни на всё последующее время, и, в частности, своеобразно преломляется в практике марксизма XX века. Смерть отныне понимается как жизнь,

поскольку, смерть и есть жизнь за Иисуса Христа, обеспечивающая наследование Вечности.

Выводы

1. Существует два плана восприятия смерти человеческим сознанием. На первом плане восприятие смерти реализуется в структурах психологического неприятия, либо адаптации смерти как неизбежной антитезы жизни (по Ф. Арьесу – приручение смерти). Данное восприятие находит свое выражение в материально-символическом пласте культуры: в погребальных обрядах, изготовлении оберегов, заговорах, суевериях и пр. На уровне языка данное восприятие смерти реализуется в устойчивых идиоматических оборотах, пословицах и поговорках. Также по принципу переноса значения лексемы, связанные с материальными символами, сопровождающими смерть в процессе ее культурной адаптации, образуют ассоциативное поле смерти в языке.

На втором плане мышления восприятие смерти является рефлексивным. Смерть мыслится как философская категория, во многом в отрыве от своего реального биологического и социального содержания. В данном случае центральным является этическое рассмотрение смерти. Смерть понимается как эвалюативная этическая категория в связи с известной эгалитарностью ее отнесенности к человеческой жизни. Ассоциации, возникающие на уровне рефлексивного плана восприятия смерти, не находят выражения в семантическом поле смерти в культуре.

2. Понимание смерти как эвалюативной этической реальности, то есть с точки зрения отождествления смерти и суда, является основным моментом философского и религиозного осмысления смерти. В религиозной практике христианства данное понимание связывается с идеей Вечной жизни, предпосылкой которой оказывается смерть за Христа. В безрелигиозных обществах, имеющих связь с традицией христианства, в частности, в марксизме, индивидуальная смерть оказывается залогом жизни данной общности.

3. Смерть является принципиально важной категорией для оценки деятельности человека, поскольку отождествление со смертью позволяет человеку преодолевать детерминизм предметной реальности. В этом смысле смерть становится категорией субъективного восприятия человека в деятельности.

¹ Бычкова Т.А. Концепт «Жизнь – смерть» в идиолекте Михаила Зошенко: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. С. 161.

² Варавва В.В. Смерть как проблема нравственной философии: на материале русской философской культуры XIX–XX веков: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.05. Тула: ТулГУ, 2005. С. 45.

³ Гоголева А.В. Феномен смерти в культурах разного

типа: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М.: РУДН, 2005. С. 24.

⁴ Ермакова А.В. Способы и средства реализации концептов «жизнь» и «смерть» в художественном тексте: На материале романов «Чевенгур» А. Платонова и «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. С. 181.

⁵ Лях К.Ф. Смерть как проблема истории философии и биоэтики: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Мурманск: МГТУ, 2007. С. 23.

⁶ Нагина К.А. Образно-смысловая оппозиция «жизнь» – «смерть» в произведениях Л.Н. Толстого 1880-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. С. 22.

⁷ Осагюк Е.Н. Когнитивные модели метафор «болезнь» и «смерть» как отражение авторского мировидения: на материале романов Т. Манна: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, СтГУ, 2007. С. 23.

⁸ Салькина Ж.В. Понятие «смерть» в русском языке: Опыт концептуального анализа семантического поля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, ВГПУ, 2003. С. 23.

⁹ Тарасенко В.В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. С. 23.

¹⁰ Тухтангулова Е.В. Художественные концепты «жизнь» и «смерть» как репрезентанты словообраза «природа» в идиостиле Н.А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: УдГУ, 2007. С. 21.

¹¹ Чумак О.С. Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б.Л. Пастернака: На материале романа «Доктор Живаго»: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. С. 156.

¹² Falagkas N., Kalogeropoulou G. Conceptions of Death in Biography and Philosophy. The Trauma of Death and the Silence of the Private Diary // *Mortality, Dying and Death: Global Interdisciplinary Perspectives*. Ed. T.G. Haliburton and C. Edwards. Oxford, 2008. P. 63–77

¹³ См. Portela Silva E., Carmen Pallares María. Los espacios de la muerte. // *La idea y el sentimiento de la muerte en la historia y en el arte de la Edad Media (II) Ciclo de conferencias celebrado del 15 a 19 de abril de 1991, Santiago de Compostela: Universidad Santiago de Compostela, 1992. P. 27–36.*

¹⁴ См. Jonker G. Death, Gender and Memory: remembering loss and burial as a migrant // *Death, Gender and Ethnicity*. Ed. by D. Field, J. Hockey, N. Small. NY: Routledge, 1997. P. 187–202.

Small N. Death and difference // *Death, Gender and Ethnicity*. Ed. by D. Field, J. Hockey, N. Small. NY: Routledge, 1997. P. 202–222.

¹⁵ См. Ariès, P. *L'Homme devant la Mort*. Paris, Editions du Seuil, 1977. Pp. 642. и Ariès, P. *Western Attitudes toward Death from the Middle Ages to the Present*, trans. P.M. Ranum, London and New York: Marion Boyars, 1974. P. 425.

¹⁶ Хайдеггер М. *Бытие и время*. СПб.: Наука, 2002. С. 247

¹⁷ Noys Benjamin. *The Culture of Death*. Oxford, NY: Berg, 2005. P. 6. Так же, Goodwin, S.W. and E. Bronfen «Introduction» in S. W. Goodwin and E. Bronfen (eds), *Death and Representation*, Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1993. P. 4.

¹⁸ Noys Benjamin. *The Culture of Death*. Oxford, NY: Berg, 2005. P. 147.

¹⁹ См. Falagkas N., Kalogeropoulou G. Conceptions of Death in Biography and Philosophy. The Trauma of Death and the Silence of the Private Diary // Mortality, Dying and Death: Global Interdisciplinary Perspectives. Ed. T.G. Haliburton and C. Edwards. Oxford, 2008. P. 63–77.

²⁰ Kubler-Ross, Elisabeth. On Death and Dying. New York: Collier Books, 1969 P. 288.

²¹ Там же, P. 51–47

²² Bronfen, E. Over Her Dead Body: Death, Femininity and the Aesthetic, Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 480.

²³ Burleigh, M. Death and Deliverance: 'Euthanasia' in Germany 1900–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 955.

²⁴ Piven J.S. Death and Delusion. A Freudian Analysis of Moral Terror. NY. Information Age Publishing, 2000. P. 292.

²⁵ См. Sexton James. The semantics of death and dying: metaphor and mortality ETC.: A Review of General Semantics. NY. Fall 1997 Цит. по http://findarticles.com/p/articles/mi_hb6405/is_n3_v54/a1_n28696241/

²⁶ Демичев А.В., Уваров М.С. Фигуры Танатоса. Искусство умирания. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 218.

²⁷ О принципах СМД-методологического подхода см.,

в частности: Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. культ. политики, 1997 С. 656. Прежде всего, указ. соч. С. 242–269

²⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.. Наука, 2002. С. 271.

²⁹ Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва-Мадрид: «Азбуковник», 2001. С. 126–127.

³⁰ Платон. Горгий // Собрание сочинений в 4 т. М.. Мысль, 1990. Т.1. С. 477–575.

³¹ Платон. Указ. соч. С. 569

³² Платон. Указ. соч. С. 570.

³³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 194.

³⁴ Платон. Указ. соч. С. 570.

³⁵ См., например Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.. Экономика, 1975. С. 270.

³⁶ Серафим (Роуз), иером. Душа после смерти. М.. Лепта Книга, 2008. С. 456.

³⁷ Св. Игнатий (Брянчанинов) Слово о смерти. Минск: Луч Софии, 2002. С. 425.

³⁸ Феофан Затворник, свт. Душа и ангел – не тело, а дух. М.: Лодья, 1999. С. 186.

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

ПРЕСУППОЗИЦИИ В ЗАГОЛОВКЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА (ТУРИСТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА)

А.П. Чудинов, И.К. Завершинская

PRESUPPOSITION IN THE TITLE OF AN ADVERTISING TEXT (TOURISM ADVERTISING)

A.P. Chudinov, I.K. Zavershinskaya

Рассматривается вопрос о роли пресуппозиции, входящей в состав заголовка к рекламному тексту. Автор анализирует примеры рекламы (отеля, скоростного поезда и др.) и приходит к выводу о целесообразности, важности использования пресуппозиции как фактора повышения уровня мотивации читателя к прочтению рекламного текста.

Ключевые слова: пресуппозиция, стратегический, реклама, туризм, мотивация, специалист по рекламе.

The paper deals with the role of presupposition in the title of an advertising text. It studies a range of cases and concludes that a title with presupposition in it appears to be an effective means of motivation to read the text.

Keywords: presupposition, strategic, advertising, tourism, motivation, copywriter.

На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что рекламирование самых разнообразных товаров, услуг, компаний является несомненным атрибутом нашего времени. Реклама прочно занимает свое место в обществе, функционируя как своевременный информатор и консультант для читателя, воспитывая в нем привычку интересоваться всем новым, что появляется на рынке товаров и услуг, анализировать предложения с учетом условий, финансовых затрат и личной выгоды, делать выбор и становится покупателем (потребителем рекламируемого).

Не прекращающийся, а усиливающийся поток рекламы на радио, телевидении, в СМИ, Интернете (не считая специализированных рекламно-информационных изданий) инициирует возникновение проблемы «обработки» информации адресатом в связи с нехваткой у него времени. Поэтому будет логично предположить, что каждый читатель вынужден делать личный выбор того, что ему прочесть, то есть несомненным является субъективность читательского подхода, имеющая в основе своей индивидуальную природу.

Существует множество экстралингвистиче-

ских факторов, которые могут способствовать и в определенных случаях доминировать при выборе рекламно-информационных материалов для чтения. К ним можно отнести: а) рекомендацию (что прочесть) «со стороны»; б) личный целенаправленный поиск; в) заполнение чтением свободного времени (в самолете, поезде, метро, очереди); г) наличие привычки прочитывать все материалы в любимых рубриках газет и журналов; д) просьбу собеседника помочь разобраться в интересующей его информации и др.

Однако наряду с экстралингвистическими факторами, которые часто носят ситуативный, случайный характер, т.е. не являются обязательными в отношениях «автор – текст – читатель», нужно обратиться к самому рекламно-информационному тексту, который является объектом читательского внимания. Попытаемся разобраться в факторах, обуславливающих выбор: что прочесть, а что отложить.

Важно отметить, что психолингвистические исследования показали зависимость работы адресата с текстом от его графического оформления. При чтении текста человеческий глаз «выхватыва-

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе УрГПУ e-mail: together@k66.ru

Завершинская Ирина Константиновна, доцент кафедры делового иностранного языка УрГЭУ, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ, научный руководитель – профессор А.П. Чудинов. E-mail: together@k66.ru

Anatoly P. Chudinov, PhD, professor, Pro-Rector for Scientific Affairs, Ural State Pedagogical University. together@k66.ru

Irina K. Zavershinskaya, Business Foreign Languages chair, assistant Professor, Ural State University of Economics, the chair of rhetoric and intercultural communication, postgraduate Ural State Pedagogical University, Scientific Supervisor – prof. Chudinov Anatoly Prokopievich, PhD (Russian philology). E-mail: together@k66.ru

ет) в первую очередь выделяемые графически (цветом, шрифтом, дистантностью расположения) сегменты представленного материала. К ним обычно относятся: заголовок (заголовочный комплекс), эпитафия, выделенные в тексте ключевые слова, фразы, предложения, цифры. Глаз «выхватывает» картинки, фотографии, рисунки, а в целом привлекающие внимание единицы вербального и визуального рядов.

Необходимо сказать, что из вышеперечисленного ряда заголовков обладает наибольшим значением как элемент текста имплицитно или в эксплицитной форме манифестирующий тему или проблему всего текста, а не частных его фрагментов. «Заголовок читают в первую очередь, и он должен вызвать интерес, чтобы потребитель захотел продолжить чтение»¹.

Функция других выделенных элементов текста сводится к уточнению, дополнению содержания заголовка, но не замене его.

В рекламном тексте при детерминированности его содержания коммуникативно-прагматической задачей именно заголовок выполняет роль аттрактора.

«Название направляет внимание читателя к тому, что будет изложено, однако часто в процессе чтения читатель вновь обращается к названию, стараясь уяснить себе его смысл и соотносимость с содержанием текста. Таким образом, название, являясь по своей природе выражением категории проспекции, в то же время обладает свойствами ретроспекции»².

Ознакомившись с заглавием и заинтересовавшись текстом, читатель извлекает полную информацию о товаре или услугах в ходе чтения рекламного сообщения.

В рекламном тексте заголовок осуществляет презентационную функцию по отношению к тексту. Прочитывая название, читатель пытается осмыслить его, представить себе, о чем будет текст. Он хочет извлечь из названия как можно больше информации о предстоящем тексте. Из этого следует, что выразительность и содержательность заголовка создают мотивацию для чтения текста.

В связи с этим интересно рассмотреть использование пресуппозиции в заголовке рекламного текста как средства повышения его привлекательности для чтения. «Пресуппозиция – термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте»³. «Основным свойством пресуппозиции, отличающим ее от общего, является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение»⁴.

В качестве материала, на наш взгляд, представляют интерес названия статей и сами статьи

информационных писем «News», выпускаемых авиакомпанией Lufthansa для участников программы «Miles and More».

В этом периодическом рекламно-информационном издании Lufthansa сообщает своим клиентам о возможностях, связанных с накоплением миль (миля – условная единица, принятая компанией Lufthansa для совершения оборотных сервисных операций), в том числе с условиями получения наградных миль и их применением в сфере туризма (авиаперелеты, проживание в отеле, аренда автотранспорта, питание в ресторане, экскурсионное обслуживание).

Одним из материалов, опубликованных в осеннем выпуске «News», является статья под заголовком «A faster way to get to the airport» (где a faster way – более быстрый путь, to get to – добраться до, the airport – аэропорт).

На английском языке название представляет собой номинативное предложение, являющееся в свою очередь эллиптической конструкцией, в которой отсутствуют подлежащее there и сказуемое is. И.Р. Гальперин считает, что в заголовках (газет, журналов) часто используются назывные предложения; эллиптические конструкции – обычное явление⁵. Эти выразительные стилистические средства способствуют краткости формулировок, легкости прочтения, акцентированию внимания на номинативной части.

Что касается перевода заглавия рекламного текста на русский язык, то, в силу существующей разницы в языковых системах двух языков и необходимости сохранения содержательно-фактуальной и содержательно-подтекстовой информации заголовка, приемлемыми, на наш взгляд, вариантами могут служить следующие.

1. «Как быстрее добраться до аэропорта».
2. «Более короткий путь до аэропорта».
3. «До аэропорта – еще быстрее!»

Название данной статьи содержит пресуппозицию о существовании возможности быстро добраться до аэропорта. Содержательно-фактуальная информация репрезентируется в наиболее общем виде. Однако в силу целого ряда причин читатель может и не знать этого. Отсюда следует, что информацию надо вводить в заголовок, что и делается посредством использования сравнительной степени прилагательного fast – faster («более быстрый», «быстрее»), находящегося в препозиции к существительному way («путь»).

В целом, содержащий пресуппозицию заголовок дает понять читателю о существовании более комфортных, по сравнению с уже имеющимися (хорошими), условий проезда до аэропорта. Это весьма полезная туристическая информация, которая в силах заинтересовать читателя, а значит, репрезентировать мотив для прочтения им всего текста в целях ознакомления с этими новыми условиями. Из текста же читатель узнает о пуске в эксплуатацию скоростного поезда Transrapid на маг-

нитной «подушке» по линии Pudong (микрорайон г. Шанхая) – международный аэропорт г. Шанхая, а также его расписание, прейскурант цен в пересчете на количество миль, которые можно «заработать», сотрудничая с компанией Lufthansa и являясь участником программы «Miles and More».

Таким образом, актуализация пресуппозиции (или введение новой информации) способствует осуществлению заголовком прагматической функции по отношению к тексту, вызывает интерес к чтению текста и в результате создает в сознании читателя содержательно-подтекстовую информацию об успешном развитии авиакомпании Lufthansa, ее усилиях по улучшению работы транспорта, ее заботе о своих клиентах.

Не менее интересным примером обращения к пресуппозиции при создании заглавия к рекламному тексту является опубликованная в летнем выпуске News статья, озаглавленная «Live and experience Berlin!» (где live – жить, императивная форма – живи(те), experience – испытывать – испытывай(те) (императивная форма), Berlin – Берлин).

В качестве заголовка автор использовал повелительное предложение. «Для повелительного предложения характерна особая интонация. Повелительное предложение – высказывание не может быть приравнено к случаям использования императива, то есть повелительного наклонения, так как первое шире по объему используемых средств и функциональному диапазону передаваемых значений, чем императив»⁶.

Данный заголовок представляет повелительное предложение с восклицательным знаком в конце, в структуру которого входят глаголы live, experience (в форме повелительного наклонения), являющиеся стилистическими синонимами. Использование данных синонимов придает заголовку эмоциональность, обуславливающую усиление воздействия на читателя. При переводе заголовка на русский язык одним из наиболее удачных, на наш взгляд, является: «Приезжайте в Берлин! Вам здесь понравится!».

Данные стилистические приемы, включая постановку восклицательного знака в конце повелительного предложения-заголовка, манифестируют интенцию автора убедить читателя приехать в Берлин. В содержательно-подтекстовой информации прочитывается уверенность автора в том, что туристы будут довольны своим пребыванием в Берлине. Данная содержательно-подтекстовая информация содержит пресуппозицию: Берлин – столица Германии. Это фоновые знания автора и читателя. Пресуппозиция является авторско-читательской. Всем понятно, что столичная жизнь – это всегда нечто особенное, интересное, запоминающееся для туристов, иностранцев. Существительное Берлин само по себе не содержит эмоционально-оценочных значений, однако можно сделать предположение, что эмоциональный заголо-

вок, обращенный непосредственно к читателю (используется повелительное предложение), вызовет у него определенный отклик. В силу субъективности читательского восприятия диапазон реакций может быть достаточно широким: от недоверия («Что может быть в Берлине интересного?») и любопытства («Что же конкретно автор текста имеет в виду?») до соглашения с позицией автора («Да, наверно, пребывание в Берлине будет чудесной сказкой»).

В любом случае данный заголовок, содержащий пресуппозицию, интригует читателя, тем самым выполняя воздействующую функцию. И читатель обращается к тексту в поисках ответа на свои вопросы, для подтверждения своих предположений, возникших в результате прочтения заголовка. (Из текста читатель может узнать полезную туристическую информацию для участников программы Miles and More о выгодных условиях проживания в одном из лучших отелей г. Берлина Marriott). В связи с этим надлежит отметить, что заголовок, написанный в речевом жанре приглашения с использованием достаточно ёмкой пресуппозиции, психологически расположил, подготовил адресата к обращению к тексту, в данном случае к рекламному.

При рассмотрении роли пресуппозиции, входящей в содержание заголовка рекламного текста, не менее интересно, на наш взгляд, обратиться к путеводителю по Лондону London Planner за август 2007 года. В разделе «Достопримечательности Лондона» был помещен текст с названием «Can you solve the riddle of the princes in the Tower?» (где can – можешь, можете, уметь и т.д., you – ты, вы, solve – решить, разгадать, the princes – множественное число от prince – принц, the Tower – Лондонский Тауэр, the riddle – загадка). Возможными переводами заголовка на русский язык могут быть.

1. «А вы можете разгадать тайну принцев, содержащихся в Тауэре?»
2. «Попытайтесь разгадать, что случилось с принцами в Тауэре!»

Этот заголовок содержит пресуппозицию о существовании все еще не раскрытой тайны, связанной с принцами, которые содержались в Тауэре. Данная пресуппозиция – это, скорее, авторская пресуппозиция, поскольку информация может быть неизвестна читателю. Она строится на сведениях о том, что в Тауэре содержались принцы и с ними что-то случилось. В составе заголовка есть слово Тауэр – известная в мире достопримечательность, выполнявшая в разное время разные функции, бывшая королевской резиденцией, тюрьмой, местом казни, а ныне являющаяся национально-историческим музеем Великобритании. Тауэр – несомненно относится к фоновым знаниям адресата и потому представляет авторско-читательскую пресуппозицию.

Заголовок представлен в форме риторическо-

го вопроса, поскольку тайна гибели принцев, не разгаданная учеными-историками в веках, вряд ли подвластна туристу, целью которого является осмотр достопримечательности. Но благодаря своей стилистической функции риторический вопрос усиливает эмоциональное воздействие текста заголовка на читателя. Риторический вопрос в данном случае служит средством реализации авторской задачи приковать внимание читателя к Тауэру, используя для этого новый ракурс – тайну принцев. С психологической точки зрения сведения о наличии неразгаданной тайны способны заинтересовать человека. Отсюда следует, что любой читатель, прочитав заголовок, заинтересовавший его, знает, что детали, подробности, раскрывающие содержание названия, надо искать в тексте статьи. И он обращается к тексту, который состоит из вопросов предположения об убийстве принцев, приглашения посетить Тауэр, увидеть место разыгравшейся трагедии своими глазами и, возможно, открыть что-то новое для себя.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что заголовок в London Planner, содержащий пресуппозицию, носит ярко выраженный рекламный характер и осуществляет прагматическую функцию, привлекая читателя к тексту.

Наличие пресуппозиции как единицы содержательно-подтекстовой информации увеличивает смысловую насыщенность заголовка, расширяет возможности автора воздействовать на читателя, то есть вызвать интерес к тексту, создать мотивацию к его прочтению.

Тематическая палитра пресуппозиций, используемых в заголовках рекламных текстов, разнообразна и детерминирована интенцией автора убедить читателя в необходимости ознакомления с содержанием текста.

Из вышесказанного следует, что специалисту по рекламе (текстовику) целесообразно рассматривать пресуппозицию как один из стратегически важных ресурсов при создании заголовка к рекламному тексту в целях привлечения читателя к содержащейся в тексте информации о рекламируемом товаре или услугах. Пресуппозиция повышает коммуникативность рекламы.

В целом же использование пресуппозиции в заголовке рекламного текста является хорошим средством повышения эффективности рекламного сообщения.

¹ Лейн У.Р., Рассел Дж.Т. Реклама. СПб.. Питер, 2004. С. 419

² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., Наука, 1981. С. 134.

³ Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н.Ярцева. М., 1990. С. 396.

⁴ Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. Изв. АН СССР, серия Л и Я. 1973. Т. 32. № 1. С. 85.

⁵ Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.. Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. С. 393.

⁶ Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.. Высшая школа, 2007 С 314–315.

Поступила в редакцию 25 сентября 2009 г.

ТРАДИЦИОННАЯ ГРАММАТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 801.318:803.0:830 (3-е изд.) 81'373.72:811.112.2:821.112.2 (4-е изд.)
ББК Ш105.2

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В РОМАНЕ «АПТЕКАРША» КАК ДОМИНАНТНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ И. НОЛЛЬ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЫ «ИНТЕЛЛЕКТ»)

И.А. Горчакова

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE NOVEL «THE PHARMACIST» BY I. NOLL AS THE DOMINATING IDEOSTYLISTIC TRAIT (THROUGH A CASE STUDY OF PHRASEMS OF THE DENOTATIVE SPHERE «INTELLECT»)

I.A. Gorchakova

Исследуется проблема изучения особенностей фразеологических единиц в немецком романе И. Нолль «Аптекарьша» как носителей идиостиля. Идеографическая классификация немецких фразеологизмов позволяет точно определить их текстовые функции и значение для формирования образа главного персонажа. Рассматривается пример анализа текстовых функций фразеологических единиц денотативной сферы «Интеллект».

Ключевые слова: фразеология, идеография, идиостиль, художественный текст, И. Нолль.

This paper is a research of peculiarities of phraseological units as ideostylistic representatives in the german novel by I. Noll «The Pharmacist». Ideographic classification of phrasemes allows to find out their text-functions and their role for creation of the main character. We illustrate the study of text-functions through phraseological units of the denotative sphere «intellect».

Keywords: phraseology, ideography, ideostyle, literary text, I. Noll.

Большинство фигурирующих в романе немецкой писательницы И. Нолль «Аптекарьша» фразеологических единиц (далее – ФЕ) не являются частотными в повседневной немецкой речи и обязательными для дамского романа (именно к этому жанру художественной литературы принадлежит «Аптекарьша»), значит, можно предположить, что включение именно их в текст – свидетельство проявления личности автора, то есть авторского индивидуального стиля. Этой точки зрения насчет формальных, языковых средств в художественных произведениях придерживается, например, В.А. Пищальникова: «эстетическое кредо [писате-

ля] диктует способы фиксации авторской концептуальной системы (авторских смыслов) в языковых единицах, которые в этом случае приобретают эстетическую значимость»¹. При этом первичной оказывается именно личность, продуцирующая текст, а не направление, к которому она принадлежит, и не жанр, в котором создан данный текст.

Итак, рассмотрим далее фразеологизмы в романе И. Нолль как составляющую идиостиля писательницы. Под идиостилем понимается «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя», данное понятие «традиционно используется ... для описания

Горчакова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, E-mail: IrinaGortschakowa@yandex.ru

Irina A. Gorchakova, candidate of philological sciences. E-mail: IrinaGortschakowa@yandex.ru

стиля того или иного писателя, а также стиля отдельного художественного произведения при решении вопросов интерпретации конкретных текстов² Получение объективного и полноценного представления об идиостиле требует «синтезирования количественно-качественных данных о формировании определенных качеств текста целого произведения, а также ... выявления доминирующего качества и доминирующих же в употреблении языковых единиц»³ Исходя из этого можем считать, что использование ФЕ в романе И. Нолль – доминирующий языковой механизм по двум основаниям. С одной стороны, потому, что идиоматики в произведении много: 430 идиом, употребленных в целом 632 раза, позволяют говорить о том, что фразеология – доминантная черта авторского идиостиля по количественному показателю. С другой, что даже более важно, – в силу той смысловой нагрузки и тех текстообразующих функций, которые в ткани романа выполняются фразеологизмами.

Для того чтобы определить и сформулировать функции ФЕ в романе, целесообразным представляется прибегнуть к идеографическому методу. Подобный подход позволяет осуществить систематизацию выбранного идиоматического материала по «содержательным» критериям, а именно – группировку фразеологизмов по тематическим классам. Так, идеографически фразеологизмы в романе И. Нолль «Аптекарьша» могут быть классифицированы как принадлежащие к одной или нескольким (как правило, двум) из следующих денотативных сфер: «Оценка», «Универсальные смыслы, представления», «Эмоции», «Социальные отношения», «Интеллект», «Время» и др. Проанализируем более подробно функционально-текстовые «способности» фразеологизмов денотативной сферы «Интеллект»⁴; данная сфера не является лидирующей по количеству входящих в нее ФЕ (63, в то время как в сфере «Социальные отношения» 124, а в сфере «Оценка» вообще 373), но представляет интерес в плане набора выполняемых ими функций, направленных на характеристику образа главной героини романа.

Естественно, основной составляющей семантики ФЕ обозначенной сферы является «мыслительный процесс», протекающий в головах персонажей конкретного романа. Однако особенности фразеологизмов как языковых единиц вне художественного текста влияют на их функционирование в произведении. К примеру, ФЕ, как средство образной, непрямой номинации, часто не называют мыслительный процесс, но явно подразумевают его. Подразумевающийся ход мыслей героев выражен в «Аптекарьше» в ряде случаев, аналогичных приведенным ниже:

1) «Die Erbschaft stammt vom Großvater.» Meinen Eltern stand die Frage «Wieviel?» im Gesicht geschrieben, aber sie waren zu feim, sie auszusprechen (s. 90⁵).

– Наследство – от деда.

В глазах у предков аршинными буквами запечатлелся вопрос «сколько?», но задавать его вслух они считали ниже своего достоинства (с. 98–99).

2) «Du bist schwanger», sagte Dieter mahmend. Mich ritt der Teufel. «Das Kind ist von dir», sagte ich (s. 171).

– Ты беременна, – напомнил Dieter.

А меня как будто черт за язык тянул.

– Это твой ребенок, – шепнула я (с. 181).

В первом примере мысль о размере наследства буквально «написана в лице» родителей главной героини (Эллы Морман). Мысль абсолютно логично следует за репликой Эллы, подтверждающей существование некоторой суммы денег, и не может быть произнесена вслух, поскольку думающие о деньгах слишком воспитанны. В текстовом фрагменте под номером 2 ФЕ – *jemanden reitet der Teufel*: буквально – кого-то (на ком-то) верхом едет черт, т.е. кто-то следует плохой интуиции, действует необдуманно, легкомысленно, опасно. Она входит одновременно в две денотативные сферы – «Интеллект» и «Оценка». Мышление героини здесь не только не обозначено прямо, но и оценивается как не вполне самостоятельное с ее стороны: слишком быстрая реакция на происходящее здесь приводит к тому, что Морман мыслит как бы «не сама», будто за нее решает и действует черт.

Кроме того, идиомы рассматриваемой денотативной сферы способны передавать некоторые модальные смыслы, в частности, желание или намерение персонажей совершить что-либо. В примере 3 такой фразеологизм – *jemanden übers Ohr hauen wollen* («хотеть ударить кого-то по уху», т.е. собираться кого-то обмануть; к сожалению, в русском переводе семантика ФЕ отчасти утеряна, поскольку обман описывается как уже имевший место, а не планируемый, как в оригинальном немецком тексте), в примере 4 – *keine Anstalten machen* («не делать мер», т.е. не выказывать намерений к определенному действию):

3) Ich legte mir verschiedene Erklärungen dafür zurecht. Die unwahrscheinlichste war, dass es um Dieters persönlichen Besitz handelte. Es sah eher so aus, als wollte er mich übers Ohr hauen (s. 152).

Снова и снова я подыскивала объяснения своему открытию. Самым невероятным казалось предположение, что это его, Dietera, личные деньги. Куда больше похоже на то, что он меня попросту облапошил (с. 163).

4) Aber nach zwei Tänzen (denn ich machte keine Anstalten, ihn loszulassen) fanden wir eine Gemeinsamkeit des Dahingleitens heraus, die ihm zu gefallen schien (s. 96).

Но после двух танцев (ибо я и не думала его отпустить) мы лучше почувствовали друг друга и уже оба начали находить удовольствие в этом бездумном и слитном подчинении единому ритму (с. 106).

Завершим характеристику функций ФЕ сферы «Интеллект» еще двумя примерами из романа «Аптекарьша». С помощью идиоматики может оцениваться умственная «нормальность / ненормальность» персонажа с точки зрения окружающих (см. пример 5) или даже его самого (см. пример 6).

5) *Schließlich spuckte ich es aus: «Vielleicht ist das Kind von Dieter!»*

Dorit wollte mir nicht glauben. Ich sei nicht mehr zu retten. (s. 222).

Тогда, собравшись с духом, я выпалила:

– Да может, ребенок у меня от Дитера!

Но Дорит мне просто не поверила. Безнадежный случай, сказала она (с. 232).

По мнению своей подруги Дорит, Элла совершенно сошла с ума, и этот процесс необратим, что зафиксировано во внутренней форме ФЕ *nicht mehr zu retten sein* – «не быть больше, для того чтобы спасти (кого-то нельзя больше спасти)».

6) *Ich hatte zu oft mit zwielichtigen Männern zu tun gehabt, wahrscheinlich tickte ich nicht mehr ganz richtig (s. 50).*

Слишком много сомнительных мужчин было в моей жизни, вот теперь от любой ерунды крыша и едет (с. 55).

Здесь Элла оценивает себя сама: возможно, в силу частого общения в прошлом с двуличными существами мужского пола она стала излишне подозрительной, небольшая степень «ненормальности» отражена в идиоме *nicht mehr ganz richtig ticken*: буквально – не тикать больше совсем правильно. В данном случае человеческий мозг сравнивается с часовым механизмом: часы не стоят, но идут уже неправильно (видимо, спешат, так как Морман, увидев хоть одну вещь не на привычном месте, сразу делает вывод об измене мужа).

Итак, в ходе изучения семантической природы ФЕ денотативной сферы «Интеллект», присутствующих в романе И. Нолль «Аптекарьша», и их контекстной (и – шире – сюжетной) отнесенности выявляются следующие характерные для них функции:

1) обозначение подразумеваемого мыслительного процесса;

2) обозначение модальных смыслов: желания или намерения персонажей совершить что-либо;

3) обозначение умственной «нормальности/ненормальности» персонажа с точки зрения окружающих или его самого.

Если, отталкиваясь от сформулированных выше функций, охарактеризовать главную героиню романа (произведение написано от первого лица, поэтому любая ФЕ – потенциальное проявление личности Эллы Морман), то можно добавить несколько штрихов к ее психологическому портрету (воссозданному на основе речевого). Например:

1) Элла периодически пытается снять с себя ответственность за некоторые реплики и действия, переложив ее на нечто непонятное, сверхъестест-

венное (поступает неверно, не потому что не подумала совсем, но потому что обдумала ситуацию «не сама»);

2) старается уходить от прямых оценок в отношении других персонажей (поэтому выражает свои предположения об их помыслах или о мотивах их действий осторожно, идиоматически), сама при этом поступает решительно даже в мелочах (соответствующие ФЕ, выражающие модальные смыслы, как правило, категоричны и чаще обозначают стойкое нежелание героини сделать что-либо, чем наоборот);

3) стремится избежать осуждения за свои действия (предположение самой Морман, что она «не совсем нормальная», каждый раз словно требует со стороны слушателя-читателя поиска оправдания ее поступкам).

Таким образом, фразеологизмы одной лишь денотативной сферы «Интеллект» вносят значительный вклад в формирование образа ведущего персонажа анализируемого романа И. Нолль и свидетельствуют о том, что ФЕ в данном случае действительно могут быть названы одной из доминантных черт идиостиля писательницы.

Можно добавить, что в рамках исследования идиостиля возможна дальнейшая функциональная характеристика выявленных в ходе текстового анализа языковых и стилистических механизмов по нескольким параметрам, предложенным В.Д. Девкинским. ФЕ денотативной сферы «Интеллект» – хорошая иллюстрация, с одной стороны, верифицирующих функций («zur Feststellung, was wahr und was nicht wahr ist»), а с другой стороны, имплицативных («zum Erhalt zusätzlicher Information, die bei der mangelhaften Explikation verborgen bleibt»)⁶. В плане имплицативности – чем больше писатель работает с языковыми средствами, тем сложнее читателю с недостаточным уровнем языковой компетенции и недостающими фоновыми знаниями «проникнуть» в конкретный текст; идиоматика в тексте является следствием указанной работы писателя, попытки «кодировать» произведение (проблемы с восприятием ФЕ в художественном произведении – тема множества самостоятельных исследований). Фразеологизмы как отклонения от нормативного выбора слов, как вторичные номинации предметов и событий привлекают внимание читателя (независимо от того, на родном языке он воспринимает текст или нет). Требуя дополнительной верификации, ФЕ обеспечивают интерес реципиента к конкретному тексту как продукту и одновременно носителю авторского идиостиля.

Конечно, для получения полной картины функционирования ФЕ в романе «Аптекарьша» необходимо привлечение идиоматики всех выявленных в ходе предварительного идеографического анализа денотативных сфер, но даже на примере одной сферы могут быть подтверждены «текстообразующие потенции» фразеологизмов, а значит,

и способность последних быть доминантной чертой идиостиля И. Нолль.

¹ Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул, 1992. С. 15.

² Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 95–96.

³ Там же. С. 97.

⁴ При выделении семантических групп были взяты за основу классификации, принятые в идеографических словарях, изданных под редакцией профессора Л.Г. Ба-

бенко: Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007; Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005 и др.

⁵ Страницы приводятся по изданиям: Noll I. Die Apothekerin / I. Noll. – 2. Auflage. Diogenes Verlag AG Zürich, 1996 и Нолль И. Аптекарьша / И. Нолль. М.: Иностранка, 2001.

⁶ Девкин В.Д. Немецкая лексикография. М.: Высш. шк., 2005. С. 316–327.

Поступила в редакцию 26 ноября 2009 г.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ МЕСТОИМЕННОСТИ И МЕСТОИМЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

З.И. Комарова, Ю.Ю. Шадрина

PROBLEM FIELD OF PRONOUNS: HISTORY AND MODERN TIMES

Z.I. Komarova, Yu.Yu. Shadrina

Выявлены аспекты проблемного поля местоименности и местоимений в отечественной и зарубежной грамматической традиции и современном языкознании.

Ключевые слова: местоименность, местоимение, части речи, знаменательные слова, служебные слова, дейктический, анафорический, кванторный, дискурсивный.

This article is devoted to the detection of the problem field of pronouns aspects in the grammatical traditions in our country and abroad and in modern linguistics.

Keywords: pronouns, parts of speech, categorematic words, syncategorematic word, deixisive, anaphoric, quantoric, discursive.

Маршруты лингвистического поиска пролезают не только в прошлое языка и культуры, но и в их будущее, не обходя вниманием настоящего¹. Однако есть такие «вечные» проблемы, маршруты поиска в которые наблюдались в прошлом, существуют в настоящем и, надо, полагать, не исчезнут из поля внимания лингвистов в будущем.

Одной из таких «вечных тем» лингвистики является проблема классификации слов по частям речи и места в ней местоимений², актуализация которой наблюдается в наши дни, что определяется современной языковой ситуацией, обуславливающей запросы современной лингвистики, и состоянием современной науки, в том числе лингвистики, определяющей возможности реализации этих запросов.

Как известно, современная языковая ситуация отличается чрезвычайной сложностью и многоаспектностью³. Специфика языковой ситуации напрямую связана с состоянием современной науки, в которой стратегическим направлением стала междисциплинарность⁴, а в кругу интегрированных наук лингвистика для передачи языковой и научной информации явно занимает лиди-

рующее положение⁵. Вместе с тем осознана идея о том, что новые научные результаты можно стало получать «не столько под влиянием внутродисциплинарных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук»⁶.

Все это вселяет надежду на то, что в наши дни возврат к давно описанным явлениям и категориям языка (к ним относим местоименность и местоимения, история изучения которых насчитывает около трех тысячелетий, а посвященная им литература практически необозрима) в свете современных представлений и при использовании современных методик способны дать новые знания об уже известных явлениях.

Однако для этого необходимо знать состояние проблемы в наши дни.

Анализ отечественной⁷ и зарубежной⁸ грамматической традиции подтверждает справедливость мнения А.М. Пешковского о том, что «местоимения из-за своей отвлеченности везде являются «нарушителями порядка», везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи»⁹.

Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков УрГПУ (Екатеринбург). E-mail: zikomarova@bk.ru

Шадрина Юнона Юрьевна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков УрГПУ (Екатеринбург). Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор З.И. Комарова. E-mail: yunona.shadrina@mail.ru

Zoya I. Komarova, PhD, professor of Theory and Applied Linguistics department of the Institute of Foreign Languages, The Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg). E-mail: zikomarova@bk.ru

Yunona Yu. Shadrina, postgraduate of Theory and Applied Linguistics department of the Institute of Foreign Languages, The Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg). Scientific Supervisor – Prof. Komarova Zoya Ivanovna, PhD (Russian philology). E-mail: yunona.shadrina@mail.ru

Причины этого явления не только в специфике семантики местоимений, но и в их архаичности: «старая группа местоимений распалась, а новых отечественных противоположений местоименных прилагательных и существительных наподобие того, что имеется во французском языке (*ce, cette, ces, celui, celle, ceux, celles*), не выработалось»¹⁰. Характерно, что В.В. Виноградов главу IV, посвященную категории местоимений, назвал «грамматические пережитки (выделено нами – З.К., Ю.Ш.) местоимений как особой части речи в современном русском языке»¹¹. Вот почему местоимения в языках – это «один из наиболее загадочных классов слов, вокруг которого до настоящего дня продолжают оживленные дискуссии»¹².

Исследователи достигли единодушия лишь по трем проблемам местоименности: во-первых, что это пусть особые, но все же единицы «системы языка» и «функциональные единицы речи» – слова¹³, которые представляют собой «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала своей мысли в целом в зависимости от «духа» данного языка»¹⁴, которые в концепции Ф. де Соссюра есть единицы «неотступно представляющиеся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка»¹⁵ и в которых «совершается акт познания»¹⁶.

Во-вторых, это слова, которые ничего не называют, а лишь указывают на предметы, признаки, количества.

В-третьих, местоимения – это универсальный класс слов, известный всем славянским и неславянским языкам¹⁷, а явление местоименности, по данным компаративистики, оказалось характерным всем изучаемым языкам¹⁸.

Все остальные проблемы местоименности являются до сих пор дискуссионными. Очертим проблемное поле местоименности, выделив основные аспекты.

I. Терминологический вопрос. Термин местоименность был введен в лингвистику А.М. Пешковским в 1914 году в его основном труде «Русский синтаксис в научном освещении» (гл. VIII – Местоименность) для обозначения особого, «единственного» в языке и «совершенно парадоксального» явления, представленного местоимениями¹⁹.

Однако этот удачный, с нашей точки зрения, термин не был востребован в грамматических исследованиях. В мировой грамматической традиции используются два термина: местоименные слова – «слова, принадлежащие к различным частям речи и обладающие «местоименным» типом лексического значения»²⁰, и неоднозначный термин – местоимение, который употребляется в значениях: 1) как синоним к местоименным словам²¹; 2) знаменательная часть речи, которая указывает на предметы, признаки предметов, на количество предметов и действий,

но не называет их²²; 3) – а) особая часть речи, которая указывает на предметы и лица, но не называет их (предметно-личные местоимения) и б) все остальные местоименные слова, вошедшие в другие части речи (местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия)²³; 4) часть речи, категориальным значением которой является указание на предмет (признак), исходя из данной ситуации, из обстановки данной речи²⁴; 5) «замкнутый класс особых полностью грамматикализованных лексем»²⁵; 6) «слова с референциальным значением, маркеры референции»²⁶.

Следует еще подчеркнуть, что традиционное, восходящее к греко-римской грамматике определение всего класса местоимений как *заменителей* или *заместителей имени*, основанное на этимологии термина местоимение (греч. *antonymia*, латинск. *pronomen* – «вместо имени»), принятое в славянских²⁷, германских и романских языках (англ. *pronoun*, фр. *pronom*, нем. *Pronomen*, *Fürwort*, исп. *pronombre*), неоднозначно принято в русской грамматике уже с 40-х годов XIX века (см. труды Г. Павского, И.И. Давыдова, К.С. Аксакова)²⁹, но, с другой стороны, подчеркивается «заместительная» функция местоимений (А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, М.В. Панов, Ю.А. Левицкий, В.А. Плотникова). Указывается, что местоимение употребляется обычно *после имени*, а потому его следовало бы назвать *postnomen*³⁰.

II. Из приведенных нами дефиниций термина местоимение следует дискуссионное понимание их частеречной природы.

1. Согласно европейской грамматической традиции местоимения являются особой частью речи (Л. Блумфильд, О. Есперсон, М.В. Ломоносов, Н.И. Греч, А.А. Шахматов, АГ-53, АГ-60, АГ-70, А.М. Чепасова, Г.Ф. Рахимкулова и др.)

2. Категорично «не составляют собой части речи» (Ж. Вандриес, А.А. Потеня, К.С. Аксаков, А.М. Пешковский, РГ-80, В.А. Белошапкина, В.В. Морковкин и др.).

3. Частично являются особой частью речи и частично входят в другие части речи (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, С.А. Крылов, Е.В. Падучева, Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин, В.А. Плотникова, А.А. Зализняк и др.).

Первая и вторая позиции одинаково уязвимы. Первая позиция поддерживается мнением А.М. Пешковского (см. названную работу) о том, что местоимения «могут выразить нечто такое, чего никаким другим словом не выразишь» (с. 156), но местоимения, оппонирует В.В. Виноградов (в неоднократно названной работе), семантически и грамматически разобщены на отдельные группы. Если же упразднить класс местоимений и «рассортировать» их по другим частям речи, то везде их придется выделять в особые разряды и при этом рухнет целостность системы частей речи.

Третью точку зрения, поскольку это связано с функционированием местоимений в речи, рационально рассмотреть при анализе функций местоимений.

III. Выполняют ли местоимения номинативную функцию?

Существуют две точки зрения: во-первых, как было уже сказано, все местоимения ничего не именуют, а потому те исследователи, которые признают номинативную функцию лишь за словами, выражающими понятия (В.З. Панфилов, В.Г. Колшанский, Ю.С. Степанов, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева, Б.А. Серебренников, Л. Блумфилд, В. Дорошевский и др.), отказывают в ней местоимениям. Во-вторых, если под номинативной функцией понимается способность слова соотноситься с элементами внеязыковой действительности и указывать на этот элемент его названием, то, по мнению Е.С. Кубряковой, словам разных классов «присущи разные степени номинативной значимости»³¹, в том числе и местоимениям, которые Н.Ю. Шведова считает словами «о з н а ч а ю щ и м и» и в этом качестве противопоставляемыми всем другим словам³².

IV. По шкале знаменательности / служебности (характерной, в основном, для русской грамматической традиции), опираясь на номинативность / неноминативность, выделяем четыре позиции: 1) местоимения относятся к служебным словам, поскольку знаменательные части слов в них (корни) имеют «субъективно-объективное» значение, т.е. «обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит»³³ (Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский, Ю.А. Левицкий, В.В. Морковкин, В.А. Плунгян, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, М. Бейнер, Ж. Вандриес); 2) это знаменательные слова (Л.В. Щерба, О.Ю. Авдеевна, АГ-54, АГ-60, АГ-70, Е.К. Майгинская, Е.С. Кубрякова, Л.Я. Маловицкий, Л.Д. Игнатъева, Ж.З. Мительская, В.А. Плотнокова, А.А. Поликарпов, А.Д. Соловьева, Л.П. Юздова и др.); 3) и знаменательные, и служебные слова (А.С. Белоусова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Н.Ю. Шведова и др.); 4) гибридные, синкретичные «малознаменательные» слова (Д.Н. Овсянко-Куликовский); переходное явление между знаменательными и не имеющими собственного значения словами (В.А. Богородицкий, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Г.Е. Крейндин, А.С. Белоусова, Н.Ю. Шведова, А.В. Плотнокова и др.).

Важно подчеркнуть, что такая широкая дискуссионность имеет и объективное основание: подвижность, неустойчивость границы между этими двумя классами слов в результате функциональной транспозиции (Ш. Балли, О. Есперсон, Л. Теньер, Е. Курилович, Е.С. Кубрякова, И.А. Мельчук, В.Г. Гак, М.В. Панов, Р.П. Рогожникова, Т.Е. Черкасова, Е. Калечиц и др.).

V. Что такое «местоименный» тип лексического значения?³⁴ Каково в нем соотношение лексического и грамматического?

Ответ на вопрос: 1) «сугубо грамматично», так как парадоксальность местоимений заключается в том, подчеркивает А.М. Пешковский, что «у них совсем нет вещественного значения, а что у них основное значение («субъективно-объективное» значение корня – З.К.; Ю.Ш.) – формальное и добавочное – формальное. Получается, так сказать, «форма на форме»»³⁵, т.е. это «особые полностью грамматикализованные лексемы»³⁵; 2) специфическое («местоименный» тип) лексическое значение, «гибридное» по своей природе, в котором «грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическим значением»³⁶.

Обоснование такого подхода находим в предисловии «Русского семантического словаря»: «элементарной единицей словарного описания в «Русском семантическом словаре» является лексическое значение слова (выделено нами – З.К., Ю.Ш.). За значением стоит понятие: ... у слов указующих (местоимений) – понятие о любых данностях физического или духовного мира (об отвлеченных сущностях, предметах, процессах, признаках) как о том, что может быть означено не содержательно, а по признаку вычлененности из бесконечного множества подобных»³⁷.

Вторым аргументом является методика описания местоимений в этом словаре, которая «является значительно более сложной, чем задача соответствующего описания слов именующих... трудности, которые здесь встают перед лексикографом, те же, что и при семантическом анализе предлогов, союзов или частиц: их расчленение на значения может показаться непривычным и искусственным»³⁷. С такими же трудностями мы столкнулись в нашем исследовании служебных слов³⁸ пока не усвоили методику работы со словами с «интерпретационной семантикой»³⁹.

VI. В чем состоит специфика семантики местоимений и местоименных слов?

С одной стороны, во всей словарно-справочной литературе, грамматиках и монографических работах подчеркивается первая семантическая особенность местоимений и местоименных слов – очень высокая степень обобщенности их значения.

Однако, с другой стороны, оказывается, что степень обобщенности у местоименных слов неодинакова, а точнее – градуальна.

Выдвинутая Н.Ю. Шведовой оригинальная концепция местоимений как «смысловых исходов» или «языковых категоризаторов», которая лежит в русле российского и мирового языкознания и является «новым витком спирали развития грамматической мысли»⁴⁰, позволяет выявить строение системы глобальных

смыслов, названных исходными местоимениями.

Вершиной этой системы Н.Ю. Шведова считает ее «человекоцентризм», выражающийся в том, что смысл *кто*, во-первых, обозначен самой полной и точной системой местоимений, а во-вторых, он активно проникает в другие смысловые сферы⁴¹. «Человекоцентризм» (или в другой терминологии, «антропоцентризм», «эгоцентризм») как результат развития антропологической лингвистики отмечается многими лингвистами⁴². Так, сама идея восходит к гипотезе В. Гумбольдта о первичности местоимений в любом языке по отношению ко всем другим классам слов⁴³.

Подчеркивая «изменчивость, непостоянство и субъективную текучесть» значения местоимений, что можно считать второй особенностью семантики местоимений, Б. Рассел выявляет основные «эгоцентрические слова»: «Четырьмя основными словами являются «я», «это», «здесь» и «теперь»⁴⁴. При этом: «я» – не наименование какой-либо персоны, «здесь» – не название какого-либо места, «это» – не имя⁴⁵.

Объяснив, почему именно местоимения предназначены самим языком для выполнения такой роли, Н.Ю. Шведова расширяет перечень местоимений, выражающих, с нашей точки зрения, второй, подвершинный уровень обобщенных «смысловых исходов»: «...задачу определения первого шага в соответствующих поисках взял на себя сам язык: он создал стройную и весьма стабильную организацию слов, свободных как от функции именования, так и от функции выражения всякого рода зависимостей либо оценок и специально предназначенных для означения глобальных понятий физического и ментального мира и тех смыслов, которые понятийно скрепляют разные уровни языка и тем самым придают ему качество естественной целостности. Это такие максимально абстрагированные понятия, как одушевленное существо, действие или процессуальное состояние, предмет, признак, принадлежность, образ или способ действия, количество, мера, место, время, предел, цель, причина. В языке существует закрытая система слов, специально созданная для означения соответствующих понятий и их регулярных модификаций: именно такой класс местоимений...»⁴⁶.

К словам, выполняющим функцию обозначения глобальных понятий бытия, относятся исходные местоимения *кто* (существо одушевленное), *что* (предмет, все то, что обозначено языком через понятие предметности), *какой* (признак, открываемый или приписываемый, возникающий в течение или в результате процесса либо имманентно самовыявляющийся), *каков* и *каково* (признак сущностный), *чей* (принадлежность), *как* (способ или образ действия), *сколько* (количество), *насколько*, *сколько* (мера), *который* (признак по вычленимости из множества), *где* (место), *куда* (направленное перемещение в пространстве с од-

ного места на другое), *откуда*, *отколе* (направленное перемещение извне, из одного места в другое), *докуда* (предел), *когда* (время), *доколе* (предел временной), *зачем* (цель, предназначение), *почему*, *отчего* (причина)⁴⁷.

Эти обобщенные «языковые категоризаторы» способны, по мнению Н.Ю. Шведовой, выполнять роль классификаторов компонентов ситуации общения: *кто – кому – о чем – почему – зачем – как – каким способом – в каком состоянии – где – когда – в каком социуме – к какому этносу*⁴⁸.

А дальше следует «сеть» уровней обобщенности местоимений разных разрядов, выделенных авторами учебного пособия под редакцией Т.А. Сумниковой⁴⁹.

Третья особенность семантики местоименных слов заключается в относительности или, как чаще пишут, указательности, дейктичности. Но если одни исследователи приписывают эту особенность всему классу местоименных слов, т.е. считают дейктичность облигаторным свойством местоимений, то другие традиционно усматривают эту особенность только у одного разряда из семи – указательных местоимений.

К тому же при облигаторном подходе к относительности она разная, во-первых, в противоположность словам другого типа: 1) бинарная оппозиция, по А.А. Потемне (слова «качественные» – слова «указательные»); 2) триада, по Л.В. Васильеву (номинативные – интерпретирующие – дейктические)⁵⁰; 3) тетра, по Н.Ю. Шведовой (слова именные – слова указующие – слова связующие – слова классифицирующие) и др.; во-вторых, по формальному признаку, т.е. принадлежности к той или иной части речи: 1) традиционно – только к именам: существительному, прилагательному, числительному (С.А. Крылов, Е.В. Падучева)⁵¹; 2) 4 класса, т.е. – именам и наречию⁵²; 3) 4 класса + местоименные глаголы (по Н.Ю. Шведовой)⁵³; 4) дейктическое пространство по Н.Д. Шведовой, + дейктическое значение артиклей, служебных слов, грамматических категорий и различных средств коммуникативного аспекта высказывания – по Л.М. Васильеву; в-третьих, по «внутренней соотносительности» (термин А.М. Чепасовой) местоимений разных разрядов⁵⁴; в-четвертых, содержательно, по типу отсылки: отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию) или указание на тип речевой соотносительности слова с внеязыковой действительностью⁵⁵.

Наконец, внутри разряда указательных местоимений наблюдаются разные типы соотносительности местоимений друг с другом⁵⁶.

Четвертую особенность семантики местоименных слов можно квалифицировать не столько как многозначность, сколько как «широкую значность», «полифункциональность»⁵⁷, потому что они неизбежно иначе семантизируются в толковых словарях: это как бы

«интерпретационное толкование», раскрывающее типовые употребления местоимений в тех или иных контекстуальных условиях⁵⁷.

Другие семантические особенности рассматриваются в следующем разделе.

VII. Особенно сложным и противоречивым является проблема выявления доминирующих функций местоимений в языке и речи, поскольку «функции определяют способ существования той или иной категории в языке»⁵⁸.

Семантика местоименных слов как «форма на форме» (по А.М. Пешковскому) с категориальной ядерной семой отношения (как у служебных слов) и «пустых» периферийных сем, «заполняемых» в каждом случае речевого употребления содержанием⁵⁹, обуславливают то, что для местоимений наиболее весомым является функциональный признак. Но местоимения и в этом плане оказались «нарушителями» порядка: если классические служебные слова не являются членами предложения, т.е. синтаксически они несамостоятельные (это их диагностирующий признак), то местоимения являются «морфологизированными членами предложения»⁶⁰, причем, как известно, они в принципе могут быть любыми членами предложения.

Но мы под функцией понимаем не синтаксическую роль слова как члена предложения, а его роль в речи, в процессе коммуникации⁶¹. При этом для нас важной методологической посылкой является противопоставление знаменательности / служебности «по признаку функционально-семантической подвижности»⁶², из чего следует, что у таких «гибридных» слов, как местоимения, функционально-семантический компонент представляет собой органическое единство, т.е. сплав семантики и функций. Вот почему в предыдущем аспекте, при характеристике семантики местоимений, мы уже коснулись и их функций.

Итак, первая функция указательная, или дейктическая, уже охарактеризованная в предыдущем разделе, безусловно, является доминирующей, как «универсальное свойство языка», виды и способы выражения которого варьируются в различных языках⁶³.

Нам остается дополнить их характеристику еще типами дейксиса: 1) ролевой, как указание на участников речевого акта (К. Бругман, К.Л. Бюлер, Е. Курилович, Дж. Лайонз, А.В. Виноградов, В.А. Полунган, С.А. Крылов, Е.В. Падучева); 2) пространственный (Есперсон-Якобсон); 3) хронотопный; 4) времяпространственный (Н.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, В.А. Маслова, Ю.М. Лотман, О. Шпенглер); 5) собственно дейксис – ориентация на внеязыковую действительность (К. Бюлер, Е.В. Падучева и др.); 6) категориальный дейксис (В.А. Плунган), в том числе реализация категорий определенности / неопределенности⁶⁴.

Вторая функция многих местоимений и местоименных слов – заместительная, выделяемая в европейской, в том числе частично русской грамматической традиции. Рассматривая терминологический вопрос, (см. 1-й аспект) мы уже касались заместительной функции местоимений, выделив два конкурирующих понимания. Однако при внимательном рассмотрении эта конкуренция либо прямо снимается, когда термин «местоимение» употребляется для обозначения слов-заместителей (А.М. Пешковский, В.М. Панов), либо заместительная функция рассматривается как разновидность указательной (см. приведенные дефиниции).

С нашей точки зрения, это скорее двойственное обозначение сущности местоимений в языках, и дело лишь в акцентах: если подчеркивается связь местоимений с речевой ситуацией и внеязыковой действительностью, то акцентируется указательность, дейктичность местоимений. В этом случае используется чаще всего номинации «указательные слова» (К. Бругман, К. Бюлер, У. Вайнрайх); «индексы» или «индикаторы» (Ч. Пирс, В. Колменсон); «слова с непостоянной сигнификацией» (А. Нурен). А с позиции речеведческой, текстологической именно благодаря дейктичности местоимения и обретают способность быть в речи «субститутами» (Л.В. Щерба, Л. Блумфильд, М. Бейкер, Э.З. Харрис); «репрезентантами» (Ф. Брюно) и др.

Третья функция – анафорическая, которая заключается в том, что семантика местоимений «содержит отсылку к данному высказыванию или к тексту, в который оно входит»⁶⁵, т.е. в тексте выражаются анафорические отношения. Содержание анафорической отсылки различно: 1) субстанциональное тождество объектов, ситуаций, событий, фактов и т.д., коферентность объектов, т.е. отношения между компонентами высказывания, которые обозначают один и тот же внеязыковой объект (имеет один и тот же референт); 2) концептуальное тождество при существенно различных типах референции.

Как видим, у местоимений дейктическая и анафорическая функции взаимосвязаны: 1) большинство местоимений сочетают анафорическую функцию с дейктической (например местоимение *это* является, по мнению М.А. Кронгауза, универсальным анафоро-дейктическим словом, которое может отсылать к любому фрагменту текста) и частично заместительной⁶⁶, но, во-первых анафорические отношения, помимо местоимений, могут быть выражены другими языковыми средствами, и следовательно, не имеют дейктической семантики; во-вторых, в некоторых контекстах граница между анафорической и дейктической функцией местоимений может стираться.

Четвертая функция – кванторная⁶⁷. Кванторы в математической логике (в теории исчисле-

ния предикатов) – логические операторы, выражающие определенные утверждения двух типов – общности (универсальности) либо существования (частотности)⁶⁷. Этот термин принят в логической семантике и логическом синтаксисе (Р. Фреге, А. Черч, Б. Рассел, Ф. Карнап, А. Тарский, С. Крипке, К.И. Льюис, Л. Тондл, Р.И. Павиленис, М.А. Кронгауз). Местоимения разных разрядов (кроме притяжательных, личных и возвратных) способны выполнять кванторную функцию двух типов: 1) квантор всеобщности и 2) квантор существования бытия, при этом кванторы второго типа, совмещают значение дейктивности с выражением определенности/неопределенности.

Пятая функция – дискурсивная, под которой понимается 1) связочная функция, обеспечивающая связность, когезию текста⁶⁸; 2) син. к 1 зн.: «слова, которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста, ядром которых являются служебные слова, местоимения и местоименные форманты»⁶⁹; 3) некоторые типы семантических примитивов (по А. Вежбицкой): а) субстантивы: *я (I), ты (you), кто-то (someone), что-то (something)*; б) детерминаторы и кванторы: *этом (this), другой (other), все / весь (all)*...⁷⁰; 4) дискурсивная от «дискурс» (в 7-м значении по П. Серию), или как «речь, погруженная в жизнь», по Н.Д. Арутюновой⁷¹ или по Е.С. Кубряковой⁷¹ (когнитивно-дискурсивная функция).

Как видим, от первого по четвертый тип идет расширение понятия дискурсивный, при этом четвертое понимание включает не только все элементы семантического, функционального и коммуникативного синтаксиса и синтаксиса текста, включая юнктивы и транслативы Л. Теньера⁷², но и все экстралингвистические факторы.

Иначе говоря, можно считать, что в дискурсивный подход (в 4-м значении) фактически включаются почти все ранее описанные функции, что свидетельствует об определенной иерархии функций местоименных слов. Можно предположить, что еще одна функция, которую, видимо, можно поименовать вслед за Н.Ю. Шведовой и А.С. Белоусовой функцией «**смысловых исходов**» или «**языковых категоризаторов**» и прогнозировать создание «общей и русской (частной) грамматики смыслов»⁷³.

Завершая описание проблемного поля местоименных слов, подчеркнем, что статья не поднимает все проблемы этого «загадочного» класса слов. За пределами статьи осталась проблема генезиса этих слов, объема этого класса слов в языках мира. Не описаны стилистические, эстетические и когнитивные функции.

Оптимистические прогнозы развития лингвистики в наступившем веке и новые исследовательские «маршруты» в ней позволяют надеяться на то, что уже в ближайшем будущем нас ждут новые интересные решения по исследуемой про-

блеме, особенно при подходе к местоимению как «когнитивно-дискурсивной категории»⁷⁴ при когнитивном подходе.

¹ Хроменко А.Т., Болдалетов В.Д. Теория языка. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 485.

² Титов В.Г. Общая квантитативная типология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 194–206; Морозова И.С. К проблеме места местоименных слов в классификации частей речи // Межкультурная коммуникация. – Пермь. Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. С. 152–159; Морозова И.С. Некоторые спорные вопросы в классификации частей речи // Лингвистические чтения 7. Цикл 3. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. С. 77–82.

³ Комарова З.И., Хасаншина Г.В. Введение // Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подязыке: монография. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2009. С. 9–18; Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освящении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

⁴ Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 208.

⁵ Комарова З.И., Краев С.В. Общая характеристика современной лингвистики // Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование: монография. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2008. С. 16–23.

⁶ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс – Традиция, 2000, С. 327

⁷ См. Указ. соч. З.И. Комаровой и В.С. Краева. С. 25–50.

⁸ Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. С. 237.

⁹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освящении. М.: Учпедгиз, 1956. Гл. VIII. Местоименность. С. 159; (4-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 511 с.).

¹⁰ Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М.: Учпедгиз. С. 69

¹¹ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. С. 255–271.

¹² Воротников Ю.Л. Местоимения как «языковые категоризаторы» // Филологические науки. 2001. № 5. С. 42–49

¹³ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 15.

¹⁴ Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. С. 137

¹⁵ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 113.

¹⁶ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1958. С. 219.

¹⁷ Местоимение в современном русском языке: учебное пособие / А.М. Чепасова и др. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 143.

¹⁸ Блумфилд Л. Язык: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 212; 150; 271–289; Есперсен О. Местоимения // Философия грамматики. М.: КомКнига, 2006. С. 90–95;

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание: пер. с нем. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 216–244; Богородицкий В.А. О частях речи // Очерки по языкознанию и русскому языку. М.: Учпедгиз, 1939. С. 198–208;

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.: Просвещение, 1977. С. 268–377.

¹⁹ Пешковский А.М. Указ. соч. С. 154.

- ²⁰ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990; 2-е изд. 2002. (ЛЭС). С. 295–296.
- ²¹ См. в ЛЭС. С. 294; Краткая русская грамматика. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2002. С. 227; Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 231, Пешковский А.М. Указ. соч. С. 154; Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980 (РГ-80); Современный русский язык: учебник / под ред. В.А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1997. С. 460. С. 528–534; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1. 608 с. и др.
- ²² Учебный словарь лингвистических терминов/ Брусенская и др. Ростов н/Д: Феликс, 2005. С. 107; Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Наука, 1960 (АГ-60); Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970 (АГ-70); Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. С. 172; Местоимения в современном русском языке. См. указ. соч. С. 9
- ²³ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 40; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. С. 9
- ²⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 227; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Изд-во СПб. ун-та, 2001, Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 77–100.
- ²⁵ Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 255; Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 2–19.
- ²⁶ Кронгауз М.А. Семантика: учебник дел вузов. М.: Рос. Гос. гуманист. ун-т, 2001. С. 328–330.
- ²⁷ Словарь славянской лингвистической терминологии: в 2 т. Прага: Academia, 1977. Т. 1. С. 243.
- ²⁸ Ахманова О.С. Указ. словарь. С. 227; См. Л. Блумфилд. Указ. соч. С. 150; 212; 271–289
- ²⁹ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 257; Местоимение в современном русском языке. Указ. соч. С. 7.
- ³⁰ Местоимение в современном русском языке. Указ. соч. С. 11.
- ³¹ Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. С. 10.
- ³² Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999 № 1. С. 9.
- ³³ Пешковский А.М. Указ. соч. С. 154. Отметим, что, хотя в зарубежной лингвистике не принято противопоставлять служебные слова знаменательным, современный американский лингвист М. Бейкер в книге «Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания» (пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008), рассматривая референцию местоимений, дает прямую квалификацию местоимений как «класса служебных слов, которые замещают именную группу» (С. 241); См.: Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.1. Вена // Языки русской культуры. Венский славистический альманах: Прогресс, 1997. С. 240–287.
- ³⁴ См. определение местоименных слов С.А. Крыловым и Е.В. Падучевой в ЛЭС (см. сноску 20).
- ³⁵ Пешковский А.М. Указ. соч. С. 155; Плунгян В.А. Указ. соч. С. 255.
- ³⁶ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 18.
- ³⁷ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6 т. РАН. Ин-т рус. яз., под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1. Предисловие. С. XV Там же. С. 3.
- ³⁸ Комарова З.И., Краев С.В. Указ. соч. (см. сноску 5). С. 124–125.
- ³⁹ Крейндин Г.Е. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987 №1. С. 106–120.
- ⁴⁰ См. Воротников Ю.Л. Указ. соч. (см. сноску 12). С. 48.
- ⁴¹ Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М.: Наука, 1995. С. 5–6; С. 10; Шведова Н.Ю. Местоимение и его смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Наука, 1998. С. 43–44; См. также: Шведова Н.Ю. Указ. соч. 1999 (сноска 32) и «Русский семантический словарь» (см. сноску 37).
- ⁴² Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Скопук Т.Г. Основы антрополингвистики: учебное пособие. М.: Академия, 2008. С. 128.
- ⁴³ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 113–114.
- ⁴⁴ Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М.: Прогресс, 1957. С. 119
- ⁴⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Мир, 1994. Ч. 1. С. 207
- ⁴⁶ Шведова Н.Ю., Белоусова. Указ. соч. С. 5–6.
- ⁴⁷ Там же. С. 10–12; Н.Ю. Шведова. Указ. соч. С. 43–44.
- ⁴⁸ Серебрякова А.Ю. О компонентах коммуникативной ситуации // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Лингвистика. Вып. 9 №25 (158). 2009. С. 30–32.
- ⁴⁹ Местоимения в современном русском языке. Указ. соч. С. 68–82.
- ⁵⁰ Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: Изд-во БашГУ, 2006. С. 167–168.
- ⁵¹ Крылов С.А., Падучева Е.В. См. ЛЭС. С. 294–296.
- ⁵² См. Указ. соч.. Краткая русская грамматика, 2002; Энциклопедия «Русский язык», 2003 и др.
- ⁵³ Шведова Н.Ю. Указ. соч. 1999.
- ⁵⁴ Местоимения в современном русском языке. Указ. соч.
- ⁵⁵ Крылов С.А., Падучева Е.В. См. ЛЭС. С. 294.
- ⁵⁶ Чепасова А.М. Местоимения в современном русском языке. Указ. соч. С. 59–68.
- ⁵⁷ Поликартов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1987. С. 147; Комарова З.И., Краев С.В. Указ. соч. С. 124–125.
- ⁵⁸ Алексеева Л.М. Термин и метафора: монография. Пермь. Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. С. 177; см. также: И.А. Мельчук. Указ. соч., Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- ⁵⁹ Купалова Л.Ю. Употребление местоимений в речи // Русский язык в школе. 1995. № 4. С. 64–68; Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. С. 203; Селиверстова В.И. Слова «другой» и «иной» в современном русском языке // Рус. яз. в школе. 1990, № 1. С. 31–36; Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 198 с., Соколовская Н.П. Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // Теория и типология местоимений. М.: Наука, 1980. С. 84–103; Исаченко А.В. О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. М., 1965; Шелляпин А.М. Русские местоимения (значения, грамматические формы, употребление). Тарту, 1986; Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопросы языкознания. 1964. № 4.

⁶⁰ Мещаников И.И. Члены предложения и части речи. Л. Наука, 1978. С. 431, Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учебное пособие. М. Высшая школа, 2000. С. 160.

⁶¹ Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. М. Едиториал УРСС, 2002. С. 16.

⁶² Штайн К.Э. Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 126.

⁶³ Виноградов А.В. Дейксис (греч. *deixis*-указание) // ЛЭС. Указ. соч. 2002. С. 128; Крылов С.А. К типологии дейксиса // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. 1. М., 1984; Крылов С.А., Падучева Е.В. Общие вопросы дейксиса // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис, М. Наука, 1992. С. 154–194; Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М. Едиториал УРСС, 2002; Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания: пер. с англ. М. Изд-во ЛКИ, 2008. С. 272.

⁶⁴ Рылов Ю.А. Определенность / неопределенность // Аспекты языковой картины мира. М. Гнозис, 2006. Гл.1. С. 15–31; Гак Г.В. Местоимение // Сравнительная типология французского и русского языков. М. Ком-Книга, 2006. С. 122–132.

⁶⁵ Крылов С.А., Падучева Е.В. Местоимения. Местоименные слова // ЛЭС. Указ. соч. С. 295.

⁶⁶ Падучева Е.В. Анафорическое отношение // ЛЭС. Указ. соч. С. 32.

⁶⁷ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 243.

⁶⁸ Кронгауз М.А. Указ. соч. С. 262 (см. сноску 26).

⁶⁹ Морковкин В.В. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М. Астрель. АСТ, 2003. С. 6–7; Котюрова М.П. Связность речи (как текстовая категория), средства связности речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. Флинта: Наука, 2003. С. 376–381.

⁷⁰ Кронгауз М.А. Указ. соч. С. 86. (см. сноску 26).

⁷¹ Арутюнова Н.Д. Дискурс // ЛЭС. Указ. соч. С. 136–137; Авдеева О.Ю. О дискурсивной функции местоимений в художественной прозе // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социоленты, современные речевые жанры: материалы междунар. конференции. М., Ярославль. Ремдер, 2009. С. 5–12; Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 226.

⁷² Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: пер. с франц. М. Прогресс, 1988. С. 178.

⁷³ Воронников Ю.Л. Указ. соч. С. 48.

⁷⁴ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 37.

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

ЭКСПЛЕТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Н.Н. Лисенкова

EXPLETIVE ELEMENTS IN MODERN ENGLISH

N.N. Lissenkova

Одним из видов избыточности, характерной для субъязыка неофициального общения, являются вставные элементы особого рода, называемые эксплетивами. Эксплетивы занимают промежуточное положение между вводными словами и членами предложения; таким образом, вопрос об их лингвистическом статусе остается открытым. Актуальными являются также такие проблемы, как перевод высказываний, содержащих эксплетивы, определение их места в системе сниженной лексики, роль эксплетивов в процессе коммуникации.

Ключевые слова: разговорная речь, эксплетивы, сниженная лексика, избыточность высказывания.

One of the most obvious manifestations of explication, typical of colloquial speech, is the presence of inserted words, called expletives. They occupy the intermediate position between parentheses and members of the sentence. Thus the problem of their linguistic status is open to discussion. There are also other urgent problems concerning expletives: translation into other languages, their position in the system of degraded words, their functions in the process of communication.

Keywords: colloquial speech, expletives, degraded vocabulary, explication of utterance.

Интерес к проблемам коммуникации обусловил появление в лингвистике последних десятилетий значительного количества работ, посвященных изучению и анализу структурных особенностей разговорной речи. Согласно концепции Ю.М. Скребнева, под разговорной речью, или разговорным субъязыком, понимается часть языковой системы, обслуживающая неофициальную сферу общения и характеризующаяся рядом особенностей, представленных на всех языковых уровнях. В настоящее время, однако, не подлежит сомнению, что абсолютно доминирующим аспектом формирования разговорной специфики является синтаксис. Все отклонения от нейтрального языкового обозначения на уровне структуры подразделяются Ю.М. Скребневым по принципу соответствия одной из двух соотносительных тенденций: имплицативной (импликационной), или тенденции к использованию узуально недостаточных для обозначения данного референта языковых элементов, и эксплицативной (экпликационной), предполагающей недооценку содержания языковой единицы, в результате чего последняя снабжается дополнительными языковыми средствами¹.

Одним из вариантов эксплицативных построений являются конструкции, содержащие избыточные материальные элементы особого рода,

функционирующие в качестве выразителей эмоций и называемые эксплетивами, или вставками. Эксплетивы являются обычно (но не обязательно) бранными словами, предметное значение которых зачастую связано с религиозной тематикой типа *the hell, the devil, the deuce, goddam* и т.п. К эксплетивам, функционирующим в современном английском языке, можно отнести также такие единицы, как *damn (damned), lousy, darn, blasted, the heck, on earth, in the world, the dickens, bloody, the fuck, fucking*. Аффективное содержание данных единиц преобладает над их предметно-логическим значением, что позволяет отнести их к логически избыточным компонентам высказывания.

Эксплетивные элементы являются малоизученной областью современной лингвистической науки. Во всяком случае, не существует точного определения данного явления; термин «эксплетив» не является общепринятым и, как правило, не фигурирует в лингвистических словарях, несмотря на то, что явление, обозначаемое, хотя и не повсеместно, этим термином, чрезвычайно распространено в разговорной речи и играет весьма существенную роль в процессе повседневного общения.

В первую очередь встает вопрос о правомерности выделения эксплетивов как особого класса слов и словосочетаний, отличных, в частности, от

Лисенкова Надежда Николаевна, доцент кафедры английской филологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород). E-mail: VERA.170689@mail.ru

Nadezhda N. Lissenkova, associate Professor, Department of English Philology, Linguistic University of Nizhny Novgorod. E-mail: VERA.170689@mail.ru

вводных конструкций. Некоторые исследователи относят элементы подобного рода к парентезам на том основании, что они зачастую семантически и грамматически несовместимы с характеристиками тех членов предложения, позицию которых они занимают, и стоят обычно в изолятивно-коммуникативном отношении к окружению² Действительно, в ряде случаев синтаксическая функция эксплетива иррациональна и не поддается квалификации даже с точки зрения формально-позиционного критерия, как в высказываниях типа *How the hell should I know?* (Salinger) или *Why the devil don't you answer?* (Maugham). Чаще, однако, эксплетивы формально представляют собой члены предложения, например, функционируют как квазиопределения в сочетаниях типа *bloody fool*, *goddam father* или как обстоятельства-интенсификаторы, например *bloody well*, *goddam right*, *so darn good-looking*. Кроме того, вводные элементы, несмотря на отсутствие грамматической связи с включающим предложением, способны, как известно, выражать модальную, экспрессивную и эмоциональную оценку содержания высказывания, тогда как эксплетивы зачастую не несут информативной нагрузки и употребляются с ослабленным лексическим значением, утрачивая способность реализовывать номинативную функцию, то есть обозначать предметы, явления и признаки, как в следующем высказывании: *All of a sudden, then, I wanted to get the hell out of the room* (Salinger). Именно эта особенность делает их логически избыточными компонентами предложения. Наконец, вводные конструкции, как правило, интонационно и пунктуационно изолируются от окружения, в то время как эксплетивные элементы не выделяются интонацией в речи и не обособляются на письме знаками препинания. Последнее, впрочем, не является вполне надежным критерием их разграничения, так как некоторые устойчивые структуры английского языка, традиционно трактуемые как парентезы, также не выделяются запятыми.

«I suppose I needn't take more than a few summer things and a shroud, need I?» (Maugham).

В связи с этим становится неопределенным статус конструкций, представляющих собой апелляции к Богу, таких как *for Christ's sake*, *for Heaven's sake*, *in the name of Heavens*, *in God's name*. Чаще всего их относят к парентезам междометного характера, утратившим свой первоначальный смысл и превратившимся в устойчивые экспрессивные штампы. Однако в таких примерах, как «*What in God's name should I want that for?*» (Maugham) и «*Why the hell do you say that?*» (Salinger) позиция в предложении, синтаксические характеристики и прагматическая роль элементов *the hell* и *in God's name* свидетельствуют об их аналогичном характере.

Вопрос о лингвистическом статусе эксплетивов предполагает определение их места в системе частей речи и синтаксической роли в предложении. Морфологически элементы такого рода обычно представляют собой существительные с предлогом или артиклом (*the hell*, *the devil*, *on earth*, *in the world*), прилагательные (омонимичные им наречия) или адъективированные причастия, о чем свиде-

тельствуют формальные показатели – суффикс -y или формант -ed: *bloody*, *lousy*, *darned*, *blasted*. Проблема синтаксического статуса эксплетивов является более сложной. Уже упоминалось об их способности функционировать в качестве определений и обстоятельств-интенсификаторов, однако в большинстве случаев вряд ли можно приписать им те семантические и функциональные характеристики, которые традиционно включаются в определенные члены предложения. Так, в высказываниях *This is about a goddam baseball glove* или *You don't do one damn thing the way you are supposed to.* (Salinger) эксплетивы *goddam* или *damn* не являются квалификативными показателями и не сообщают никакой информации об объекте, с которым формально вступают в атрибутивные отношения. Аналогичным образом распространенные сочетания *on earth*, *in the world* в высказываниях *What on earth do you want me to say to this?* (Maugham) или *Where in the world have you been all the time?* (Susanne), формально представляющие собой обстоятельства места, не являются таковыми по существу. В отношении последнего примера, впрочем, можно допустить (с некоторой натяжкой), что сочетание *in the world* действительно может трактоваться как обстоятельство, вследствие того, что ему предшествует вопросительное наречие места *where*. Чаще, однако, обстоятельственные отношения недопустимы в силу несовместимости буквальных смыслов составляющих единиц, например: *What in the world have you brought that thing here for?* (Stowe). Что же касается функционирования эксплетивов в качестве интенсификаторов, то можно заметить, что их синтаксический статус в большей степени соответствует статусу наречия-обстоятельства, поскольку очевидна общность денотативных значений высказываний типа *I was so damn nervous* (Salinger) = *I was very nervous*; *You know bloody well* (Osborne) = *You know very well*, отличающихся лишь стилевой отнесенностью. Кроме того, известно, что элементы типа *damn* могут выступать как полнозначные слова, например, в качестве глагола в форме *Subjunctive I* в высказываниях типа *Damn it all!* (Пропади все пропадом) и, следовательно, перестают быть логически избыточными компонентами предложения.

Сказанное позволяет предположить, что, несмотря на псевдосинтаксический (в целом) статус эксплетивных элементов, в ряде случаев они несут информативную нагрузку и вступают в реальные атрибутивные, обстоятельственные или предикативные отношения с другими составными частями предложения. Привносимое ими значение становится составной частью семантики высказывания и является логически необходимым. Вследствие этого представляется возможным говорить о двух группах омонимичных слов и словосочетаний: 1) собственно эксплетивы, аффективное содержание которых преобладает над их предметно-логическим значением; 2) омонимичные им полнозначные слова, употребляемые в буквальном конкретном значении.

Особый интерес представляет проблема стилистической окрашенности, или субъязыковой отнесенности эксплетивов. Очевидно, что в соответст-

вии с разработанной Ю.М. Скребневым общей стилистической классификацией лексики их следует отнести к субнейтральной области, однако дальнейшее распределение по степени сниженности вызывает определенные трудности. Наблюдения над языковым материалом позволяют утверждать, что эксплетивы неоднородны в этом плане. С одной стороны, сам факт выходящего за рамки синтаксиса нейтральной области языка избыточного употребления предполагает целесообразность отнесения данных единиц к разговорной сфере, в связи с чем эксплетивные элементы располагаются Ю.М. Скребневым в ряду других коллоквиально маркированных единиц и, следовательно, должны характеризоваться минимальной степенью сниженности³. Вместе с тем известно, что значительная часть эксплетивов представляют собой слова-вульгаризмы, выражающие, как правило, отрицательные эмоции и отвергаемые системой морально-этических воззрений языкового коллектива. Употребление таких единиц, как *damn(ed)*, *bloody*, *hell* в речи и в художественной литературе до недавнего времени считалось абсолютно недопустимым, не говоря уже о таких, к сожалению, все больше проникающих в печать словах, как *fuck* и *fuckin*g. Очевидно, в пределах класса эксплетивов возможно распределение по степени сниженности, осуществляемое в соответствии с наличием или отсутствием целенаправленной, осознаваемой говорящим деградацией речи. Необходимо также принять во внимание критерий универсальной или ограниченной употребительности той или иной единицы. В соответствии с этим такие структуры, как *on earth/upon earth* и *in the world* должны быть отнесены к единицам минимальной степени сниженности, поскольку употребляются непреднамеренно и неосознанно всеми носителями языка вне зависимости от возраста и социального положения в ситуации неофициального общения. На противоположном конце шкалы будут располагаться непристойные слова, лексическое значение которых, связанное с интимной сферой деятельности человека, не допускает употребления их в речи представителей культурных слоев общества. (Тем не менее в настоящее время мы все чаще встречаем их в художественной литературе, кинофильмах и песнях, в том числе в качестве эксплетивов, например: *What the fuck are you doing here?* (Eminem). Все остальные, таким образом, оказываются посередине шкалы и, следовательно, характеризуются средней степенью сниженности. В данную группу попадают такие единицы, как *the hell*, *the devil*, *bloody*, *lousy*, *damn*, *goddam*.

Последнее, по-видимому, может вызвать возражение, поскольку традиционным является отнесение их к вульгаризмам, то есть словам максимальной степени сниженности. Однако материал современной англоязычной прозы, воссоздающий реальную речь в ситуации неофициального общения, свидетельствует о том, что такие слова, в отличие от вульгаризмов в их традиционном понимании, не только употребляются в речи представителей образованных и культурных слоев общества (например, профессора Хиггинса в «Пигма-

лионе» Б. Шоу) с установкой на достижение соответствующего эмоционального и эстетического эффекта, но могут употребляться без какой-либо специальной целеустановки, непреднамеренно и неосознанно, в силу привычки, приближаясь, таким образом, к разговорной лексике, как в следующем примере: «*What the hellyya reading?*» he asked. «*Goddam book*» (Salinger).

Не до конца исследованным является вопрос о количественном составе эксплетивов и отграничении их от других видов избыточности. Исходя из определения Ю.М. Скребнева, правомерным является отнесение к этому классу любого слова или словосочетания, аффективное содержание которого преобладает над его предметно-логическим значением. Например, слово *stupid* в таких репликах, как *You stupid fool!* (Maugham) или *How the hell should I know a stupid thing like that?* (Salinger) может быть включено в состав эксплетивов на основании того, что оно не несет какой-либо информативной нагрузки, дублируя в ряде случаев семантику определяемого слова, и обладает явным потенциалом эмоциональности. Вероятно, можно встретить и другие случаи избыточного употребления материальных элементов, отвечающие дефиниционным характеристикам эксплетивов, но традиционно не включаемые в эту группу.

Актуальной является также проблема перевода высказываний, содержащих единицы данного класса. Даже при поверхностном сравнении структур английского и русского языков становится очевидным, что одни из них обнаруживают полную аналогию в плане соответствия формальных признаков и функций эксплетивных элементов, в то время как при переводе других возникают значительные трудности при условии сохранения стилистической отнесенности, коммуникативно-прагматической направленности и других аспектов адекватности перевода.

Наконец, наименее изученным и вместе с тем наиболее значимым является такой аспект функционирования эксплетивов, как их прагматический потенциал. Не подлежит сомнению, что несмотря на статус материально избыточных элементов, эксплетивы играют в процессе коммуникации весьма существенную роль, что проявляется как в плане стилистической маркированности и эмоциональной окрашенности высказывания, содержащего вставную конструкцию, так и в плане реализации коммуникативной установки говорящего. Этот вопрос требует специального изучения и представляется перспективной областью современной прагмалингвистики.

¹ Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 65.

² Красикова О.В. Семантико-стилистические функции элементов, сопутствующих основному высказыванию, в структуре английского предложения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 16.

³ Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 164.

ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРОБЛЕМ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В XVIII ВЕКЕ

Е.Л. Пастернак

THE ISSUES OF THE FRENCH LINGUISTICS: THE MAIN PROBLEMS OF LANGUAGE SEEN BY THE EARLY FRENCH LINGUISTS OF THE XVIII CENTURY

E.L. Pasternak

Представлен обзор основных вопросов языка, решаемых в рамках французской предлингвистической традиции XVIII в. Это попытка логического осмысления языка, борьба божественной и небожественной теорий происхождения языка, определение совокупности черт отдельного языка. Цель работы состоит в определении корпуса знаний о языке, составившего теоретическую базу для создания основных принципов формирования лингвистики как отдельной науки.

Ключевые слова: грамматика, логика, семиотическая система, происхождение языка, гений языка, изменения в языке.

The article contains a general analysis of the main problems of language studies of the early French linguists of the XVIII century: logics of language, divine or natural origin of language, genius of a language. The purpose of the work is a representation of a language knowledge seen as a base of the future linguistics as a science.

Keywords: grammar, logics, semiotic system, origin of language, genius of language, changing of language.

Общепринятым в истории предлингвистического периода европейского языкознания считается деление языковедческих работ на собственно грамматики языков и сочинения по философии языка.

Французские «Граматики» с широкой объяснительной частью решали помимо собственно грамматических вопросов и вопросы статусные, такие, как например, рационализация грамматической и орфографической систем французского языка и его оптимизация с целью закрепления за ним одного из определяющих мест в системе европейских языков.

Философские трактаты включали в себя языковедческие разделы, как правило, начинавшиеся с изложения теории знака.

В сознании мыслящего европейца теория знака слагалась из представлений, почерпнутых, в основном, из учений Аристотеля и Блаженного Августина (ср. высказывание Вяч. Вс. Иванова, называющего Августина «величайшим семиотиком древности»¹). Как это будет показано ниже,

разделение всей сферы научной практики на области, относящиеся к знаковым системам и все прочие, принадлежит Д. Локку, но Локк уже унаследовал сложившуюся задолго до него систему толкования знаков. Семиотическое, или, как принято его называть, *предсемиотическое* наследие, полученное Локком и Лейбницем, а за ними и их французскими последователями: Кондильяком, Руссо, Кабанисом, было весьма обширным и исследованным настолько подробно, что оно вполне могло стать основой для проделанной ими фундаментальной аналитической работы, которая и позволила впоследствии отделить семиотику от философии, поместив ее в разряд отдельных областей гуманитарного знания.

Однако именно семиотика Локка, которая и была воспринята и унаследована французами, была скорее логической теорией знака, во всяком случае, сам Локк определял ее довольно многообразно. Например, в самом конце «Опыта о человеческом разумении» он дает среди прочих и такое определение логики, исследующей знак: «...так

Пастернак Елена Леонидовна, докторант, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: maxilenium@mail.ru

Elena L. Pasternak, candidate for a doctor's degree, associate professor of the French department of the Philological faculty of the Moscow State Lomonossov University E-mail: maxilenium@mail.ru

как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* – «логика». Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для разумения вещей или для передачи своего знания другим»².

Таким образом, Локк спровоцировал ученых последующих лет на долгие споры и относительно дефиниций собственно сферы семиотики, и по поводу принципиальной возможности сближения, если не отождествления ее с логикой. Логическая семиотика, как направление, довольно широко разрабатывается и во французской традиции XVIII века, а логика, или искусство мыслить, со времен Арно и Николя все прочнее занимает умы мыслящих французов и как теория, и как практика.

Об особом стремлении к логике языка и логическим преобразованиям в системе французского языка свидетельствуют и «Замечания» к знаменитой Пор-Рояльской «Грамматике...» аббата Дюкло.

Французские философы, в особенности Кондильяк и Руссо, несомненно были вдохновлены логическими теориями Локка, которые нашли свое отражение в семиотических разделах их языковедческих теорий.

«Все ученые, испытавшие влияние Локка, ... от Ламбера до Гуссерля (в том числе и Пирс) рассматривали семиотику как философское изучение знаков, близкое к логике»³.

Влияние Локка на Кондильяка неоднократно признавалось им самим в его научных сочинениях (только в своем «Опыте о происхождении человеческих знаний» он ссылается на Локка десятки раз). Его приверженность математическому методу исчислений также не вызывает сомнений и его знаменитое высказывание: «Исчислять значит рассуждать и рассуждать значит исчислять» уже вошло в поговорку.

В «Логике» Кондильяк формулирует свой принцип логического определения языка. Сам по себе язык – это искусство рассуждения – «Искусство рассуждения в своей великой простоте есть не что иное, как хорошо организованный язык».

Таким образом, можно утверждать, что если для ученых XVII столетия главенствующим языковедческим понятием в сфере гуманитарных наук все еще оставалась риторика, правда не в прежнем, аристотелевском, а скорее, картезианском смысле слова, а именно, как искусство построения речи в соответствии с разумом, то через столетие его вытесняет логика, которую еще традиционно называют искусством мыслить, но ее статус возводится до лидирующего в научном обиходе.

Логика воспринимается и как свойство языка самого по себе, и тогда она будет называться внутренней логикой языка, его природной функцией. Логика считается еще и практическим навыком мыслящего человека, который умеет классифицировать идеи. Наиболее убедительным образом прирожденная способность человека к классификации идей, рождающихся и множащих-

ся с помощью языка, изложена в «Логике» Э.Б. де Кондильяка.

Вопрос о происхождении языка традиционно считался основополагающим и разрешался не только в пользу божественного происхождения языка, но и божественного управления всеми дальнейшими языковыми процессами. Вавилонская тема еще в XVII в. вполне последовательно развивается таким образом, что великое множество уже зафиксированных к тому времени языков может быть объяснено исключительно милостью и немилостью Бога в отношении их носителей.

Бернар Лами, один из наиболее авторитетных теоретиков языка XVII века, излагает свой взгляд на происхождение языка и последующее дробление протоязыка на множество других следующим образом:

«Древнееврейский, или язык древних патриархов был языком всей Земли. До того, как дети Ноя задумали возвести Вавилонскую башню, был всего один язык»⁴.

В дальнейшем рассуждении о смешении языков и разобщении людей Лами полностью следует тексту Писания, но, комментируя этот сюжет, все же делает попытку рационального объяснения самого процесса дробления языков. Поскольку он заключался, как полагает автор, не в бесчисленных преобразованиях словарного состава, что вряд ли возможно, то, стало быть, преобразование шло в рамках уже сформировавшегося и действующего языка по модели усечения слова, увеличения его или метатезических перемещений:

«После такого смешения каждая семья начала пользоваться своим собственным языком: так, вначале люди были разделены по семьям, а затем, в зависимости от тех мест, куда семьи были удалены, они стали различаться и по языкам. Бывало и так, что смешение проявлялось не в новых словах, но в каких-то переменных или перемещениях, в прибавлении или отсечении нескольких букв от тех форм, которые были в обиходе прежде»⁵.

Однако уже в сочинении Лами тема изменений в рамках отдельно взятого языка звучит совершенно иначе. То, что происходит в период существования языка, который с позиции ученого XVII века может быть назван обозримым (пятьсот лет), интерпретируется с позиций рационального научного мировоззрения: «В языках, как и в прочих явлениях, происходят невидимые изменения, и со временем это приводит к полной перемене предмета, отличающей его от прежней формы. Мы уверены в том, что тот французский язык, на котором мы говорим, происходит от того языка, на котором говорили пятьсот лет назад, и вряд ли нам придется услышать тот язык, на котором говорили двести лет назад».

Очевидно, что сочинение Лами, традиционно включаемое позднейшими исследователями в область картезианской риторики, содержит в себе на первый взгляд вполне обоснованно сосуществую-

щие, но по сути – совершенно противоположные идеи о происхождении и развитии языка.

Противоречие может быть прочитано в том самом делении на периоды развития языка – *древнейший* и более или менее *современный*, или *обозримое* и *необозримое* прошлое. Таким образом, получается, что сами трансформационные процессы в языке в разные периоды совершенно различны по сути, и если божественное не должно и не может подлежать не только сомнению, но и комментированию и анализу, то как раз те самые «неощутимые процессы преобразования в языке, как и во всем прочем», представляют для ученого вполне осязаемый и подлинный научный материал.

Та же проблема найдет свою интерпретацию и в научных трудах последователей Лами: Кондильяка, Руссо, Ламетри, Кабаниса. Тема происхождения языка остается наиболее существенной и в их время. Однако в текстах ученых XVIII в. эта тема интерпретируется с возможным логически обоснованным примирением двух противоборствующих концепций – божественного и небожественного происхождения. Дар речи, способность к речевой деятельности, безусловно, имеют божественное происхождение, подобно вообще всей сфере *жизненно необходимого* для человека. Начиная с первых звуков, изданных при заданных обстоятельствах, человек сам перенимает функцию творца языка и изобретает, придумывает, а в дальнейшем – унифицирует и классифицирует созданный им языковой материал. В рассуждениях философов-грамматистов XVIII в. о происхождении языка особенно интересны начальные опыты антропологического и социологического анализа.

Вопрос об изменениях в системе языка также можно отнести к сумме центральных вопросов в сфере науки о языке в XVIII столетии. Понятие *гений языка* само по себе может свидетельствовать о том, насколько актуальными для науки того времени были научные рассуждения о духе языка, о сущности и выраженных особенностях каждого отдельного языка. «Рассуждения о гении различных языков встречаются во французской литературе настолько часто, что было бы бессмысленно приводить отдельные примеры»⁶. Действительно, по актуальности тема гения языка немногим менее важна для ученого XVIII века, чем например, тема происхождения языка. Актуальность ее возникает во французской литературе и философии как ответная реакция на укрепление французского литературного языка. Она может быть прочитана уже в сочинении Дю Белле «Защита и прославление французского языка» («*Défense et illustration de la langue française*»), изданном в 1549 г. С одной стороны, многочисленные положения и рассуждения о гении языка могли способствовать разрешению вполне актуальной соревновательности между разными языками и культурами.

Гений языка представляет собой совокупность черт, присущих только одному этому языку.

Проявление собственно гения языка, по мнению большинства филологов XVIII века, можно увидеть в литературных текстах. Значит, носителями гения языка следует считать писателей, но не говорящих на этом языке людей.

В определении гения языка неминуемо возникает вопрос и о преимуществах (*avantages*) одних языков перед другими. Преподобный отец Лами, отдавая должное совершенству древних языков, формулирует принцип совершенства французского языка, основанный на развитии литературы: «К чему мы можем отнести это совершенство нашего языка, если не к той заботе, с которой наши авторы работают над своими сочинениями, питая их светом разума, и так обнаруживают истинные основы искусства речи?»⁷

Тот же принцип повторит и Дюкло в «Замечаниях к «Грамматике...» Пор-Рояля». Однако здесь он будет довольно основательно видоизменен, в соответствии с обозначившимся в середине XVIII века расхождением между разговорным и письменным французским языком: «Основная часть нации является полноправным хозяином разговорного языка, тогда как писатели имеют право на *письменный язык*».

В самом деле, писатели имеют право, более того, обязаны, исправлять то, что ими было испорчено.

...В этой области истинными законодателями являются грамматисты и литераторы»⁸.

Гений языка должен определяться исключительно на основе опыта, который, в свою очередь, состоит в умении определять выраженные свойства языка, которые, с одной стороны, являются неотъемлемыми данностями, и с другой – отличают его от прочих. В середине XVII столетия гений французского языка определялся просто. Это «*netteté et naïveté*» (Лами). Четкость и чистота, свойственные первозданности и свидетельствующие о близости к природе, отличают французский язык от древних усложненных самим человеком до уровня искусственно смоделированной системы.

Тогда речь еще не шла о первичности метафоры и о иероглифичности сознания и самовыражения древних людей, так же как и о первичности поэзии. Поэтому наиболее близким природе считался ясный и простой язык.

Фиксированный порядок слов тоже мог рассматриваться как признак особой близости французского языка природе, хотя наиболее близкими ей считаются итальянцы, но и в этой фиксированности просматривается некое *участие* гения языка, так как именно он определяет этот природный порядок, поскольку именно сама природа диктует следующее расположение: «Гений нашего языка состоит в том, что французская речь не была бы столь прекрасна, если бы слова не отражали бы всех идей в той очередности, в которой они следуют друг за другом»⁹. Таким образом, слова в высказывании располагаются строго в соответ-

вии с порядком их возникновения в представлении человека.

Древние языки, как, очевидно, более совершенные и развитые, пользовались неестественным порядком слов. По мнению французских теоретиков языка¹⁰, этот порядок противоречит последовательности возникновения идей в воображении. «Номинатив, который должен стоять во главе речи в соответствии с правилами здравого смысла, почти всегда стоит в середине или конце ее»¹¹. Порядок возникновения идей предметов считался естественным только в случае, если его можно было представить таким образом: имя существительное, начинающее высказывание, за ним следует глагол, за ним – имя атрибут (то есть дополнение). Для того, чтобы речь выглядела разумной, нужно следовать этому порядку. Природный порядок слов, по мнению Лами, это не выработанный навык, указывающий на определенную высоту развития цивилизации, но исконное свойство французского языка: «В прежнюю эпоху французы говорили так, как думали. Они не искали иного порядка, нежели природный порядок вещей, и высказывались в соответствии с возникновением у них идей, располагали слова, подобно тому, как мысли были расположены в их представлении»¹².

Учитывая определенный выше гений французского языка, можно сделать заключение о том, к чему предрасположен этот язык, в отличие от древних, более расположенных к красоте слога и, соответственно, литературе. Этот язык более предрасположен для трактовки наук именно в силу своей точности и ясности. Французский язык

представляется теоретиком как язык научных изложений, что особенно существенно, учитывая, что еще к середине XVII столетия главенствующим научным языком все еще считалась латынь.

Кажется, что статус французского языка определен вполне, и в состязании с древними языками, которое длилось чуть не полтора столетия, он может занять особое и, вне всякого сомнения, почетное место. Его гений и структура могут служить критериями, по которым французский язык может быть признан наиболее удачным и для создания художественных сочинений, и для написания научных текстов.

¹ Иванов В.В. Очерки по предыстории и истории семиотики // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. I. С. 634.

² Condillac Œuvres philosophiques en trois volumes. Paris. P.U.F., 1947

³ Иванов В.В. Цит. соч. С. 638.

⁴ Лами Б. «Риторика, или искусство речи» // Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 119.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1986. С. 278.

⁷ Лами Б. Цит. соч. С. 151.

⁸ Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Прогресс, 1998. С. 215.

⁹ Лами Б. Цит. соч. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 101–103.

¹¹ Там же. С. 65.

¹² Там же. С. 102.

Поступила в редакцию 24 ноября 2009 г.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Е.В. Радченко

THE PROCESS OF FORMING OF THE PHRASEOLOGY SIGNIFICANCE

E.V. Radchenko

Рассматривается динамический процесс и этапы формирования фразеологического значения из аналитического значения свободного словосочетания.

Ключевые слова: фразеологизм, динамические процессы, форма, значение.

The article is about dynamic process and the stages of the forming of the phraseology significance from the analytic significance of the free word combination.

Keywords: phraseology units, dynamic processes, form, significance.

Языковая единица обладает двумя сущностными сторонами: формой и значением, реализующимися через третью – функционирование: «В отдельном знаке, равно как и во всем языке, наличествуют две стороны: то, что обозначается, и то, что обозначает»¹. Говоря о форме номинативной единицы, мы имеем в виду «внешнюю, наблюдаемую, связанную со слуховым (или зрительным) восприятием сторону языкового знака, его материальную, физическую сущность, которая противопоставляется значению, смыслу, понятию, функции»². Понятие «форма» фразеологизма сходно с понятием «форма» слова и отлочно от него, так как анализируемые единицы представляют собой синтаксическую конструкцию, синтаксическую модель.

Второй сущностной стороной языковой единицы является значение. «Лексическое значение слова – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.»³. Фразеологизм в отличие от лексемы является раздельно-оформленной единицей с цельным значением, включающим в себя семы всех компонентов – бывших слов.

Значение прямо связано с сознанием человека: «Лексическое значение слова – продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редуцией информации человеческим сознанием. С такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Формирование лексического значения слова играет первостепенную роль в познавательной деятельности человека»⁴

Форма тоже связана с сознанием человека, но не прямо, как значение, а опосредованно. Она

представляет собой совокупность различных абстракций. П.С. Кузнецов отмечает, что «грамматическая абстракция, проявляющаяся в любом языке, опирается на обобщающую способность человеческого мышления, развивающегося в связи с развитием человеческого общества»⁵. По мнению ученого, «под грамматической формой понимают выражение внешними структурными средствами языка значений обобщенного характера, свойственных словам и сочетаниям слов, но независимых от конкретных значений этих слов, т.е. значений различного рода отношений»⁶.

В языке отмечаются длительные периоды совпадения времени существования определенного значения и определенной формы. В этом случае можно говорить о равновесии между двумя сторонами языковой единицы, которое в итоге обеспечивает ее устойчивость.

Разное время существования значения и формы языковой единицы является главным источником ее динамизма. Значение отличается такими признаками, как динамичность, мобильность. Для формы, напротив, характерны устойчивость, стабильность, консервативность. Нарушение динамического равновесия между формой и значением языковой единицы способствует ее развитию, появлению новых значений и языковых единиц.

Формирование фразеологического значения представляет собой динамический процесс. Он (процесс) может не осознаваться говорящим (думающим), а может проходить сознательно. Самые значительные динамические изменения происходят в индивидуальном значении фразеологизма. Анализ показал, что предметные фразеологизмы по своему происхождению в массовом материале восходят к свободным словосочетаниям, имею-

Радченко Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета. E-mail: RAD-EV@mail.ru

Elena V. Radchenko, candidate of philological science, assistant professor of the chair of culture of speech and professional communication, SUSU. E-mail: RAD-EV@mail.ru

щим в качестве грамматически главного компонента конкретное имя существительное. Становясь компонентом фразеологизма, значение имени существительного динамически изменяется. Движение, развитие направлено от конкретного к отвлеченному, от физического к духовному.

В диалектической философии абстракция рассматривается как одностороннее, бедное, вырванное из конкретной взаимосвязи и противопоставленное последней. Конкретное же есть самое содержательно-богатое: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений»⁷. Конкретные значения свободных лексем обладают сложным содержанием. Вне фразеологизма они реализуются как физические. Во фразеологизме актуализируются только отвлеченные, потенциальные семы лексического значения.

Самые значительные динамические изменения происходят в значениях имен существительных, ставших компонентами фразеологических единиц субкатегории отвлеченности. По справедливому замечанию А.М. Чепасовой, «единицы этой субкатегории характеризуются тем, что они не обозначают физический предмет или лицо, хотя их грамматически главные компоненты вне фразеологизма прежде всего являются обозначением физического предмета, живого существа, части тела человека и т.п.»⁸.

Динамические изменения грамматически главного компонента анализируемых фразеологизмов начинаются с субкатегориального значения. Так, грамматически главным компонентом фразеологизма *темный лес* является конкретное имя существительное *лес*. Вне фразеологизма оно обозначает «деревья, стоящие во множестве на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями»⁹, относится к субкатегории неодушевленных конкретных имен существительных. Становясь компонентом фразеологизма, лексема утрачивает свое субкатегориальное значение конкретного предмета, групповое значение предмета неживой природы, подгрупповое значение «растительный мир». Во фразеологизме сохраняется самое отвлеченное категориальное значение предметности и функционирующие морфологические категории рода, числа, падежа, его выражающие. В значении грамматически главного компонента фразеологизма деактуализируются ядерные конкретные семы и актуализируются потенциальные, отвлеченные семы. Так, по мнению авторов-составителей «Фразеологического словаря русского языка» А.А. Легостаева, С.В. Логинова, образом, давшим начало фразеологической единице *темный лес* стало представление о еловом боре: «Под старыми елями всегда пасмурно, неба не видно, подлеска нет, под ногами – мох, либо усыпанная мертвой хвоей почва... почти черные стволы деревьев все на одно лицо, так что неопытный человек закружит в таком месте в две минуты. ...и потому в переносном смысле темный лес упоминают, говоря о полном неведении»¹⁰. С нашей точки

зрения, *темным лесом* назывался лес, в котором деревья стоят настолько часто, что солнце не доходит до земли.

Во фразеологизме *темный лес (для кого)* актуализируются отвлеченные потенциальные семы обоих его компонентов. Грамматически главный компонент *лес* утрачивает субкатегориальное значение конкретного предмета, групповое значение предмета неживой природы, ядерную сему «множество деревьев» и реализует отвлеченные потенциальные семы: «сложная ситуация», «запутанная обстановка». Атрибутивный компонент *темный* «лишенный света, освещения...»¹¹ реализует семы «лишенный ясности, основной идеи, логической основы». В результате всех названных динамических процессов произошел скачок в развитии языковой единицы: из свободного словосочетания образовался фразеологизм, который является номинацией нового понятия. В новом языковом образовании ядерной стала отвлеченная сема «отсутствие ясности».

– А транспорт? С транспортом – лес *темный*. Скажем, звонят с базы: «Заберите товар, не то отдадим другому». Бегу на улицу, останавливаю любой проходящий грузовик, и водитель отправляется с тобой на базу (Комсомольская правда. 1975. 14 марта); – Не удивляйся. Редкая профессия. Имел дело с блатниками, ворами и прочей швалью. Для тебя это *темный лес*. Ходил по острою ножа, понравилось (Ю. Бондарев. Горячий снег); Явиться с ответом на суде перед Давыдовым и Шевыревым я чувствовал себя вполне готовым. Но философия была для меня *темным лесом* (Буслаев. Мои воспоминания).

Фразеологическая единица *темный лес (для кого)* «нечто неясное, совершенно непонятное, запутанное»¹² обозначает отвлеченное понятие, относящееся к социальной или интеллектуальной сфере деятельности человека, характеризует, оценивает явление или ситуацию как что-то неясное, непонятное, репрезентирует концепт «Деятельность», микроконцепт «Ошибочная, нерезультативная интеллектуальная деятельность человека». Скачок от свободного словосочетания к фразеологизму как результат динамического развития значения его (фразеологизма) компонентов сопровождается сменой образа. Физический, зрительный образ (представление о темном лесе) сменяется отвлеченным, эмоционально-рациональным образом (оценка интеллектуальных свойств лица).

Фразеологизм *кривое зеркало* в качестве грамматически главного компонента имеет конкретное имя существительное. В свободном употреблении оно обозначает конкретный предмет «гладкую отшлифованную поверхность, отражающую находящиеся перед ней предметы»¹³. Становясь компонентом фразеологизма, названное имя существительное утрачивает субкатегориальное значение «конкретный предмет», групповое значение «предмет мебели», ядерные семы лекси-

ческого значения. Во фразеологизме оно реализует отвлеченную потенциальную сему «изображение» и категориальную сему предметности. Лексическое значение имени прилагательного **кривое** утрачивает категориальное, субкатегориальное, групповое значения и ядерные семы лексического значения «не прямое, изогнутое»¹⁴. Во фразеологической единице атрибутивный компонент актуализирует потенциальные семы «неправильное, искаженное»:

Конечно, могут быть и предательства, которые попытаются сделать из всего полезного просто кривое зеркало, чтобы тем унизить или погубить опасный для них принцип (Н.К. Рерих. Нерушимое); Карикатуру многие считают «кривым зеркалом» жизни. Так смотрят на нее люди, по адресу которых давно и убедительно сказано: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива» (А.М. Горький. Кукрыниксы); Вслед за деградацией личности идет крушение и в социальном плане. Все видится в кривом зеркале. Рушатся семейные связи (С. Тютурская. Трудное возвращение).

Фразеологизм **кривое зеркало** «преднамеренное искажение представления о чем-либо» относится к субкатегории отвлеченности, репрезентирует концепт «Деятельность человека», микроконцепт «Ошибочная, нерезультативная интеллектуальная деятельность человека». В результате динамических изменений семантики компонентов фразеологизма произошел скачок от свободного словосочетания к новой единице, фразеологизму. В отличие от свободного словосочетания он не обозначает конкретный предмет мебели, а называет и характеризует интеллектуальную деятельность человека, искажение действительности, неправдивое отображение, изложение каких-либо фактов. Первоначальный зрительный образ **кривого зеркала** как конкретного предмета сменяется эмоционально-оценочным, ментальным образом **кривого зеркала** как способа отображения окружающей действительности, фактов.

Фразеологизм **столбовая дорога** образован на базе свободного словосочетания с конкретным значением. Грамматически главный компонент, конкретное имя существительное **дорога** вне фразеологизма обозначает «полосу земли, служащую для езды и ходьбы»¹⁵. Имя прилагательное **столбовая** образовано от конкретного имени существительного **столб**. В старой России лишь на самых важных дорожных линиях ставились деревянные столбы с отметкой расстояния от ближайших пунктов. Такие дороги назывались столбовыми¹⁶. Динамизм значения, результатом которого стал скачок от свободного словосочетания к фразеологизму, направлен от конкретного к отвлеченному, от физического к духовному, интеллектуальному. Грамматически главный компонент во фразеологизме утрачивает субкатегориальное значение конкретности, групповое значение конкретного предмета, подгрупповое значение предмета, созданного

человеком. Во фразеологизме он реализует самую отвлеченную категориальную сему предметности и потенциальные отвлеченные семы «направление деятельности», «путь развития». Атрибутивный компонент во фразеологизме утрачивает категориальное значение признака, субкатегориальное значение относительного прилагательного, групповое значение отношения к предмету, ядерные семы своего индивидуального значения «содержащий верстовые столбы»¹⁷. Во фразеологизме актуализируются отвлеченные потенциальные семы «главный», «основной»: *Манящий мираж дополнительных полномочий... Следуя за ним, мы зашли в трясины тяжелейшего экономического и социального кризиса. Может быть, хватит? Не пора ли вернуться на столбовую дорогу нормального устройства государственной власти? И твердо договориться о том, что права, спокойствие и безопасность граждан никогда более не будут объектом безответственных экспериментов (Правда. 1992. 19 февраля); Создавалось впечатление, что магнитотерапия – удел чудаков, стоящих в стороне «от столбовой дороги» официальной медицины. (Федерация. 1993. № 30).*

Фразеологизм **столбовая дорога** «основное, главное направление работы, движения» в отличие от свободного словосочетания относится к семантической субкатегории отвлеченности, репрезентирует концепт «Оценка», микроконцепт «Положительная оценка социального явления». Динамизм значения направлен от конкретного к отвлеченному, от физического к духовному, социальному. Скачок от свободного словосочетания к фразеологизму сопровождается сменой образа: конкретный, физический образ «большой, широкой дороги» сменяется эмоционально-рациональным образом «главного, центрального направления в развитии чего-либо».

Из сказанного следует, что формирование фразеологического значения на базе аналитического значения свободного словосочетания представляет собой динамический скачкообразный процесс. Главным источником динамизма предметных фразеологизмов является человек мыслящий, творческий, активно и целенаправленно работающий над созданием и использованием предметных формулировок, обозначением понятий. В отличие от лексем свободного употребления фразеологизмы обладают более сложным, обобщенным и отвлеченным значением. Проанализированные единицы обозначают духовные, нравственные качества человека, интеллектуальную, социальную, духовную деятельность лица или содержат обобщенную интеллектуальную оценку другого лица, фрагмента действительности.

¹ Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц. Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 120.

² Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия. С. 557

³ Там же. С. 271.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики: материалы к курсам языкознания. М.: МГУ, 1961. С. 10.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение // Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 17

⁸ Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка. Челябинск: ЧГПИ, 2003. С. 62.

⁹ Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык. Т. 2. С. 176.

¹⁰ Легостаев А.А., Логинов С.В. Фразеологический словарь русского языка. Ростов н/Д: Феникс. С. 249.

¹¹ Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык. Т. 4. С. 351.

¹² Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд, стереотип. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 695.

¹³ Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык. Т. 2. С. 609.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 129

¹⁵ Там же. Т. 4. С. 432.

¹⁶ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд, испр и доп. М.: Астрель. АСТ-Люкс, 2005. С. 197

¹⁷ Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык. Т. 4. С. 272.

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

ББК Ш141.2-2+Ш103.2

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СУДЕБНОЙ РЕЧИ XIX ВЕКА

А.П. Миньяр-Белоручева, А.А. Быкова, Е.А. Коробова

PRINCIPLES OF THE BUILDING A AMERICAN LAWYER'S SPEECH IN THE XIXTH CENTURY

A.P. Miniyar-Beloruicheva, A.A. Bykova, E.A. Korobova

Анализируются искусство убеждения и методы речевого воздействия в суде в США в XIX веке. Экспрессивно-эмоциональная сторона языка приобретает в данном случае особое значение. Следует отметить, что для юриста-правоведа безупречное владение нормами языка является одной из первостепенных профессиональных потребностей. Ведь право – это не что иное, как устанавливаемая и охраняемая государством совокупность правил и норм поведения, регулирующих общественные отношения между людьми и выражающих волю государства. А формирование и формулировка подобных правил предполагает всестороннее владение различными аспектами языковой культуры.

Ключевые слова: специфика юридической речи; судебная речь; стилистические и языковые нормы; убеждение и внушение судебной речи; убеждать аудиторию; основы красноречия; риторические теории; методы убеждения; средства убеждения; риторический вопрос; стилистический прием; метафора.

The article deals with the analysis of the lawyers' speech in courts of law in the USA of the 19th century. Lawyers' eloquence is regarded as an art of persuasion. The lawyers' rhetoric is studied from different points of view. The power of the lawyers' persuasive eloquence is of great significance, as only due to the perfect knowledge of the standard language the lawyers can help their clients not to be accused of law breaking. Law is nothing else but a verbalized system of rules developed by the government to deal with crime, business agreements, and social relationships. Rules and instructions that tell people what is allowed and what is not allowed to do require a superb mastery of language in general.

Keywords: lawyer's speech; lawyer's eloquence; standard language; persuasion and suggestion of a lawyer's speech; to persuade the audience; rhetorical theory; methods of persuasion; means of persuasion; rhetorical question; a stylistic device; metaphor.

В настоящее время язык нормативного или процессуального акта судебной речи находится в центре профессиональных интересов как юристов, так и лингвистов, поскольку язык правоведения

как разновидность языка для специальных целей имеет свои особенности и не сводится к общим рассуждениям о точности, доходчивости и выразительности. Основа речи любого юриста – литера-

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ostvera@yandex.ru

Быкова Анна Андреевна, соискатель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.П. Миньяр-Белоручева.

Коробова Екатерина Андреевна, соискатель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.П. Миньяр-Белоручева.

Alla P. Miniyar-Beloruicheva, ²professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty at Moscow State University Author of more than 100 scholarly works and manuals. E-mail: ostvera@yandex.ru

Anna A. Bykova, candidate for a degree of the Department of Foreign Languages of the History Faculty at Moscow State University Scientific adviser – professor Alla P. Miniyar-Beloruicheva.

Ekaterina A. Korobova, candidate for a degree of the Department of Foreign Languages of the History Faculty at Moscow State University Scientific adviser – professor Alla P. Miniyar-Beloruicheva.

Языки для специальных целей

турный язык. Однако специфика юридической речи состоит в том, что в ней совмещаются элементы разных функциональных стилей: разговорного, художественного, публицистического и официально-делового¹

Судебная речь, будучи одной из самых ярких, одновременно является и самой ответственной, поскольку от нее зависит жизнь и судьба человека. Коммуникативные качества судебной речи: ясность (доступность, простота), точность, убедительность, логичность, эмоциональность и экспрессивность позволяют судебному оратору сделать речь по настоящему доказательной². Эти качества судебной речи находятся в тесной взаимосвязи и в диалектическом единстве.

Особенности юридической речи как разновидности устных публичных выступлений определяются общими целями и конкретными задачами правосудия. Высокий профессиональный уровень судебной речи может быть достигнут только в том случае, если оратор соблюдает не только правовые, но и стилистические, языковые нормы. На качество произнесения юридических речей влияют: общая эрудиция и профессиональное мастерство оратора, его умение публично выступать и его подготовка к речи. Оратор должен учитывать время и место произнесения речи, состав и настроение аудитории. Только настоящий оратор всегда знает, когда надо строго соблюдать правила, а когда их можно слегка нарушить.

На содержание и форму юридической речи оказывают влияние характер и объем дела, личность оратора и судебная аудитория. Все это также определяет ее построение и изложение.

Судебная речь обращена не только к разуму, но и к чувствам аудитории: суда и остальных слушателей. В ней используются убеждение и внушение, которые тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Убеждение обращено к сознанию слушателей, подкреплено аргументами, фактами и доказательствами.

В судебной речи широко используются логические доводы, аргументы, доказательства. Чтобы убедить аудиторию, надо заставить ее согласиться с мнением, взглядами, выводами оратора и заставить их принять как собственные. Оратор должен строить свою речь и располагать доказательства так, чтобы убедительность речи возрастала по мере ее произнесения.

Стремление убедить судей и максимально воздействовать на разум и чувства присутствующих в зале судебного заседания граждан требует знания сложнейших языковых средств, которые способствовали бы четкой смысловой связности речи и выражали бы логику изложения. Важным средством выражения логических связей между композиционными частями и отдельными высказываниями являются специальные средства связи, указывающие на последовательность развития мысли (at first, in the beginning above all, first of all;

primarily, chiefly, mainly, so, then, well, consequently, therefore, hence, now etc.), противоречивые отношения (as has been said above; as it has been pointed out, therefore, and so, owing to the fact that, due to the fact that, in conformity (with), in accordance (with), etc.), итог, вывод (thus, so; so then; well, then, now, in that way, so, in such a way; consequently, accordingly, hence; In conclusion it should be said that; In closing I want to say that; Summing up it should be underlined that; In the end / finally / in the long run / in the final analysis it should be pointed out that). В качестве средств связи могут использоваться местоимения, прилагательные и причастия, а также логические вопросы. Роль вопросительных конструкций определяется как их местом в структуре текста судебной речи, так и коммуникативным заданием. В форме вопроса осуществляют постановку проблем, получают новую информацию. Проблемный вопрос, употребленный во вступлении судебной речи, формулирует цель оратора в конкретном процессе, определяет задачу, стоящую перед ним. Вопросительная интонация позволяет более экспрессивно определить проблему всего судебного заседания и способствует установлению психологического контакта между коммуникатором и адресатом.

Искусство публичного выступления играло чрезвычайно большую роль в общественной жизни США в XIX веке. Умение грамотно строить свое выступление и убеждать аудиторию было насущной необходимостью как для юристов, так и для политических деятелей, мечтавших сделать успешную карьеру.

Ораторика расценивалась, прежде всего, как судебная дисциплина и основывалась на многовековых традициях публичных выступлений со времен Демосфена до Дэниэла Вебстера. Как в средние века, так и в XIX веке ораторское искусство являлось неотъемлемой частью высшего образования. Владение основами красноречия было признаком образованности и просвещенности. Доказательством того, насколько высоко ценился ораторский талант, служит факт, что председателем адвокатской коллегии штата Вирджиния стал Патрик Генри, человек, блестяще владевший наукой красноречия, но при этом зачастую обнаруживавший некомпетентность в отношении знания технической стороны законодательства.

Наряду с профессиональными юристами и политиками способность убедительно говорить приветствовались и среди простых граждан. Удачная речь на городском собрании или празднике могла способствовать продвижению оратора по социальной лестнице. Иными словами публичное выступление было неотъемлемой частью жизни американцев.

В журнале «The United States Democratic Review», в статье «Американское красноречие» (июль 1854 г.) приводится следующая характеристика свойственной американским ораторам риторики:

«American eloquence is directed chiefly to the feelings of those to whom it is addressed and to the sense of national honor. The strongest and noblest sentiments in man to which the appeals of eloquence can be addressed are, first, the sense of right and wrong, and next, the love of country and of kindred. .. Powerful and effective eloquence has always been and always must be addressed, mainly, to the passions or feelings in man's heart. What could all the metaphysical subtleties of Thomas Aquinas and Duns Scotus effect, in impelling men to action, or in accomplishing any great and grand end, when compared with that warm, gushing eloquence, coming from the heart, and going to the heart? We care not how powerfully the intellect is addressed and stimulated, enlightened and convinced, by argument. But let us remember, the work is not effectually done, the grand end and aim of eloquence is not attained, till the consenting sympathies of the inner man of the heart are touched, roused, and brought into action. True eloquence—effective, useful eloquence—must appeal to the heart, through the understanding and the conscience. It must open the floodgates of sensibility within us, and thus bring into exercise our active powers for the promoting of good or the preventing of evil, or else, its real power and utility will be of a very small amount. And such, we think, in a very grand degree, is the character of American eloquence»³

Многие риторические теории, существовавшие в США в XIX веке, были основаны на двух трудах XVIII века, авторами которых были шотландцы: Джордж Кемпбелл, создавший в 1776 году «Философию риторики» и Блэр, выпустивший «Лекции по риторике и художественной литературе». До XVIII века большинство работ в области риторики основывались на идеях Аристотеля, методы убеждения которого, в основном, строились на принципах логики. Кемпбелл и Блэр отвергали подобную установку, полагая, что единственный способ убедить аудиторию, заключается в том, чтобы дать слушателям возможность на собственном опыте убедиться в истинности того или иного предположения. Донести этот опыт до публики можно было лишь, воссоздав картину происшествия в умах слушателей. Именно поэтому американские ораторы делились со слушателями историями, основанными «на их собственном опыте» или рисовали «словесные картины», стараясь передать нужный настрой аудитории. Таким образом, хороший оратор должен был убедить слушателей, апеллируя, в первую очередь, к эмоциям, заставить присяжных идентифицировать себя с подзащитным.

Те, кому это удавалось лучше других, становились настоящими «знаменитостями». Судебные ораторы, наряду с политиками, пользовались большой популярностью. Их выступления печатались в газетах и журналах, часто публиковались отдельными сборниками.

С целью определить, риторические приемы и методы убеждения, применяемые в американской

адвокатской практике в конце XIX начале XX веков, был проведен анализ выступления Джорджа Декстера Робинсона, адвоката защиты по делу Лиззи Эндрю Борден, обвиняемой в 1893 году в совершении двойного убийства, а именно, в убийстве своего отца Эндрю Джексона Бордена и своей мачехи Эбби Дарфи Борден.

Защитительная речь Робинсона, построенная в соответствии с общепринятыми канонами судебного выступления адвоката XIX века, четко делится на три части: вступительную, основную и заключительную.

Вступление является одним из самых важных элементов судебной речи, поскольку именно от первого впечатления присяжных зависит дальнейший исход дела, то крайне важно было правильно начать выступление.

Робинсон начинает с уважительного обращения к судье и присяжным: «*Your Honor, Mr. Foreman and Gentlemen!*»⁴

Как и предполагается по правилам построения защитительной речи, далее адвокат высказывает свою точку зрения по поводу предмета судебного разбирательства и, фактически, в общих чертах демонстрирует линию защиты, которой он собирается придерживаться. В деле Лиззи Борден Робинсон уже во вступительной части четко обозначил свою позицию: подсудимая, будучи кроткой и богобоязненной женщиной, никак не могла совершить два столь дерзких и безжалостных убийства, совершить которые под силу лишь крепкому и, очевидно, невероятно жестокому мужчине.

Робинсон, начиная со вступительной части и далее по ходу всего выступления, при каждом удобном случае старается вызвать у присяжных воспоминания о доме, об их собственных семейных очагах, проводя параллель между Лиззи Борден и их собственными дочерьми и женами. Адвокат каждый раз подчеркивает, что в данный момент они, двенадцать мужчин-присяжных, ответственны за судьбу женщины-подсудимой:

«You, Mr Foreman and Gentlemen, are now in charge of her».

«Who are you twelve men, and how come you here? Selected out of 150 that were drawn from the body of this county, passing the gauntlet of criticisms, questions, and objections put upon you by the Court or the attorneys, you are sworn here in this cause. Who are you? Men. Bristol County men. Men with hearts and men with heads and men with souls and men with rights. You come here in obedience to the law that we prescribe for the orderly administration of our courts. You come here because, in answer to the demand, you feel that you must render this great service, unpleasant and trying as it may be, exhaustive as are its labors; you come here because you are loyal men to the State. Nay, more. You are out of families, you come from firesides, you are members of households, you have wives and daughters and sisters and you have had mothers, you recognize the bond that

Языки для специальных целей

unites and the flash that plays throughout the household. Now bring your hearts and your homes and your intellects here, and let us talk to you as men, not as unmeaning things»⁵

Далее, переходя к основной части, Робинсон описывает место преступления и начинает подробно анализировать факты, предъявленные обвинению в качестве доказательства вины подсудимой.

В течение всего выступления адвокат периодически прибегает к различным средствам убеждения, как к явным, так и скрытым приемам речевого воздействия на аудиторию.

Одним из самых распространенных приемов в речи Робинсона является риторический вопрос, функции которого определяются его местом в структуре текста судебной речи и коммуникативным заданием. Риторический вопрос, употребленный во вступлении, используется для постановки проблемы, формулирования цели оратора в конкретном процессе, определения задачи, стоящей перед ним. Вопросительная интонация позволяет более экспрессивно определить проблему всего судебного заседания, кроме того, способствует установлению психологического контакта между коммуникатором и адресатом. Поскольку риторический вопрос позволяет привлечь внимание и одновременно воздействовать на аудиторию, то именно этим приемом адвокат Робинсон начинает свое выступление:

«Who could have done such an act?»

«In the quiet of the home, in the broad day light of an August day, on the street of a popular city, with houses within a stone's throw, nay, almost within touch, who could have done it?»

«Who are you twelve men, and how come you here? Selected out of 150 that were drawn from the body of this county, passing the gauntlet of criticisms, questions, and objections put upon you by the Court or the attorneys, you are sworn here in this cause. Who are you?»

Примечательно, что в последнем примере защитник использует древнеанглийскую форму построения вопроса *«how come you here»*, для которой характерно отсутствие вспомогательного глагола. Если принять во внимание следующую далее метафору *«the gauntlet of criticisms»* («gauntlet» – рыцарская перчатка), то можно предположить, что оратор тем самым стремится вызвать у присяжных ассоциации с древнеанглийскими традициями рыцарства и справедливости.

Язык адвоката довольно выразителен. Робинсон прибегает к художественному описанию, свойственному литературному жанру, для создания у присяжных необходимого настроения:

«The terrors of those scenes no language can portray. The horrors of that moment we can all fail to describe».

Кроме того, в своем выступлении защитник периодически, хотя и не столь часто, как риторические вопросы, использует метафоры:

«And so we are challenged at once, at the outset, to find somebody that is equal to that enormity, whose heart is blackened with depravity, whose whole life is a tissue of crime, whose past is a prophecy of that present».

«And the murders did not tell any tales on her, either. There was no blood on her, and blood speaks out, although it is voiceless. It speaks out against the criminal».

Следует отметить, что для усиления эффекта воздействия автором используется довольно распространенный в английском языке прием персонализации неодушевленных предметов: *blood speaks out; murders did not tell any tales*.

Рассуждая о сомнительной доказанности преступления, Робинсон умело использует в своей речи всевозможные местоимения. С одной стороны, для активизации социального плана, он использует прием интимизации, оказывающий косвенное воздействие на слушателей и максимально сближающий план оратора и аудиторию. Этот прием позволяет адвокату вовлечь своих слушателей в процесс его логических рассуждений, приводящих к определенным, нужным данному адвокату выводам, с которыми согласились бы все его слушатели.

Употребляя «инклюзивное» местоимение «мы» (*we*), Робинсон таким образом подсознательно объединяет себя с присяжными, ставит себя и их на одну сторону, одновременно, противопоставляя себе, а соответственно и присяжным обвинение, обозначает прокурора и его сторонников местоимением «они» (*they*).

С другой стороны, рассуждая о возможных причинах, способных побудить человека на совершение подобного преступления, Робинсон сознательно, даже гипотетически рассуждая о мотиве, использует неличное *a person*, под которое можно подвести воображаемого коммуниканта, на месте которого может быть любой человек. Далее, продолжая рассуждения о мотивах этого гипотетического преступника, защитник использует личные и притяжательные местоимения 3-го лица единственного числа, мужского рода. С другой стороны, как только речь заходит о подсудимой и несправедливости обвинений в отношении нее, в речи фигурируют личные и притяжательные местоимения того лица и числа, но, исключительно, женского рода.

Таким образом, Робинсон проводит четкую грань: он – вероятный преступник, она – невинная жертва.

«If a person commits a murder like this, and we know it, we have no occasion to inquire for what reason he did it. If he did it, then it does not make any difference whether he had any motive or not. He might have done it for pure deviltry, without a motive. He may have done it in insanity, and then the law comes in in another way to intervene in his behalf. But if it is proved – proved, I say, not guessed, but proved that

he did it, it is not of the slightest importance whether he had a motive or not. If he did it, that is all there is about it. Now why is the Commonwealth bound in this case to attempt to show a motive for doing it? Merely for this, gentlemen: because they say, Here are the crimes---there are the crimes there, there sits the defendant---you see her over there. Now in order to hold her responsible for the crimes, we have got to bind her up to the crimes. We have no direct evidence that puts her there; we have some circumstances that look as if she might get there; and so in order to bring her to it, we must show a reason why she would do it,---what moved her to do it; and that is the motive. That is to say, the motive in this case is only to explain the evidence. You get my idea, I think. It is only to tell you how you can explain her acts or her words. If you can explain them in a reasonable and honorable way, then she is entitled to that. But if they cannot be explained except that you find a criminal thought running through them, then that motive operates against her, not to make her commit the crime, but to show you that what is said about it is a reasonable construction -- that she was led to do it».

Кроме того, довольно сильное воздействие на аудиторию способен оказать прием противопоставления «Here» – «There». «Здесь» – невинная жертва обстоятельств, «там» – преступление и связанные с ним ужасы.

Одним из любимых приемов автора можно назвать иронию. Особенно остро автор иронизирует в отношении прокурора и полиции города Фолл-Ривер, места, где произошло преступление, и доказательств виновности мисс Борден:

«In the first place, they say she was in the house in the forenoon. Well, that may look to you like a very wrong place for her to be in. But it is her own home. I suspect you have a kind of an impression that it would be a little better for her than it would be to be out traveling the streets. I don't know where I would want my daughter to be, at home ordinarily, or where it would speak more for her honor and care, and reflect somewhat of credit upon me and her mother, (who is my wife, I want to say), than to say that she was at home, attending to the ordinary vocations of life, as a dutiful member of the household, as belonging there. So I do not think there is any criminal look about that. She was at home?».

В приведенном выше отрывке одним из способов достижения эффекта иронии является употребление сослагательного наклонения. Рассуждая по поводу одной из теорий, выдвинутой полицией, Робинсон откровенно издевается над стороной обвинения:

«Well, we thought the handle was in there. We thought that was the plan, that the Government possessed itself with the idea that that handle was rolled up by the defendant in a piece of paper and put down in there to burn, and it had all burned up except the envelope of paper Did you ever see such a funny fire in the world? What a funny fire that was! A hardwood

stick inside the newspaper, and the hard wood stick would go out beyond recall, and the newspaper that lives forever would stay there! What a funny idea! What a theory that is!».

Таким образом защитник дискредитирует обвинение в глазах присяжных.

«Well, they will go another step yet in their theory, I think likely. I would not wonder if they are going to claim that this woman denuded herself and did not have any dress on at all when she committed either murder The heart wants to learn what theories they will get up about this woman without evidence. First, create your monster, and then put into him the devil's instincts and purposes, and you have created a character But start with a woman, with woman's impulses and a daughter's love, and your imaginings are foreign and bas».

Помимо прочих приемов речевого воздействия, автор активно использует религиозные чувства присяжных, в частности страх расплаты за свои ошибки в загробной жизни:

«But it is the doubt of such men as I take you to be, with your home influences, with your church belongings, with your business associations, with your social relations, with all that binds you up to each of us».

«You will go to your graves thinking of how you performed this task, and it ought not to be that you can have any compunctions that you made a mistake which nobody could retrieve».

В заключительной части своего выступления Робинсон еще раз подчеркивает положительные качества Лиззи Борден, в первую очередь, указывая на ее набожность и неспособность к насилию.

«Gentlemen, murderers do not talk that way. Criminals are not so situated as to have concocted this great and monstrous wrong and then have had that superb quietness of spirit and that confident feeling that wrong has been done her in the charge that is made and the assurance within herself that, God knowing it, she is free and pure».

Итак, судебная речь Робинсона характеризуется структурной четкостью и логичностью перехода от одного пункта к другому, в которой функционирует незначительное количество метафор и описательных приемов.

Следует отметить, что в США в XIX веке наблюдался подъем общественного интереса как к искусству публичного выступления вообще, так и к судебным ораторам в частности. Судебные прения пользовались повышенным интересом зрителей, а защитники и прокуроры были в центре внимания общественности. Ораторы уделяли большое внимание эмоционально-психологическому аспекту. Стремясь заставить присяжных сопереживать подзащитному, они при этом старались сохранить логическую структуру выступления, которая служила, своего рода, «путеводной нитью», приводившей слушателей к нужному заключению.

Среди стилистических приемов воздействия на аудиторию, использовавшихся в судебных ре-

Языки для специальных целей

чах, можно выделить риторический вопрос и метафору. Используя изобразительные средства, судебный оратор не забывал, что они являлись вспомогательным материалом дела, не целью, а средством, подчинены замыслу оратора и обусловлены содержанием речи. Эмоциональное воздействие судебной речи являлось ее необходимым, рабочим компонентом: ведь оратор должен не только выразить мысль, но и вызвать нужные эмоции у слушателей. Объективный и беспристрастный прокурор не должен был оставаться равнодушным. Адвокат не мог лишать свою речь обвинительной силы и гражданского пафоса, превратив ее в скучный доклад. Судебная речь, обладающая всеми названными качествами, воспринималась как воздействующая. Только при этом условии она могла выполнить свою общественную функцию.

Обращенная, прежде всего, к суду судебная речь осуществлялась в условиях непосредственного контакта, была ориентирована на установление истины и характеризовалась наличием замысла, который в каждом случае обуславливался особенностями конкретного уголовного дела. Замысел судебной речи требовал таких характеристик, как протяженность речевого отрезка, целенаправлен-

ность, композиционная организованность, предметно-смысловая завершенность, то есть исчерпывающее выражение замысла, которое обеспечивает возможность ответа. Своеобразным ответом на речи судебных ораторов служил постановленный судом приговор, в котором аргументированная, убедительная речь находила отражение в квалификации преступления и в определении меры наказания.

¹ Роман Л.В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и речевые аспекты ее реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999.

² Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. Л., 1989; Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юристов. Казань, 1990; Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. М., 1995; Семикова Н.И. Педагогические аспекты судебной риторики // Актуальные вопросы научных исследований. Вып. 2, часть 1. Гуманитарные науки. Саратов, 1998. С. 34–46.

³ Making of America: American Eloquence <http://www.law.umkc.edu/faculty/project/frails/frails.htm>

⁴ Lizzie Andrew Borden Virtual Museum and Library <http://www.lissieandrewborden.com/LizzieABorden.htm>

⁵ Там же.

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

ОБ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Т.Г. Попова, М.Н. Федулова

JUDICIAL RHETORIC PUBLIC SPEAKING

T.G. Popova, M.N. Fedulova

Как средство общения язык обслуживает все сферы общественно-политической, официально-деловой, научной и культурной жизни. В статье описывается место языка в профессиональной деятельности юриста. Автор подчеркивает, что умение говорить публично является необходимым профессиональным качеством юриста.

Ключевые слова: язык, коммуникации, профессиональная речь юриста.

The paper deals with the problems of judicial rhetoric as a component of public speaking. Language is connected with all the spheres of human-being. The author points out the importance of professional law language knowledge to lawyers.

Keywords: communication, professional law language, judicial rhetoric.

По мнению Н.П. Карабчевского¹, «судебное красноречие представляет собой красноречие особого рода. На него нельзя смотреть лишь с точки зрения эстетики. Вся деятельность судебного оратора – деятельность боевая. Это – вечный турнир перед возвышенной и недостижимой «дамой с повязкой на глазах».

В контексте наших рассуждений необходимо подчеркнуть, что судебная речь имеет свои особенности, существенно отличается от других видов публичных выступлений. Судебная речь представляет собой официальную профессиональную речь. Говоря иными словами, судебное ораторское искусство является неперемным и обязательным компонентом важнейшей судебной процедуры, каковыми выступают судебные прения.

Законодатель формирует нормы права при помощи языка. Под языком мы понимаем «систему объективно существующих и социально закреплённых фонетических, лексических, грамматических единиц, соотносящих понятийное содержание и типовое звучание, а также систему правил их употребления и сочетаемости»². Язык занимает особое место в обработке поступающей к человеку информации.

«Язык оказывается тем самым высоким уровнем, на котором информация, полученная по раз-

ным каналам, обрабатывается воедино, осмысливается, категоризируется и классифицируется»³.

Язык является важнейшим средством общения и воздействия, механизмом получения и обработки информации, средством оптимизации всех видов человеческой деятельности. Юриспруденция относится к числу лингвоинтенсивных специальностей, юридическая деятельность принадлежит к сфере повышенной речевой ответственности. Владение устным и письменным словом становится существенным признаком профессиональной деятельности юриста. Подобного мнения также придерживается Л.А. Введенская⁴, отмечая, что чрезвычайно актуальной представляется проблема риторического образования юристов.

Мастерство публичного выступления определяется ясно сформулированной идеей, убедительной аргументацией, соразмерным сочетанием рациональных и эмоциональных элементов и хорошим контактом с аудиторией и, конечно же, живой и образной речью. Говоря иными словами, красноречие – это мастерство, искусство речи, способность говорить интересно, живо, убедительно, на высоком уровне культуры. Оно достигается в результате длительного совершенствования, специального обучения, а также умелого владения языком.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) ФГОУ ВПО «Военный университет» (г. Москва), E-mail: tatyana_27@mail.ru

Федулова Мария Николаевна, преподаватель кафедры английского языка (второго) ФГОУ ВПО «Военный университет» (г. Москва). Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.Г. Попова.

Tatiana G. Popova, English Dpt., Prof., Doctor of Philology (Military University, Moscow). E-mail: tatyana_27@mail.ru

Maria N. Fedulova, English Dpt., chair lecturer (Military University, Moscow). Scientific adviser – professor T.G. Popova.

Риторика также оперирует понятием «слово», которое представляет собой основной инструмент профессиональной деятельности юриста. Именно от того, насколько юрист владеет словом, во многом зависит результат его работы. Действительно, чтобы испортить впечатление от речи и мнение об ораторе, иногда бывает достаточно одного неточно употребленного слова, неудачного оборота или неправильного ударения.

Система классической риторики охватывала процесс от момента начала подготовки публичной речи до ее исполнения и состояла из пяти частей, что и прослеживается в современной риторике. Эти части представляют собой инвенцию, диспозицию, элокуцию, меморию, а также акцию. Инвенция (от латинского «нахождение», «изобретение») включает выбор темы, ее название, сбор и систематизацию эмпирического материала.

Диспозиция (от латинского слова «расположение») включает выбор жанра публичного выступления, составление плана, а также композицию текста. Третья часть риторики как прикладной лингвистической науки представляет собой элокуцию (от латинского слова «словесное выражение»). Она рассматривает учение о выборе слов, их сочетаний, о тропах и риторических фигурах, о стилях речи, об использовании изобразительных средств языка.

Четвертая часть риторики – это меморию (от латинского слова «запоминание»), учение о памяти оратора, приемах запоминания. Пятая часть риторики представляет собой акцию (от латинского слова «произнесение», «исполнение»), которая является заключительным разделом, подразумевающим учение о произнесении речи, владение средствами выразительной устной речи, рекомендации по установлению контакта с аудиторией, манерой поведения оратора в аудитории.

Авторитет юриста не в последнюю очередь зависит от его ораторских способностей, от культуры его речи. Под культурой речи мы понимаем такой выбор и организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм этики позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Проведем небольшой экскурс в судебную риторику. На развитие судебного красноречия в Древней Греции во многом повлияли законы афинского правителя Солона, изданные в 594 году до нашей эры, по которым вводился состязательный судебный процесс. В то время в роли обвинителя мог выступать каждый человек, поскольку института прокуроров не существовало. Что касается обвиняемого, то он должен был защищаться сам. Судебное заседание в Афинах назначалось на вечернее время, и лица говорящих не было видно. Это делалось для того, чтобы создать впечатление объективности и каким-то образом нейтрализовать психологическое воздействие.

Условия судебной процедуры в Афинах были сложными: не все обладали даром красноречия, чтобы расположить к себе слушателей. Следовательно, было необходимо учиться выступать перед аудиторией, говорить красиво и убедительно или искать лиц, которые могли бы составить выступление, которые тяжущиеся заучивали наизусть и произносили на суде. Таких сочинителей называли логографами.

Именно подобным образом стали появляться ораторы, чей публичный опыт изучается и ныне. Создателем искусства красноречия стали мыслители древности Платон (V–IV века до нашей эры), Аристотель (IV век до нашей эры), Горий (V век до нашей эры).

В области судебного красноречия выдающимся оратором был Лисий (459–380 гг. до нашей эры), который заложил основы судебной речи и создал эталон стиля, композиции и аргументации.

В Древнем Риме во II веке до нашей эры знаменитыми судебными ораторами были Марк Порций Катон Старший – автор трудов по юриспруденции, Гай Скрибоний Курион, который, по мнению Цицерона, представлял собой блистательного оратора, Гай Папирий Карбон, принимавший участие во многих процессах по уголовным и гражданским делам, Красс и Квинт Гортензий Гортал.

Одним из самых известных ораторов был Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до нашей эры), который являлся главой римского сената, автором трактатов «Об ораторе», «Брут» и «Оратор». Из сочинений Цицерона сохранилось 58 судебных и политических речей, более 800 писем, 19 трактатов по риторике, философии, политике.

Франция также знаменита своими ораторами. Это – архиепископ Фенелон, философы Мирабо, Вольтер, Дидро, Патрю, Комен, Жюль Фавр и др.

В России ценный вклад в науку о красноречии внес М.В. Ломоносов (1711–1765 гг.). Развитию ораторского искусства в России во многом способствовали юристы – ораторы. Многие писатели, поэты и художники по образованию были юристами: А.Н. Радищев, А.С. Грибоедов, Л.Н. Андреев, А.Н. Апухтин, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, Н.К. Рерих, В.Д. Поленов, М.А. Врубель, И.Э. Грабарь, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, М.В. Добужинский.

В 1864 году в России ввели суд присяжных. Стали публиковаться труды по судебной риторике, написанные известными юристами П.С. Пороховщиковым и А.Ф. Кони, которые обладали огромным запасом знаний, острым, наблюдательным умом, строгой логикой мышления, незаурядным литературным мастерством, а также тонким пониманием человеческой души и умением дать правильный анализ человеческим поступкам. По мнению А.Ф. Кони⁵, всегда нужно тщательно готовиться к выступлению.

Как полагает П.С. Пороховщиков⁶, речь судебного оратора представляет собой художествен-

ное произведение. Следовательно, в речи судебного оратора должны присутствовать три части. Во-первых, объяснение дела. Во-вторых, нравственная и законная оценка преступления. В-третьих, в речи судебного оратора должно присутствовать решение вопроса о виновности / невиновности подсудимого. Для того, чтобы в речи имелись все три части, необходимо, чтобы судебный оратор владел точным слогом, а также знанием функционирования языка.

Ф.Н. Плевако также является выдающимся оратором. Его характерная особенность – способность словесно воссоздать на суде картину преступления.

Говоря об известных юристах России, нельзя не упомянуть имя В.Д. Спасовича, который является блестящим лектором, одаренным юристом, а также литератором, публицистом и критиком. В.Д. Спасович – оратор огромной эрудиции, большой художник, глубокий знаток истории и литературы. Его речи отработаны в мельчайших подробностях. Они поражают силой чеканного слова, богатством языка и глубиной мысли, умелым использованием сравнений. В речи В.Д. Спасовича нет усложненных фраз, стиль речи прост и доходчив, высказывание строится в строгом логическом порядке.

Касаясь ораторского творчества В.Д. Спасовича, следует также отметить вслед за известным Сборником судебных речей известных юристов⁷, что «из замечательной плеяды дореволюционных адвокатов никто так умело и широко не пользовался научными знаниями, как Спасович. Глубокие, поистине энциклопедические знания были его могучим оружием в судебном поединке».

Другим известным оратором является К.Ф. Хартулари. Для его речи характерна уравновешенность, внимание к фактам, доказательствам и уликам. Выступления К.Ф. Хартулари в суде отличаются обстоятельным и глубоким разбором доказательств, умением найти в деле основные моменты и дать им правильное освещение.

Характерной особенностью его речей является тщательная отделка, соразмерность их частей, глубоко продуманная подача материала.

«Речи К.Ф. Хартулари не блещут драгоценными эффектами выводов, как у Спасовича, – пишет о нем Б. Глинский⁸, – они лишены глубокого научного антуража последнего, но производят подчас такое сильное впечатление совершенно иными достоинствами – простотой, безыскусственностью, спокойствием, детальной разработкой улик и стремлением оратора к нравственно-педаго-

гическим выводам, долженствующим воздействовать благотворно на весь социальный строй общества».

Думаем, что мы не можем согласиться с мнением Б. Глинского, что К.Ф. Хартулари не умеет рисовать яркие картины и образные ситуации. Ведь он большое внимание уделяет тому, чтобы речь была доступной для восприятия. Не принадлежат к числу адвокатов, которые предварительно заносят свою речь на бумагу, он, тем не менее, в результате основательной и всесторонней подготовки к процессу добивается четкости языка, хорошего литературного воспроизведения мыслей. Язык и стиль его речи отчетливы, литературно правильны, грамматически хорошо обработаны.

Если вкратце попытаться ответить на вопрос: какова особенность судебного ораторского искусства, необходимо привести слова С.А. Андреевского⁹: «И если бы от меня потребовали, чтобы я в самом сжатом виде определил, какая же существует разница в нашем деле между истинным искусством и мишурой, то я бы ответил: истинное искусство – это простота, искренность, содержательность и оригинальность, в отличие от мишуры, которая есть вычурность, фальшь, пустословие и банальность».

Таким образом, исходя из сказанного, мы можем сделать вывод о важной роли риторического образования юристов, поскольку умение говорить публично издавна считается необходимым профессиональным качеством юриста.

¹ Смолярчук В.И. А.Ф. Кони и его окружение: Очерки. М., 1990. С. 12.

² Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социально-коммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М.: Издательство МГОУ «Народный учитель», 2003. С. 77

³ Popova Tat'jana. Kulturne i kognitivno-semantičke zakonitosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009, god. 15, sv. 1. – 3. Str. 86–96.

⁴ Введенская Л.А. Риторика для юристов: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 3.

⁵ Иванова А.П. О языке законов. М.: Изд-во Норма, 2007, С. 37

⁶ Иванова А.П. О языке законов. М.: Изд-во Норма, 2007 С. 38.

⁷ Цит. по: Судебные речи известных русских юристов: М.: Изд-во СГУ, 2009. Часть 1. С. 6.

⁸ Цит. по: Судебные речи известных русских юристов: М.: Изд-во СГУ, 2009. Часть 1. С. 310.

⁹ Введенская Л.А. Риторика для юристов: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 149.

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81'42
ББК Ш 1

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ЕДИНИЦЫ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Т.Н. Хомутова

RESEARCH TEXT: UNITS OF INTEGRAL MODEL

T.N. Khomutova

Рассматриваются вопросы анализа научного текста в русле интегрального подхода, разрабатываются принципы построения интегральной модели научного текста, в состав которой входят четыре сектора: когнитивный, языковой, культуральный и социальный, анализируются единицы каждого сектора в их взаимодействии и взаимообусловленности, определяется интегральная единица языковой эволюции, намечаются возможные пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова: научный текст, интегральный подход, интегральная модель, сектор, когнема, лингвема, культурема, социалема.

The article investigates the use of an integral approach to research text analysis. Principles of constructing a research text integral model are advanced. The model consisting of four quadrants, namely, cognitive, linguistic, cultural and social ones, is presented. Units of each quadrant are analyzed with an emphasis on their correlation. An integral unit of language evolution is defined. The perspectives of further research are discussed.

Keywords: research text, integral approach, integral model, quadrant, cogneme, lingueme, cultureme, socialeme.

Введение. Интегральный подход К. Уилбера. Глобализация науки с неизбежностью привела к формированию нового интегрального подхода, целью которого является синтез научных парадигм различных областей знания, таких как психология, когнитивистика, социология, философия, лингвистика, культурология, теология, естественные науки и т.д.

Основоположником интегрального подхода считают Кена Уилбера, американского философа и психолога¹

В качестве интегрального метода К. Уилбер использует метод «ориентирующих обобщений», который проводит параллели между поведением органических, неорганических и общественных систем, выявляет изоморфные модели и общие характеристики систем с целью выработки теоретических положений, применимых в различных научных областях. К. Уилбер использует «ориентирующие обобщения» с целью выработать интегральные объяснительные принципы для построения новой интегральной теории в общем цикле развития научного знания.

Хомутова Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет». E-mail: tnh@susu.ac.ru

Основой нового интегрального подхода К. Уилбера является «всесекторная, всеуровневая» модель AQAL («all quadrants all levels»)². Эта модель построена на основе аналитико-синтетической обработки более чем 200 общепринятых иерархий и систем из различных сфер деятельности человека и включает пять принципиально неупрощаемых компонентов, которые, по мнению К. Уилбера, необходимо учитывать в любой интегральной модели: секторы, уровни, линии, состояния, типы.

Основоположающим компонентом интегральной модели К. Уилбера являются секторы. Идея К. Уилбера заключается в том, что каждое событие имеет четыре измерения опыта, а именно, каждое событие можно рассмотреть с точки зрения «я» (или того, как лично я воспринимаю и ощущаю это событие), с точки зрения «мы» (или того, как не только я, но и другие воспринимают это событие), с точки зрения «оно» (или индивидуально-объективных фактов этого события) и с точки зрения «они» (или коллективно-объективных фактов этого события). К. Уилбер называет все эти изме-

Khomutova Tamara Nikolayevna, Candidate of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, South Ural State University. E-mail: tnh@susu.ac.ru

рения секторами. На основе анализа данных фактографического поиска К. Уилбер приходит к выводу, что каждое из разнообразных описаний естественного хода развития попадает в один из четырех секторов и далее в рамках этих секторов наблюдается согласование стадий или уровней.

Таким образом, секторы рассматриваются как четыре базовые точки зрения, которые необходимо учитывать в стремлении наиболее полно и точно изучить какой-либо объект. Интегральный подход учитывает все эти точки зрения (измерения), становясь всеохватывающим и эффективным.

Интегральный подход в лингвистике. Развитие лингвистической науки на современном этапе также характеризуется поиском нового «интегрального» подхода, формированием новых парадигм знания, предполагающих отход от идей «структурной» парадигмы. На необходимость такого подхода в отечественной лингвистике впервые указала Е.С. Кубрякова, которая в результате глубокого анализа современного состояния лингвистической науки пришла к выводу, что в концепциях различных школ и направлений, выступающих с критикой «генеративного» подхода к языку, обнаруживаются попытки продвижения в сторону новой интегральной парадигмы знания, функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей выход за пределы формализованной концепции языка³.

В основе интегральной парадигмы, по мнению Е.С. Кубряковой, лежит когнитивно-дискурсивный подход к языку и языковым объектам, который предполагает комплексное междисциплинарное исследование с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания⁴.

Когнитивно-дискурсивный подход признает

двумя главными функциями языка когнитивную и коммуникативную и преследует цель «изучать эти функции в постоянном взаимодействии и согласовании друг с другом»⁵.

Когнитивная составляющая данной парадигмы позволяет анализировать типы знаний/информации, вербализуемых в научном тексте, и стоящие за ними ментальные единицы и структуры, в то время как дискурсивная составляющая позволяет выявить способы представления информации адресату с учетом прагматической направленности текста, интенций автора и особого контекста коммуникативного акта⁶.

Несмотря на разницу в уровне обобщения и терминологии между рассматриваемыми моделями наблюдается сходство по сути, а именно учитываются не только «оно» – измерения, но и «я» и «мы» – измерения, то есть личностные, социокультурные и познавательные аспекты деятельности говорящего.

На основании вышеизложенного нами была предпринята попытка построения интегральной модели научного текста с опорой на общую интегральную модель К. Уилбера и модель когнитивно-дискурсивной лингвистики Е.С. Кубряковой как взаимодополняющие.

Интегральная модель научного текста. Применив интегральный подход к изучению научного текста, мы получили следующую картину. Научный текст рассредоточен по четырем секторам: когнитивному, языковому, социальному и культуральному (табл. 1).

В когнитивном секторе научный текст представляет собой *фрагмент специального научного знания* определенной предметной области. К этому знанию относятся декларативное (энциклопедическое) и процедурное знание. Декларативное знание

Таблица 1

Интегральная модель научного текста

Когнитивный сектор	Языковой сектор
1. <i>Текст как фрагмент знания</i> (знание предметной области) <ul style="list-style-type: none"> • Декларативное знание (концепты, онтологии) • Процедурное знание (уровень мышления) 2. <i>Специальное знание</i> (знание специалистов в данной области) 3. <i>Научное знание</i> (с точки зрения участников коммуникации)	1. <i>Текст как фрагмент языковой системы</i> (фрагмент подъязыка) <ul style="list-style-type: none"> • Лексика, семантика, грамматика текста • Структура текста (микро- и макроструктура) 2. <i>Специальный подъязык</i> (терминологический словарь, ключевые слова, суперструктура текста) 3. <i>Научный стиль</i> (с лингвистической точки зрения)
Культуральный сектор	Социальный сектор
1. <i>Текст как фрагмент культуры</i> <ul style="list-style-type: none"> • Культурные ценности (отношение к времени, пространству, власти и др.) • Культурно обусловленный тип мышления 2. <i>Специальная/профессиональная культура</i> 3. <i>Научная культура</i> (с точки зрения культурного сообщества)	1. <i>Текст как фрагмент социального пространства</i> <ul style="list-style-type: none"> • Социальные концепты (научное сообщество, уровень развития науки, приоритетные направления развития науки и др.) • Социально обусловленное коммуникативное поведение (типичные структуры специальной коммуникации: функциональный стиль, жанр) 2. <i>Специальный дискурс</i> – язык для специальных целей 3. <i>Научный дискурс</i> (с точки зрения научного сообщества)

представляет собой концепты, концептуальные системы и построенные на их основе онтологии знания. Процедурное знание (умения оперировать концептами) представлено в уровне мышления, свойственном научному сообществу, как правило, это уровень не ниже формально-логического. Специальное знание – это знание специалистов в данной предметной области, но оно не всегда научно (истинно, достоверно, intersubъективно), так как имеет субъективный характер.

В языковом секторе научный текст представляет собой *фрагмент языковой системы*, а именно фрагмент определенного *подъязыка*, в котором с помощью языковых средств (лексики, семантики, грамматики, текста) выражается декларативное и процедурное знание, культурные ценности, социальные концепты. Этот *подъязык специальный и научный* с лингвистической точки зрения, что выражается в категории научного стиля, хотя собственно критерии научности: истинность, достоверность и intersubъективность не имеют лингвистических средств выражения и могут быть установлены лишь экспериментальным путем.

В социальном секторе научный текст представляет собой *фрагмент социального пространства* в виде социального контекста акта специальной научной коммуникации – дискурса, который вслед за Е.В.Сидоровым трактуется нами как материальное воплощение сопряженных социально обусловленных коммуникативных деятельности автора и адресата⁷. К социальному сектору научного текста относятся социальные концепты, такие как участники коммуникации, организованные в научное сообщество, уровень и приоритетные направления развития науки в данном сообществе, а также социально обусловленное коммуникативное поведение в виде типичных социальных структур научной коммуникации, таких как жанр и функциональный стиль.

Как известно, понятие функционального стиля тесно связано с социально значимой сферой деятельности и сферой речевого общения. В отношении жанра мы придерживаемся точки зрения, что любой научный текст в социальном плане репрезентирует определенный жанр, который, в свою очередь представляет собой тип дискурсов, отражающих сходные социальные действия⁸. Прагматическая составляющая социального сектора научного текста позволяет отнести последний к языку для *специальных целей*⁹ *Научность* текста определяется и верифицируется научным сообществом и является объективной величиной.

В культуральном секторе научный текст как *фрагмент культуры* базируется на культурных ценностях того или иного народа. Наиболее продуктивным для лингвистики является понимание культуры как системы ценностей, заложенных в ментальных структурах индивида, существующей только в обществе и обеспечивающей его целост-

ность и передачу системы ценностей, включая материальные, от одного поколения к другому¹⁰. Культурные ценности, в свою очередь, тесно связаны с языком, обществом, мышлением и обуславливают тип последнего¹¹. Культурно обусловленный тип мышления выражается, в частности, национально-специфическими моделями смысловой структуры текста, такими как микро- и макро-структуры.

Таким образом, рассматривая организацию научного текста с точки зрения принятого нами интегрального подхода, мы выделяем в ней четыре сектора: когнитивный, языковой, культуральный и социальный, при этом существует взаимообусловленность и взаимозависимость всех секторов.

Каждый сектор состоит из свойственных только ему единиц, объединенных с помощью определенной структуры в целостную систему.

Единицы интегральной модели научного текста. Рассматривая единицы каждого из секторов *интегральной модели*, будем использовать следующие термины: элементарную единицу когнитивного сектора мы называем когнемой (термин Ю.Н. Караулова), элементарную единицу языкового сектора – лингвемой (термин Ю.Д. Дешериева), элементарную единицу культурального сектора – культуремой (термин А. Моля), элементарную единицу социального сектора – социалемой (термин Ю.Д. Дешериева).

Все перечисленные единицы являются элементарными условно. Говоря «условно», мы подчеркиваем, что в нашем понимании язык как речевая коммуникация является интегральным феноменом и рассредоточен по четырем секторам: когнитивному, языковому, культуральному и социальному, выделенным для удобства исследования. Единицы этих секторов являются условными исследовательскими единицами и в чистом виде в природе не существуют, они являются «аспектами» единой интегральной единицы, которую можно назвать «коммуникемой», а в случае анализа текста – «текстемой». Более того, даже в рамках одного сектора наблюдается определенная иерархия единиц, когда при взаимодействии простых единиц возникают сложные, что свидетельствует в пользу уровневой структуры рассматриваемых секторов.

Единицей когнитивного сектора является *когнема*. Под когнемой мы понимаем элементарную единицу знания. Термин «когнема» был предложен Ю.Н. Карауловым для определения предельно минимальной (элементарной) единицы знания. Из совокупности когнем складывается языковое сознание. Когнема по Ю.Н. Караулову структурируется в виде «фигуры знания» – правильной пентаграммы, связывающей в знаково-смысло-когнитивное единство пять параметров: смысл, конкретный способ оформления данного смысла, соответствующий ему знак (слово), указа-

ние предметной области мира, к которой относятся знак и смысл, и функцию данной когнемы – общую оценку ее релевантности/нерелевантности для воссоздания образа мира¹². Когнема по определению Ю.Н. Караулова – это единица концептуального характера.

В.М. Баранов для характеристики единиц знания вводит термин «когнотема». Когнотема по В.М. Баранову – это минимальная единица исходного знания, полученного воспринимающим субъектом за единицу времени. Например, при предъявлении неизвестного предмета наблюдатель может получить несколько когнитивных за соответствующее количество единиц времени. Это когнитивные формы, цвета, размера, качества поверхности, влечения взять или не взять предмет, удаленности и т.д. Каждая когнотема, сохраненная памятью, превращается в мнемокогниту («длящееся знание»). Мнемокогнитивы, нанизанные одна к другой, образуют предметный мнемоконструкт¹³.

Термин «когнотема», который мы встречаем у А.И. Фефилова, представляет собой речемысль, интегральную единицу, формирующуюся при взаимодействии языкового сознания и коммуникемы, она создается из языка как материала и социально и коммуникативно регламентируемой мысли. Когнотема в трактовке А.И. Фефилова представляет собой единство локутемы, коммуникемы, ассоциативной части лингвемы и концептемы¹⁴.

В настоящем исследовании мы предпочли термин «когнема» терминам «когнотема» и «когнотема» не только в силу его краткости и благозвучия, но и потому, что в трактовке Ю.Н. Караулова он наиболее близко отражает вкладываемый нами в этот термин смысл: когнема – это элементарная единица знания, содержащегося в тексте. Однако Ю.Н. Караулов включает в когнему как «фигуру знания» пять компонентов, в том числе и знак (слово), то есть языковую единицу, выражающую данное знание (смысл). Таким образом, в трактовке Ю.Н. Караулова когнема, строго говоря, не является только концептуальной единицей, а предстает, по меньшей мере, двусторонней сущностью, в то время как в нашей трактовке когнема – элементарная единица знания.

Когнема в настоящей работе представлена единицами когнитивной базы (декларативного знания) и когнитивной структуры (процедурного знания). К когнемам декларативного типа относятся концепты. Процедурное знание, помимо пространственно-временных и причинно-следственных связей, включает и другие виды знания, например, генерализацию, детализацию, ассоциацию, пресуппозицию и т.д. Простые когнемы декларативного и процедурного типов постоянно взаимодействуют, образуя сложные когнемы, например, предметные онтологии и тематические области, пропозиции, схемы отношений и т.д.

В качестве единицы языкового сектора выступает лингвема. Лингвема трактуется нами как

элементарная языковая единица, содержащаяся в тексте. Это может быть и морфема, и слово, и предложение, и другая синтаксическая конструкция, и суперфразовое единство, и денотат, и тема, в общем, любая семантическая, лексическая, грамматическая единица языка, входящая в состав текста.

В эволюционной модели языковых изменений Б. Крофта¹⁵ и эволюционной модели языка Е. Масловой¹⁶ под лингвемой понимаются те объекты, из которых, с одной стороны, строятся высказывания, и которые, с другой стороны, в какой-то форме входят в ментальные грамматики, то есть лингвемы – это языковые единицы различных типов. Такое понимание лингвемы согласуется с нашей трактовкой этой единицы как базовой языковой единицы, репрезентирующей не только поверхностный, но и глубинный и промежуточный (грамматический) уровни языковой системы.

В настоящей работе лингвема представлена единицами глубинной (смысловой) базы и структуры текста, единицами промежуточной (грамматической) структуры и языковыми единицами поверхностного уровня текста (морфемы, слова, словосочетания, предложения и т.д.) Единицами смысловой базы являются денотаты декларативного знания, организованные с помощью смысловой структуры, или макроструктуры, отражающей процедурное знание, в темы (с помощью операций обобщения и группировки) и далее в события и ситуации (на основании пространственно-временных, причинно-следственных и других типов отношений). Денотаты репрезентируются лингвистическими средствами в виде словаря и тезауруса автора. Макроструктура выражается, главным образом, с помощью лексических и грамматических средств (союзы, категории глагола, типы сложноподчиненных предложений и т.д.).

Помимо смысловой структуры (глобальной семантической структуры текста) в структурировании смысла текста принимает участие и грамматическая структура в виде набора логико-ориентированных, аналоговых, структурных и актуальных категорий¹⁷. Эти категории выражают отношения денотативных единиц текста с единицами его когнитивного, культурального и социального секторов в опосредованном языковой системой виде. Именно грамматическая структура текста преобразует единицы смыслового уровня языкового сектора, а также единицы когнитивного, культурального и социального секторов с помощью языковых грамматических категорий в соответствующие языковые средства на поверхностном уровне. Это подчеркивает важный статус грамматической структуры как механизма трансформирующего различные рассредоточенные глубинные смыслы текста в целостный образ, готовый для выражения материальными языковыми средствами.

Единицей культурального сектора научного текста является **культурема**. Кultureма рассматривается нами как элементарная единица культуры, как культурные ценности и способы их отражения, выраженные в культурно-специфическом образе мышления, представленном в тексте в виде национально-специфической модели его смысловой структуры.

По мнению А. Моля, «культуремы» являются единицами культурологического исследования. Кultureмы – это элементарные частицы культуры, «атомы мысли», выделяемые в текстах, а саму культуру можно измерять объемом набора культурем, имеющих в распоряжении «организма», умноженном на значимость ассоциаций, установленных организмом между этими культуремами. Культура по А.Молю – это не только эрудиция, но и способность так подавать культуремы, чтобы вызывалось возможно большее количество ассоциаций¹⁸. Другими словами, культура по А.Молю – это совокупность энциклопедического (набор культурем) и процедурного (объем ассоциаций) знаний. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что данная трактовка культуры, на наш взгляд, является весьма односторонней, так как ставит знак равенства между культурой и знанием.

В трактовке немецкой ученой Э. Оксаар «культурема» понимается как способ отражения культурно-специфических образов мышления (Denkmuster) и образов поведения (Verhaltenmuster)¹⁹ (ср. Р. Каплан). В предложенной Э. Оксаар трактовке реализация культурем как абстрактных единиц более высокого уровня осуществляется с помощью «бихевиорем». Очевидно, что данный подход сужает культуру до «поведения», оставляя в стороне знания, веру, искусство и многое другое. С нашей точки зрения, культурема как элементарная единица культурального сектора представляет собой как культурные ценности, так и способы их отражения, выраженные в культурно обусловленном типе мышления, представленном в тексте в виде национально-специфической модели смысловой структуры текста, которая реализуется с помощью когнем, лингвем и социалем.

В настоящей работе культурема представлена следующими типами: единицами культурной базы (культурными ценностями, выраженными в виде отношения к природе, пространству, времени и т.д., образующими культурную модель, в рамках которой осуществляется коммуникация) и единицами культурной структуры в виде культурно обусловленного типа мышления. Текст как предметно-знаковая модель коммуникативных действий автора и адресата включает в опосредованном языковой системой виде культурно обусловленный тип мышления, актуализованный как национально-специфическая модель смысловой струк-

туры текста, которая выражается с помощью соответствующей суперструктуры, лексических и грамматических средств.

Единицей социального сектора является **социалема**. Термин «социалема» принадлежит Ю.Д. Дешериеву и обозначает в его трактовке коллектив активных носителей языка²⁰.

По мнению В.К. Журавлева, «социалема» как социальный субстрат языка, коллектив активных носителей языка, языковой коллектив, в рамках которого осуществляется речевое взаимодействие на данном языке, определенное сообщество людей, общающихся на одном и том же языке, сосредоточивает в себе собственно языковое и социальное. В.К. Журавлев разграничивает понятия «социум (коллектив, общество)» и «социалема (языковой, речевой коллектив)» и подчеркивает, что социалема, степень интенсивности речевого взаимодействия между ее членами, количественные и качественные изменения ее контингента, детерминируются внешними, прежде всего социальными, условиями. Социалема у В.К. Журавлева – такая двусторонняя единица языковой эволюции, в которой перекрещиваются линии развития общества и языка²¹. В отличие от социалемы В.К. Журавлева, социалема Ю.Д. Дешериева представляет собой сугубо социальную сущность.

В настоящей работе мы трактуем социалему как единицу социального сектора, имея в виду, что единицы всех секторов тесно связаны и не существуют друг без друга. Социалема включает единицы социальной базы, такие как научное сообщество, уровень развития науки, приоритетные направления развития науки и т.д. и единицы социальной структуры, такие как типичные социальные структуры специальной коммуникации, которые представлены в коммуникативной деятельности автора и адресата, отражают этапы внеязыковой научной деятельности (наблюдение – эмпирические факты – гипотеза – теория – верификация) и находят выражение в таких социолингвистических категориях, как язык для специальных целей, функциональный стиль и жанр. Последние тесно связаны с единицами когнитивного, языкового и культурального секторов.

Когнема, лингвема, культурема и социалема как единицы различных секторов текста взаимосвязаны и не существуют одна без другой, они характеризуют взаимопроникновение секторов текста, совокупное единство которых и представляет собой рассредоточенный образ текста.

Этот образ находит свое материальное воплощение в тексте как предметно-знаковой модели коммуникативных действий участников коммуникации, а именно в поверхностных лингвистических средствах выражения: единицах фонетического, морфологического, лексического, синтаксического языковых уровней, которые мы также относим к лингвемам. В этом смысле язы-

ковой сектор заслуживает особого внимания как сектор, который преобразует когнитивную, культуральную и социальную составляющие текста в глубинные языковые смыслы, а затем в предметно-знаковую модель, которая и предъявляется адресату.

Интегральная единица языка. По мнению современных ученых-лингвистов, развитие языкознания настоятельно требует синтеза внутреннего и внешнего в такой лингвистической концепции, в которой не фонема, морфема, слово или синтаксическая концепция, не даже целый блок или ярус языка, не язык художественного произведения или стиль писателя, а нечто совсем другое, сосредоточивающее в себе, как в клеточке, внутреннее и внешнее, сможет выступать в качестве элементарной единицы языковой эволюции²².

Очевидно, что такая единица должна быть интегральной, многосторонней и связывать в единство целый ряд взаимозависимых характеристик.

Краткий обзор литературы по данному вопросу показывает, что ученые весьма плодотворно работают в указанном направлении, выделяя двусторонние единицы языковой эволюции, такие как социалемы (см. выше трактовку В.К. Журавлева), социалингвемы, лингвокультурема.

Термин «социалингвема» принадлежит Ю.Д. Дешериеву и представляет собой двухмерную единицу особого типа, объединяющую в себе лингвистическую (лингвема) и социальную (социалема) природу²³.

В современных междисциплинарных исследованиях взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры также появляются новые единицы описания. Так, В.В. Воробьев вводит в научный обиход термин «лингвокультурема». Лингвокультурема представляет собой комплексную межуровневую единицу, «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного) или предметного содержания», которая помимо языкового значения включает в себя и внеязыковой культурный смысл знака²⁴. По мнению автора, лингвистический анализ лингвокультурема должен неизбежно дополняться когнитивным, при этом лингвокультурема рассматривается как особый микрофрейм-блок знаний о культуре.

Применив интегральный подход к единицам четырех секторов нашей интегральной модели, мы выявили шесть возможных типов двусторонних отношений, четыре возможных типа трехсторонних отношений и один тип четырехсторонних отношений между их единицами, которые в результате взаимодействия приводят к возникновению следующих единиц для исследования указанных отношений:

Двусторонние единицы

1. Лингвокогнема (ср. когнема, или «фигура знания») Ю.Н. Караулова; когитема А.И. Фефилова).

2. Социалингвема (Ю.Д. Дешериев; ср. социалема В.К. Журавлева).

3. Лингвокультурема (В.В. Воробьев).

4. Социокультурема.

5. Когниокльтурема (ср. культурема А. Моля и Э. Оксаар).

6. Социокогнема.

Трехсторонние единицы

1. Социалингвокультурема.

2. Когниалингвокультурема (ср. лингвокультурема В.В. Воробьева).

3. Когниосоциокультурема.

4. Когниосоциалингвема.

Четырехсторонняя единица

1. Когниалингвосоциокультурема.

Как показывает анализ научной литературы, ученые давно интересуются взаимоотношениями между различными единицами и аспектами текста. Наиболее изученными являются двусторонние отношения и единицы, наименее – трехсторонние, при этом практически все исследованные типы единиц имеют в своем составе лингвемы как единицы выражения различных языковых, когнитивных, культурных или социальных смыслов. Четырехсторонние отношения до сих пор не становились предметом лингвистического анализа.

В настоящей работе мы сделали попытку рассмотреть «когниалингвосоциокультурема», иными словами, текстеме, представляющую собой интегральную единицу языка, и обозначили взаимозависимость между составляющими ее единицами. **Текстема** представляет собой четырехстороннюю многомерную единицу языка, которую можно представить в виде следующей модели (табл. 2).

Выводы. На основании результатов исследования, проведенного в рамках интегрального подхода, мы имеем основания утверждать, что текстема может претендовать на роль элементарной единицы языковой эволюции как интегральное образование, сосредоточивающее в себе индивидуальное и коллективное, внутреннее и внешнее, как рассредоточенный динамический образ текста, в котором единицы всех секторов: когнемы, лингвемы, культуурема и социалемы находятся в постоянном взаимодействии и корреляции друг с другом.

Стремительное развитие современного общества, научно-технический прогресс и растущие потребности межкультурной научной коммуникации с неизбежностью требуют дальнейшего развития исследований научного текста в русле интегрального подхода. Широкие возможности для этого открываются, в частности, в связи с развитием контрастивной лингвистики, теории языковой вариативности, компьютерной лингвистики, когнитивистики, социалингвистики и лингвокультурологии.

Текстема – интегральная единица языка

<i>Когнема</i>	<i>Лингвема</i>
<p>Виды когнем</p> <p><i>Единицы когнитивной базы</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Концепт, предметная онтология, тематическая область и т.д. (декларативное знание) <p><i>Единицы когнитивной структуры</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Ментальные связи и отношения: пространственно-временные, причинно-следственные, ассоциация, генерализация, пресуппозиция и т.д. (процедурное знание) 	<p>Виды лингвем</p> <p><i>Единицы глубинной (смысловой) базы</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Денотат, предметная область, тема, событие, ситуация <p><i>Единицы глубинной (смысловой) структуры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Фрейм, сценарий, микро- и макроструктура <p><i>Единицы промежуточной (грамматической) структуры</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Логико-ориентированные, аналоговые, структурные и актуальные категории <p><i>Единицы поверхностной базы</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Языковые единицы (лексические: словарь, тезаурус, подязык; грамматические; текстовые) <p><i>Единицы поверхностной структуры</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Правила соединения языковых единиц: структурные (синтаксис, грамматика текста), семантические (валентность), функциональные (стилистика) и т.д.
<i>Культурема</i>	<i>Социалема</i>
<p>Виды культурем</p> <p><i>Единицы культурной базы</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Культурные ценности (отношение к пространству, времени, власти, собственности и т.д.) <p><i>Единицы культурной структуры</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Культурно обусловленный тип мышления 	<p>Виды социалем</p> <p><i>Единицы социальной базы</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Социальные концепты (участники научной коммуникации, уровень и приоритетные направления развития науки и т.д.) <p><i>Единицы социальной структуры</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Типичные социальные структуры научной коммуникации (жанр, стиль)

¹ Уилбер К. Введение в интегральную теорию и практику: основы ИОС и «всесекторной, всеуровневой» карты. URL. <http://www.integralnaked.org>

² Там же.

³ Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во РГУ, 1995. С. 144–238.

⁴ Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 237

⁵ Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 3.

⁶ Дроздова Т.В. Научный текст и проблемы его понимания (на материале англоязычных научных экономических текстов): дис. ... д-ра филол. наук / Т.В.Дроздова. М., 2003. С. 13.

⁷ Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. С. 147

⁸ Хомутова Т.Н. Жанр как объект лингвистического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2004. Вып.1. № 7 (36). С. 26–29.

⁹ Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 11(71). С. 96–106.

¹⁰ Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб. Изд-во «Союз», 2001. С. 34.

¹¹ Kaplan R.B. Cultural thought patterns in inter-cultural education // Language learning. 1966. Vol. 16. P 1–20.

¹² Караулов Ю.Н. Единицы языка и единицы знания // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы научно-практического семинара. Ч. 2.

М., 2003. Цит. по: Караулов Ю.Н. Языковая личность и четырехмерное пространство языкового сознания // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Юбилею Удмуртского государственного университета и 75-летию профессора Левицкого Юрия Анатольевича посвящается / Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. С. 150.

¹³ Баранов В.М. Виды знания, слово и информационная теория. <http://libconfs.narod.ru/2004/s1/s1p.2.htm>

¹⁴ Фефилов А.И. Философские проблемы лингвистики: учебное пособие. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2005. С. 165; Методологическая база лингвокогнитологии. URL. <http://www.ulsu.ru/conference/2006/imo/documents/33.doc>

¹⁵ Croft W Explaining language change. An evolutionary approach. Longman Linguistics Library, 2000.

¹⁶ Маслова Е. Эволюционная стабильность грамматических стратегий организации дискурса. URL. www.stanford.edu/~emaslova/Publications/EvolStability.pdf

¹⁷ Хомутова Т.Н. Теория языковой вариативности и грамматика текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2004. Вып. 1. № 7 (36). С. 30–33.

¹⁸ Моль А. Социодинамика культуры. М., Прогресс, 1973. С. 408.

¹⁹ Oksaar E. Problematik im interkulturellen Verstehen // Müller B.-D. (Hrsg.) Psychologie des interkulturellen Wirtschaftskommunikation. München: Judicium, 1991. S. 17

²⁰ Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., Наука, 1988. С. 382.

²¹ Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., URSS, 2004. Изд. 2. С. 336.

²² Там же. С. 336.

²³ Дешериев Ю.Д. Цит. соч.

²⁴ Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., Изд-во РУДН, 1997. С. 44–45.

Поступила в редакцию 19 октября 2009 г.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

ББК Ш141.2-2+Ш103.2

ПРОЕКТНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Л.К. Гейхман, Л.А. Теплоухова

PROJECT AND COMMUNICATION COMPETENCES AS INTEGRAL OUTCOMES OF THE PROJECT FLT APPROACH

L.K. Geykhman, L.A. Teploukhova

Рассматриваются условия, содержание и результаты использования метода проектов при обучении иностранным языкам. Авторы анализируют сущность используемого метода, его комплексный характер, перспективы решения образовательных задач. Авторы предлагают рассматривать интегральные результаты проектного обучения в виде триады «проект – коммуникативная компетентность – проектная компетентность» и обосновывают этот вывод анализом проведенного исследования.

Ключевые слова: проект, метод проектов, компетентность, иностранные языки, обучение, образование, личностно-ориентированный подход, педагогическая технология.

The article reveals the conditions, content and outcomes of implementing the project approach into foreign language teaching. The authors analyse the essence of the methodology used, its complexity and educational perspective. «The project – communicative competence – project competence» are considered and proved as integral outcomes of the project FLT approach.

Keywords: project, project approach (methodology), competence, foreign languages, teaching, education, personal-oriented approach, pedagogical technology.

Переосмысление традиционных подходов к образованию стало центральной идеей коренной перестройки современной школы и многочисленных реформаторских программ и концепций в сфере образования последних десятилетий, взявших ориентир на личностно-ориентированный и системно-деятельностный подходы.

Ориентация на личность учащегося определяет и современную концепцию языкового образования, основными тенденциями которого являются:

- личностно-ориентированный подход к обучению иностранным языкам;
- построение процесса обучения иностранным языкам на деятельностной основе, направ-

ленной на формирование коммуникативной компетентности;

- необходимость приобщения к образу сознания другого народа через диалог культур.

Говоря о коммуникативной компетентности в области иностранного языка¹, мы имеем в виду способность и готовность учащихся использовать иностранный язык в разнообразных ситуациях общения в соответствии с нормами данного языка, при работе с иноязычной информацией в совокупности знаний социолингвистического и социокультурного планов.

Кроме того, направленность процесса обучения на практическое овладение иностранным язы-

Гейхман Любовь Кимовна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной лингвистики и информационных технологий образования ГОУ ВПО ПГТУ (Пермь). E-mail: glk@pstu.ru

Теплоухова Лариса Александровна, преподаватель иностранного языка, МОУ Гимназия № 6, аспирантка кафедры прикладной лингвистики и информационных технологий образования ГОУ ВПО ПГТУ (Пермь). E-mail: teplouhoff.-dn@list.ru

Lyubov K Geykhman, DrSc (education), professor Perm state technical university, head of the department of applied linguistics and information technologies in education. E-mail: glk@pstu.ru

Larisa A. Teploukhova, FL instructor, Gymnasia No 6, Perm state technical university, post graduate of the department of applied linguistics and information technologies in education. Scientific Supervisor – Professor Geykhman Lyubov Kimovna, DrSc (education). E-mail: teplouhoff.-dn@list.ru

ком ставит своей целью не только подготовить учащегося к иноязычной коммуникации в заданных программой пределах, но и способствовать формированию и развитию личности, готовой принимать нестандартные решения, чтобы приобретаемые учеником знания стали инструментом раскрытия его интеллектуального, духовного и творческого потенциала, а не самоцелью обучения.

Наиболее актуальной педагогической технологией, обеспечивающей решение поставленных перед образованием задач, является метод проектов. На современном этапе развития методики отечественными исследователями показаны возможности и преимущества использования потенциала метода проектов в обучении иностранным языкам (Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, В.В. Копылова и др.).

Метод проектов предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий учащихся с обязательной презентацией этих результатов. Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии², то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути.

Теоретические основы проектного обучения исследовались в работах С.В. Абрамовой, В.В. Гузеева, Е.С. Заир-Бек, Г.Л. Ильина, И.И. Ильцова, Е.И. Казаковой, В.М. Монахова, В.Н. Степанова, Е.В. Титовой, Ю.Н. Турчаниновой, Ю.Л. Хотунцева, А.В. Хуторского, Н.Г. Чаниловой, Г.П. Щедровицкого, Н.И. Юртаева.

Отечественные исследователи В.В. Гузеев, М.В. Кларин, Д.Г. Левитес, Е.С. Полат, И.Д. Чечель рассматривают проектное обучение как целостную технологию обучения, способствующую овладению учащимися методологическими знаниями, умениями и навыками самообразования; как средство развития способностей учащихся, исследовательских умений, социальных навыков и т.д.

Анализ специфики использования метода проектов на занятиях по иностранному языку показал, что его применение в современных условиях строится на основе системного, личностно-деятельностного, творчески-ориентированного подходов, обеспечивающих построение и функционирование целостного процесса формирования личности учащегося (О.А. Артемьева, И.Л. Бим, И.А. Зимняя, Г.А. Китайгородская, А.А. Леонтьев, Р.П. Мильруд, А.А. Миролюбов, Е.И. Пассов, Е.С. Полат, Г.В. Рогова и др.).

Метод проектов в силу своей дидактической сущности позволяет создавать такие ситуации, в основе которых был бы обмен мыслями, а язык стал бы средством формирования и формулирования этих мыслей. В нем заложена идея о направленности учебно-познавательной деятельности на результат, который достигается благодаря решению той или иной практически или теоретически значимой для учащегося проблемы.

Анализ основных методологических и теоретических подходов к исследованию возможных

способов применения метода проектов как эффективного средства формирования коммуникативной компетентности показал, что метод проектов в процессе изучения иностранного языка позволяет интегрировать различные виды иноязычного речевого общения для решения определенных информационных, исследовательских проблемных задач. Проектная деятельность ставит учащегося в ситуацию реального использования изучаемого языка, дает возможность переместить акцент с лингвистического компонента на содержательный и сосредоточить их внимание не на языке, а на проблеме, способствуя осознанию целей и возможностей изучения иностранного языка, включая процесс освоения иностранным языком в продуктивную творческую деятельность. Учебный процесс при этом строится не с точки зрения приоритетов учебного материала, а с точки зрения развития личности ученика, исходя из ее интересов, способностей, возможностей.

Метод проектов предполагает по сути своей использование широкого спектра проблемных, исследовательских, поисковых методов, ориентированных четко на реальный практический результат, значимый для ученика, с одной стороны, а с другой, – разработку проблемы целостно, учитывая различные факторы и условия ее решения и реализации результатов.

Проектная деятельность, выходящая за рамки класса и школы в другие образовательные пространства, даст учащимся возможность самоопределиваться в обществе через освоение опыта собственной деятельности и общения в различных сообществах, даст им способность реализовать свои замыслы в условиях многофакторного информационного и коммуникационного пространства. Именно поэтому проектная деятельность понимается многими учёными и методистами как целостное обучение, осуществляемое на учебном и внеучебном материале, охватывающее весь спектр жизнедеятельности учеников и соответствующее новому требованию перехода школы от монодеятельностного к полидеятельностному принципу организации деятельности ребёнка, охватывающей различные сферы жизни.

По Т.И. Шамовой суть проектного обучения состоит в том, что ученик в процессе работы над учебным проектом постигает реальные процессы, объекты³. Оно предполагает проживание учеником конкретных ситуаций, приобщение его к проникновению вглубь явлений, процессов и конструированию новых объектов. Ею же сформулированы основные теоретические позиции проектного обучения:

– образовательный процесс строится не в логике учебного предмета, а в логике деятельности, имеющей личностный смысл для ученика, что повышает его мотивацию в учении;

– комплексный подход к разработке учебных проектов способствует сбалансированному развитию основных физиологических и психических функций ученика;

– глубокое, осознанное освоение базовых зна-

ний обеспечивается за счет универсального их использования в разных ситуациях;

– гуманистический смысл проектного обучения состоит в развитии творческого потенциала учащихся.

Г.К. Селевко считает, что проектное обучение ориентировано на творческую самореализацию развивающейся личности учащегося, развитие его интеллектуальных и физических возможностей, волевых качеств и творческих способностей в процессе деятельности по решению какой-либо интересующей его проблемы. Г.К. Селевко⁴ определяет проектное обучение как метатехнологию, использующую в своей основе исследовательские и деятельностные подходы, направленные на самостоятельное приобретение знаний, развитие способностей применять эти знания к жизненным ситуациям, на развитие важнейших компетенций для современной жизни.

Выделены следующие методологические принципы проектного обучения:

- концептуальность, т.е. опора на стройную систему философских и психолого-педагогических взглядов и обоснований (гуманистическая педагогика, педагогика свободного воспитания, педагогика сотрудничества, педоцентристские и неопрагматические философские воззрения);

- системность, т.е. представляет собой целостную последовательность дидактических приемов и операций, обусловленных стройной логической схемой;

- воспроизводимость, т.е. применение на любых этапах обучения, в работе с обучающимися разных возрастных категорий и при изучении материала различной степени сложности;

- универсальность, т.е. адаптация к особенностям всех без исключения учебных дисциплин.

Организация образовательного процесса в рамках проектной деятельности требует соблюдения и реализации ряда принципов, выделяемых в современной теории образования, в частности таких, как

1) принцип естественности, т.е. проблема, которую выбирают учащиеся, должна быть не надуманной, а реальной, интерес должен быть не искусственным, а настоящим и т.д.;

2) принцип осознанности учащимися и самих проблем, и целей, и задач, которые они ставят перед собой, предвидение ими хода исследования и его результатов;

3) принцип самостоятельности, так как учащийся может овладеть ходом исследования в проекте только через проживание его, т.е. через собственный опыт;

4) принцип наглядности, который может реализоваться лучше всего, когда ребенок в ходе проектной деятельности исследует проблему не столько по книгам, сколько в реальных условиях жизни;

5) принцип культуросообразности, когда важно учитывать те традиции миропонимания, которые существуют в разных культурах, и те традиции взаимодействия, которые существуют в

данной социальной общности (в языковой педагогике этот принцип – так же как и метод обучения – терминологически обозначается понятием «диалог культур»).

Суть «метода проектов» в образовании состоит в такой организации образовательного процесса, при которой обучающиеся приобретают знания и умения, опыт творческой деятельности, эмоционально-ценностного отношения к действительности в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий – проектов, имеющих не только познавательную, но и прагматичную ценность.

Учебный проект – это такой способ обучения, при котором учащийся убеждается сегодня в том, что образование – сила, способная преобразовать его жизнь и жизнь окружающих к лучшему

Проектное обучение активизирует истинное учение, потому что

- лично ориентировано;
- использует множество дидактических подходов;
- самомотивируемо, что означает возрастание интереса и вовлеченности в работу по мере ее выполнения;
- поддерживает педагогические цели на всех уровнях;
- позволяет учиться на собственном опыте и опыте других не начетнически, а в конкретном деле;
- приносит удовлетворение учащимся, видящим продукт своего собственного труда.

Проектное обучение создает положительную мотивацию для самообразования. Это, пожалуй, его самая сильная сторона. Поиск нужных материалов, комплекующих требует систематической работы со справочной литературой. Выполняя проект, как показывают наши наблюдения, более 70 % учащихся обращаются к учебникам и другой учебно-методической литературе. Таким образом, включение проектной деятельности в учебный процесс способствует повышению уровня компетентности учащегося в области решения проблем и коммуникации. Этот вид работы хорошо вписывается в учебный процесс, осуществляемый в виде практикума, эффективен при соблюдении всех этапов проектной деятельности, обязательно включающих презентацию.

Большинство исследователей, занимающихся вопросами введения проектного обучения в школьную систему образования, разделяют результаты выполнения проекта (анализ продукта) и «педагогические эффекты от включения учащегося в добывание знаний», способности и умения, формирующиеся во время работы в проекте. Однако большее внимание уделяется оценке результатов выполнения проектной работы, оценке качества продукта.

Первый результат – это собственно та видимая часть айсберга, которая и является выполненным проектом. Причем оценивается не объем освоенной информации (что изучено), а применение этого массива в деятельности (как и что применено) для достижения поставленной цели.

Второй (скрытый) – это педагогический эффект от включения учащихся в «добывание знаний» и их логическое применение. Если цели проекта достигнуты, то можно сказать, что получили качественно новый результат, который выражается в развитии познавательных способностей школьника, его самостоятельности в учебно-познавательной деятельности.

Этот результат может фиксироваться через систему диагностик, включающих оценку:

- развития коммуникативных навыков учащихся (проведение психологической диагностики),
- уровня сформированности навыков работы с новыми информационными технологиями (тестирование по информационным технологиям по проверке навыков составления презентации),
- практического использования полученных знаний и формирования устойчивых межпредметных связей (проведение лабораторного эксперимента).

Проведенное исследование применения метода проектов в обучении иностранным языкам показало его дополнительную интегральную педагогическую эффективность в виде таких результатов, как коммуникативная компетентность и проектная компетентность учащихся.

И если в отношении коммуникативной компетентности такой результат свидетельствует о достижении поставленных целей обучения иностранным языкам, то компетентность в проектной деятельности не столь очевидна, но не менее важна в контексте задач современного образования.

Вполне очевидно, что метод проектов, будучи комплексным методом, предполагающим по своей сути использование широкого спектра проблемных, исследовательских, поисковых методов, обучение в сотрудничестве, способен решить целый комплекс задач, связанных с оптимизацией учебного процесса по иностранному языку при условии соблюдения основных требований, предъявляемых к его использованию.

Проектирование как процесс представляет собой закономерное, качественное изменение (развитие) состояния как проектируемых объектов (процессов, систем), так и самих субъектов проектирования.

Традиционное обучение является предметным, оно формирует «лоскутное» мировоззрение, поскольку совокупность монопредметных знаний не позволяет формировать системное мышление и системное видение мира. Проблема межпредметных связей все еще далека от своего решения и вряд ли будет решена в рамках традиционного обучения в связи с тем, что педагог до сих пор остается «монопредметным». Содержание образовательных программ усложняется, при этом дефицит времени не позволяет серьезно включать межпредметные связи, а мотивация учения при доминирующем монологическом обучении крайне низка.

Образованность как совокупность преподаваемых и усвоенных предметных знаний, ценностей, ограниченный опыт коллективных отношений и творческой внутрипредметной деятельности

уже не соответствуют реалиям не то что завтрашнего, но и сегодняшнего времени.

Развитие начинается там, где личность сталкивается с проблемой, противоречием и необходимостью их разрешения. Проектирование полипроблемно. Оно требует самоопределения проектировщиков в ценностях проектирования, реализации логики проектирования в совместной деятельности.

Оно требует и умения отстаивать собственное мнение, и высказывать суждения и умозаключения, и учитывать и принимать мнения других, подчиняя личные амбиции коллективным интересам, постоянно рефлексировать над своими индивидуальными результатами и результатами коллективного труда.

Поскольку под образованностью понимается индивидуально-личностный результат образования, качество личности, которое заключается в способности самостоятельно решать проблемы в различных областях деятельности, опираясь на освоенный социальный опыт, постольку формирование проектной компетентности обеспечивает эту образованность, высвечивая ее новые грани.

Проблемы с содержанием проектных компетентностей, способами их формирования, проявления и анализа возникают в тех образовательных практиках, которые уходят от знаниевой, традиционной системы обучения: развивающее обучение, педагогика совместной деятельности, педагогика самоопределения и другие. В таких системах остро встают вопросы: что такое компетентность, чем она отличается от знаний, умений, навыков? Попытки определения компетентности уже существуют. Так, в рамках развивающего обучения компетентность определяется как «мера включенности человека в деятельность». Понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную, поведенческую. Следовательно, она всегда личностно окрашена качествами конкретного человека, проявляется как личностно-осознаваемая, вошедшая в субъективный опыт.

Тенденции мирового социально-экономического и политического развития указывают на необходимость формирования метапредметных (ключевых) компетенций. Под ключевыми компетенциями сегодня понимаются наиболее общие (универсальные) способы действия, позволяющие человеку достигать результатов в личном и профессиональном становлении и развитии.

Есть все основания рассматривать проектную компетентность как одну из ключевых компетентностей.

Как уже говорилось, в основе проекта лежит какая-то проблема. Чтобы ее решить, учащимся требуется не только знание языка, но и владение большим объемом разнообразных предметных знаний, необходимых и достаточных для решения данной проблемы. Кроме того, учащиеся должны владеть определенными интеллектуальными, творческими, коммуникативными умениями. К

первым можно отнести умение работать с информацией, с текстом (выделять главную мысль, вести поиск нужной информации в иноязычном тексте), анализировать информацию, делать обобщения, выводы, уметь работать с разнообразным справочным материалом. Формирование многих из указанных умений является целью обучения различным видам деятельности. К творческим умениям психологи относят, прежде всего, умение генерировать идеи, для чего требуются знания в разных областях, умение находить не одно, а много вариантов решения проблемы, умение прогнозировать последствия того или иного решения. К коммуникативным умениям стоит отнести, прежде всего, умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения, подкрепленную аргументами, умение находить компромисс с собеседником, умение лаконично излагать свою мысль.

Можно составить список умений и навыков, которые формируются в проектной деятельности и составляют технологическую основу проектной компетентности.

Рефлексивные умения

- Умение осмысливать задачу, для решения которой недостаточно знаний.
- Умение отвечать на вопрос: чему нужно научиться для решения поставленной задачи?

Поисковые (исследовательские) умения

- Умение самостоятельно генерировать идеи, т.е. изобретать способ действия, привлекая знания из различных областей.
- Умение самостоятельно находить недостающую информацию в информационном поле.
- Умение запрашивать необходимую информацию у эксперта (учителя, консультанта, специалиста).
- Умение находить несколько вариантов решения проблемы.
- Умение выдвигать гипотезы.
- Умение устанавливать причинно-следственные связи.

Умения и навыки работы в сотрудничестве

- Навыки коллективного планирования.
- Умение взаимодействовать с любым партнером.
- Навыки взаимопомощи в группе в решении общих задач.
- Навыки делового партнерского общения.
- Умение находить и исправлять ошибки в работе других участников группы.

Менеджерские умения и навыки

- Умение проектировать процесс (изделие).
- Умение планировать деятельность, время, ресурсы.
- Умение принимать решения и прогнозировать их последствия.
- Навыки анализа собственной деятельности (ее хода и промежуточных результатов).

Коммуникативные умения

- Умение инициировать учебное взаимодей-

ствие со взрослыми – вступать в диалог, задавать вопросы и т.д.

- Умение вести дискуссию.
- Умение отстаивать свою точку зрения.
- Умение находить компромисс.
- Навыки интервьюирования, устного опроса и т.д.

Презентационные умения и навыки

- Навыки монологической речи.
- Умение уверенно держать себя во время выступления.
- Артистические умения.
- Умение использовать различные средства наглядности при выступлении.
- Умение отвечать на незапланированные вопросы.

При правильной организации работы и своевременной обученности учащихся основам проектной деятельности, а также создании системы такой работы в рамках учебной программы это позволяет школьникам не только овладеть знаниями в различных областях науки, но и научиться эффективно использовать полученные знания, развивать самостоятельность и коммуникативные умения.

Исследованы вопросы организации и проведения проектной деятельности учащихся основной школы при обучении иностранным языкам в общеобразовательной школе для формирования коммуникативной иноязычной компетентности. Определена специфика организации проектной деятельности учащихся на уроках иностранного языка и во внеурочное время. Разработана система заданий для подготовки к проектной деятельности и для ее проведения. Показана реальная возможность реализации межпредметных связей в преподавании иностранных языков. Дано теоретическое и экспериментальное обоснование эффективности метода проектов в формировании коммуникативной компетентности учащихся на среднем этапе обучения иностранным языкам.

Значимость проведенного исследования состоит в том, что внедрены в образовательный процесс обучения иностранным языкам система проектной деятельности и программа ее реализации; апробирован критериально-диагностический инструментарий по определению уровней проектной компетентности; разработаны методические рекомендации по организации различных видов проектной деятельности.

¹ Гейхман Л.К. Интерактивное обучение общению (подход и модель). Изд-во Пермского университета, 2002. С. 260.

² Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. С. 256.

³ Шамова Т.И. Управление образовательными системами. М.: Академия, 2006. С. 384.

⁴ Селевко Г.К. Цит. соч.

Поступила в редакцию 2 ноября 2009 г.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 811.112.2

ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КЛЮЧЕВЫХ НЕМЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

С.Е. Баканова

ABOUT THE HISTORY OF THE ORIGIN AND THE FUNCTION OF THE KEY GERMAN LITERARY TERMS

S.E. Bakanova

Исследуется история возникновения и функционирования немецких литературоведческих терминов *Schriftsteller (Verfasser) – Autor, Dichter – Poet*. Подобные пары являются примером терминологической синонимии, источником которой служит употребление в языке национальных терминов наряду с интернациональными.

Ключевые слова: немецкий язык, литературоведческий термин, терминологическая синонимия, национальные и интернациональные термины, пуризм.

The article is devoted to the investigation of the history of the origin and the function of the german literary terms *Schriftsteller (Verfasser) – Autor, Dichter – Poet*. Such pairs are the example of the terminological synonymy, the origin of which is the use of the national terms together with the international ones in the language.

Keywords: German, literary term, terminological synonymy, national and international terms, puris.

В рамках исследования немецкой литературоведческой терминологии особый интерес представляет процесс возникновения и функционирования ключевых национальных и интернациональных терминов. В данной статье анализируются синонимические пары: *Schriftsteller (Verfasser) – Autor, Dichter – Poet*.

Интересно проследить развитие семантики немецкого литературоведческого термина *der Schriftsteller* («писатель»)¹. Это сложнопроизводное слово, образованное от основы существительного *Schrift* («нечто написанное»; «сочинение»), «литературный труд»; «искусство письма») и основы глагола *stellen* («ставить», «составлять»), оформленной суффиксом *-er* со значением деятеля. Слово *Schriftsteller* появилось в немецком языке в XVII веке на базе выражения [*in*] *eine Schrift stellen* для обозначения понятия «составлять (текст), сочинять». С тех пор оно получило широкое распространение, нередко употребляясь в качестве синонима заимствованных слов *Autor* («автор») и *Skribent* («писарь, переписчик» – совр. значение «писака, борзописец»).

Тогда же слово *Schriftsteller* стало обозначением профессии.

В этимологическом словаре Ф. Клуге указывается время первого упоминания слова *Schrift(en)steller* в правовых документах в значении «человек, который сочиняет для других правовые прошения и ходатайства»: «Konzipient, der für andere Rechts- und Bittschriften aufsetzt» (Bair. Landrecht, 1616)².

Первоначально термин «писатель» в его современном понимании обозначался следующими словами:

XVI в. – *Buchdichter, Buchschreiber*;

XVII в. – *Schrifiler, Schriftverfasser*;

XVIII в. – *Scribent*.

В словаре Дудена «Литература. Предметный словарь для школы»³ указывается на то, что с момента возникновения и до XX в. под словом *Schriftsteller* понимался «автор сочинений в прозе, не представляющих особой художественной ценности» (*ohne künstlerischen Anspruch*), в противоположность «поэту» (*Dichter, Poet*), автору более ценных поэтических произведений. В XX веке в

Баканова Светлана Евгеньевна, аспирант кафедры английской филологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Володина Майя Никитична. E-mail: svbakanova@tula.net

Svetlana E. Bakanova, postgraduate of the chair of English philology, Tulsy State pedagogical university. Scientific adviser – PhD, professor M.N. Volodina. E-mail: svbakanova@tula.net

немецком языке постепенно закрепляется нейтральное значение рассматриваемого слова: сейчас словом *Schriftsteller* обозначаются создатели (Produzenten) всех видов литературных произведений, кроме «журналистов» (Journalisten), пишущих репортажи на актуальные темы. Профессия «писатель» в настоящее время в большинстве случаев обозначается словосочетанием «freier Schriftsteller» («свободный писатель»).

В словаре Г. фон Вильперта «Предметный словарь по литературе»⁴ дается следующее определение слова *Schriftsteller* («писатель»): «в отличие от поэта, любой автор литературных (большей частью прозаических) произведений, являющихся результатом определенных стилистических и мыслительных способностей данного автора, не претендующего, однако, на особый дар художественного изображения».

Согласно словарю Отто Ф. Бэста «Справочник литературных понятий. Определения и примеры»⁵, *писатель (Schriftsteller)* – это создатель, прежде всего, прозаического литературного произведения (Literaturproduzent), в противоположность поэту (*Dichter*). Сегодня слово *Schriftsteller* включает в себя оба понятия (и *писатель*, и *поэт*), так как по отношению к современным авторам термин *Dichter* едва ли применим без особого подтекста, поскольку имеется в виду тот, кто создает произведения, имеющие высокую художественную ценность, в то время как термином *Schriftsteller* обозначается более нейтральное понятие. В понятие *Dichter* в какой-то степени включено и понятие *Schriftsteller*, однако под термином *Dichter* подразумевается только писатель, обладающий особым поэтическим даром, в отличие от более нейтрального – *Schriftsteller*. Термин *Dichter* – скорее обозначение ранга, в то время как термин *Schriftsteller* указывает на профессию.

Интернациональный термин *der Autor* («автор») восходит к лат. *au(c)tor* (от *augēre* – «увеличивать, умножать; способствовать, содействовать, поощрять»), означавшему первоначально «мecenат, покровитель» (нем. *Förderer, Mehrer*).

Впервые в немецком языке слово *der Autor* в значении «автор книги» появляется в XV веке как термин книгопечатания наряду с такими словами, как «экземпляр», «формат», «издательство» и др. Ф. Клуге указывает на зафиксированное в 1473 г. у Штайнхёвеля (Steinhöwel) выражение: «*der auctor dises büchclins*»⁶ Предложенные в тот же период Цезеном (Zesen) «чисто» немецкие эквиваленты *Schriftverfasser, Urverfasser, Urschreiber* не приживаются⁷.

Этимологический словарь Клуге указывает на появление в 1752 г. слова *Autorschaft* («авторство»).

В современных немецких литературоведческих словарях термин *Autor* («автор») определяется следующим образом:

- в словаре Отто Ф. Бэста это «инициатор какого-либо произведения, особенно литературного» («*Urheber eines Werkes besonders der Literatur*»⁸);

- в словаре Дудена это «создатель литературного или научно-популярного произведения» («*der Verfasser eines literarischen oder wissenschaftlich-sachbezogenen Werkes*»⁹);

- наиболее полное определение данного термина представлено в словаре Г. фон Вильперта¹⁰. Согласно Вильперту, автор – это «создатель, инициатор литературного, публицистического или научного текста, а также текста для средств массовой информации (Medien). В отличие от оценивающих или жанрово-специфических понятий (поэт, писатель; лирик, драматург, романист, рассказчик, эссеист и т.д.), это не обозначение профессии, а нейтральное и прежде всего юридическое обозначение применительно к авторству определенного произведения».

Как указано в словаре Дудена¹¹, в настоящее время доминируют термины *Autor* («автор»), *Schriftsteller* («писатель»), а также *Verfasser* («автор»), *Texter* («текстовик, автор слов песен») или даже *Stückeschreiber* («автор пьес»). Это дает основание считать термин *Dichter* менее употребительным в современном немецком языке.

Термины *Dichter* и *Poet* переводятся на русский язык одинаково – «поэт». Как указывается в словаре Дудена «Литература. Предметный словарь для школы»¹², понятие «поэт» на протяжении истории толковалось по-разному. Античные мифы представляют поэтов как людей со сверхчеловеческими способностями. В греческой мифологии это Орфей, который покори́л своим пением загробный мир; в северной (скандинавской) мифологии это Браги, который научил людей поэтическому искусству. В античности встречается также образ талантливого от бога, певца-пророка, такого как «слепой» Гомер.

В начале средних веков поэты оставались в тени своих произведений, в том числе потому, что речь шла в большинстве случаев о монахах. Монахом был и первый известный по имени поэт, сочинявший на немецком языке, Отфрид фон Вайсенбург (Otfrid von Weissenburg). С XII века среди придворных поэтов (Вольфрам фон Эшенбах, Гартман фон Ауэ, Готфрид Страсбургский, Конрад фон Вюрцбург, Вальтер фон дер Фогельвейде и др.) встречаются поэты не из духовенства, но об их жизни также мало что известно. Лишь в XIV веке впервые появляется поэт, о биографии которого представлена хоть какая-то информация – Освальд фон Волькенштейн (Oswald von Wolkenstein). Поэты средневековья либо жили при дворе, либо состояли на службе города, либо путешествовали из города в город от одного двора к другому. До XVIII в. поэты большей частью имели какую-либо профессию или состояли на службе в качестве придворных поэтов. С Лессинга и Клопштока начинается эпоха поэтов-профессионалов, которые могут жить на доходы от своих сочинений¹³.

Слово *der Dichter* (mhd. *tihitare*)¹⁴ – «поэт» появляется в немецком языке в XII веке. Словарь Дудена «Литература. Предметный словарь для школы»¹⁵ указывает на первое появление формы

tihtære в немецком эпосе XII века: «König Rother», ок. 1150 г.; Herbort von Fritzlar, «Das Liet von Troye», ок. 1210 г. Сами поэты до периода позднего средневековья, как правило, называли себя *tihtære* (наряду с данным словом употреблялись также «*Meister*», «*Singer*», «*Meistersinger*», «*Minnesinger*»). Как указывается в этимологическом словаре Ф. Клуге¹⁶, с 1217 г. наряду с часто употребляемым национальным термином *tichtere* (*Dichter*) используется интернациональный синоним *Poet*.

Термин *Poet* (mhd. *pōēte*) вошел в немецкий язык из лат. *poeta*, который, в свою очередь, был заимствован из греч. *poiētēs* («творческий человек»; «поэт»)¹⁷. Широкое распространение в немецком языке это слово получило в XVII в., почти вытеснив национальное *Dichter*, которое вновь возрождается лишь в XVIII в. К этому времени отношение к заимствованному термину *Poet* в корне меняется, его начинают считать «пошлым» (*verflacht*), в сравнении с национальным термином *Dichter*. Аделунг (Adelung) пишет в 1774 г., что *Dichter* – это «общепринятое обозначение в более подобающем стиле вместо ставшего презренным *Poet*» («die landläufige Bezeichnung in der anständigeren Schreibart für das verächtlich gewordene Poet»¹⁸). В настоящее время слово *Poet* в большинстве случаев имеет насмешливый оттенок, подобно слову *Dichterling* («стихоплет, рифмоплет»), появившемуся в XVII в.

В современном словаре Дудена «Литература. Предметный словарь для школы»¹⁹ *Dichter* («поэт») определяется как «сочинитель художественных произведений» («der Verfasser von Sprachkunstwerken»).

Г. фон Вильперт в своем словаре²⁰ при определении термина *Dichter* сравнивает его с терминами *Schriftsteller* («писатель») и *Sprachkünstler* («художник в области литературы»).

Согласно Вильперту, *Dichter* (*поэт*) – это «создатель (Schöpfer) или сочинитель прозаических и поэтических художественных произведений, который отличается от *писателя* (*Schriftsteller*) интенсивностью языковой формы и переживания, а от *художника в области литературы* (*Sprachkünstler*) – самобытностью (*eigenschöpferische Leistung*)».

В заключение необходимо отметить, что литературоведение, как и любая другая наука, обладает своей терминологией. Характерной чертой литературоведческой терминологии является многозначность ее понятий. Нередко встречается явление терминологической синонимии, источником которой может служить употребление в языке национальных терминов наряду с интернациональными. Такая синонимия часто ощущается как недостаток, поскольку создает трудности в употреблении того или иного термина.

Появление синонимичных пар, состоящих из

национальных и интернациональных терминов, не в последнюю очередь, – результат такого явления, как пуризм. Стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований может быть вызвано разными причинами. С одной стороны, это возможность «сохранения самобытности того или иного языка» и «освобождения от излишних прямых заимствований»²¹. С другой стороны, это попытка пуристов «изгнать из своего языка все иностранное, включая интернационализмы, получившие международное признание и ставшие неотъемлемой частью лексической системы соответствующего языка». Интернациональные термины активно заменялись национальными, хотя нередко многие национальные термины отторгались системой языка, особенно в том случае если интернационализмы прочно укоренились в этой системе.

Рассмотрение этимологии терминов и их функционирования в языке с момента возникновения до наших дней проливает свет на условия их употребления в современном немецком языке, а также на выбор наиболее подходящего термина в соответствующем контексте.

¹ Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache / Duden; 3. Auflage. Band 7 Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich, 2001. S. 739–740.

² Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Fr. Kluge; 20. Auflage. Berlin, 1967. S. 680. (Здесь и далее перевод автора. С.Е.)

³ Schüler-Duden. Die Literatur. Ein Sachlexikon für die Schule / Schüler-Duden; 2. Auflage. Mannheim / Wien / Zürich, 1989. S. 371.

⁴ Wilpert Gero von. Sachwörterbuch der Literatur / Gero von Wilpert. Stuttgart, 2001. S. 738.

⁵ Best Otto F Handbuch literarischer Fachbegriffe. Definitionen und Beispiele / Otto F. Best. Fischer Taschenbuch Verlag, 1990. S. 458.

⁶ Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache... S. 42.

⁷ Слово «Schriftverfasser» закрепляется в немецком языке позже. См. о возникновении слова «Schriftsteller».

⁸ Best Otto F Handbuch literarischer Fachbegriffe... S. 50.

⁹ Schüler-Duden. Die Literatur... S. 49.

¹⁰ Wilpert, Gero von. Sachwörterbuch der Literatur... S. 62.

¹¹ Schüler-Duden. Die Literatur... S. 104.

¹² Там же. S. 104–105.

¹³ Там же.

¹⁴ Duden. Herkunftswörterbuch... S. 145.

¹⁵ Schüler-Duden. Die Literatur... S. 104.

¹⁶ Kluge, Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache... S. 131.

¹⁷ Duden. Herkunftswörterbuch.

¹⁸ Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache... S. 131.

¹⁹ Schüler-Duden. Die Literatur... S. 104.

²⁰ Wilpert, Gero von. Sachwörterbuch der Literatur... S. 168.

²¹ Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации / М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 39.

СЕМАНТИКА УГОЩЕНИЯ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПАРЕМИЯХ О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Т.В. Захарова

SEMANTIC OF RITUAL MEAL IN RUSSIAN AND FRENCH PAREMIAS OF HOSPITALITY

T.V. Zakharova

С помощью русских и французских паремий о гостеприимстве раскрывается суть этих отношений – установление и поддержание социальных связей. В самых разных традициях угощение гостей всегда считалось и считается центральным эпизодом ритуала гостеприимства, поскольку пища в социальном аспекте особенно символична. Обряд угощения гостя является символом приобщения к основным жизненным ценностям встречающих его людей, устанавливает дружбу и доверие между ним и хозяином. Эта ритуализированная ситуация находит свое отражение на паремиологическом уровне русского и французского языков, что подтверждает ее распространенность в рассматриваемых культурах.

Ключевые слова: гостеприимство, ритуал, трапеза.

In this paper, using Russian and French paremiias the hospitality reveals the essence of these relations - establishing and maintaining social ties. In various traditions of hospitality guests have always been considered a central episode in the ritual of hospitality, because the food in the social aspect is particularly symbolic. Rite entertaining guests is a symbol of initiation of basic life values, met with his people, establish friendships and trust between him and the owner. This ritualized situation is reflected in the paremiological level of Russian and French languages, which confirms its prevalence in these cultural tours.

Keywords: hospitality, a ritual meal.

Мы все интуитивно определяем прием гостей как ритуальную, этикетную ситуацию. Как и большая часть существующих в обществе ритуалов, ритуал гостеприимства относится к ситуациям «перехода» из одного мира в другой, или из одного состояния в другое. На время «перехода» от «чужого» к «своему» гость становится «своим чужим», включаясь в жизнь хозяев именно в качестве чужого, не ассимилируясь¹.

Эта ритуализированная ситуация находит свое отражение на паремиологическом уровне русского и французского языков. И поскольку паремии «опознают» в конкретном дискурсе единичную ситуацию как реализацию типовой, с их помощью мы можем реконструировать сценарий угощения гостя.

На ритуальный характер застолья с гостями указывает его особый, праздничный характер. Это, в первую очередь, особо отмеченное, выпадающее из «нормы» праздничное поведение его участников, во время которого не соблюдались многие правила и предписания, касающиеся будничной

трапезы². Так, если во время обычной трапезы, согласно «Домострою», предписывалось есть «в благоговейном молчании или за духовной беседой»³ (*когда я ем, я глух и нем*), то в гостевой трапезе поощряется обрядовое веселье за столом и вокруг стола и изобилие на столе⁴.

Пошли наши лучинушки плясать, пляши печь, пляши, лавочки. Пошел тир горой, тир на весь мир. Коли пировать, так не мудровать. Bonne chair fait le coeur content.

В самом обычае долго находиться с гостями за столом видны отзвуки обрядовой трапезы, обязательно предполагающей долгое сидение⁵:

Что ни гость, то постелька. On ne vieillit pas à table.

В результате возникает ассоциативный ряд, в котором понятия гостеприимство и хлебосолиество во многих культурах становятся синонимами.

Купите, щи, чтоб гости шли. В поле враг, дома гость. садись под святые, починай ендову. Блины да оладьи – заматались сваты. Au fromage et jambon connait-on voisin et compaignon.

Захарова Татьяна Владимировна, соискатель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О.А. Турбина. E-mail: 7zakharova@mail.ru

Tatiana V. Zakharova, postgraduate, chair General Linguistics, SUSU. Scientific adviser – PhD, professor O.A. Turbina. E-mail: 7zakharova@mail.ru

Зеленые страницы

Предложение угощения или отказ в угощении – точный барометр, ритуальное выражение состояния социальных отношений. Отсюда становится понятным ритуальный, а значит обязательный и принудительный характер трапезы, который выражается в неременной обязанности хозяина накормить гостя. В свою очередь, обязанность гостя – не отказываться от предложенного угощения, чтобы не обидеть хозяев и не разрушить отношения⁶. Предложение угощения как проявление гостеприимства символизирует хорошее отношение к гостю и общность интересов, что высоко ценится и ярко представлено в обеих лингвокультурах:

Нам хоть крошки, да с той же ложки. Хоть за нижним концом, да за тем же столом. Хоть хлеба краюшка да пшена четверушка, от ласкова хозяина и то угощенье. Un poète jamais ne valut un diner

Приглашая за стол, хозяин оказывает честь гостю (слово «почевать» родственно с «честь» и обозначает «оказывать честь, угощая едой и питьем; чтивый – угостительный, хлебосольный»⁷). При этом у русского народа считалось обязательным, чтобы хозяева *упрашивали* гостей есть, *почевали*.

Русская лексема *честь* и ее производные явились стержнем для формирования различных смысловых групп паремий о гостеприимстве:

Что за честь, коли нечего есть. Не дорого бито, да дорого бито (почеванье). Хороша и честь, и слава, а лучше того – каравай сала.

В свою очередь, демонстрацией собственной щедрости хозяин утверждает и свою честь:

Ваше дело пить, а наше, что почевать. Против сытости не спорим, а бесчестья на хозяина не кладите. Не кусок пирога, а честь дорога.

Данная ассоциация «гостеприимство-честь» является этнокультурной особенностью русской языковой картины мира, так как на паремиологическом уровне французского языка она не обнаружена.

При сравнении культурных традиций русского и французского народов в отношениях гостеприимства также обращает на себя внимание различный характер приглашения к столу.

У русского человека приглашение пройти в дом уже аналогично приглашению к столу.

Для символического осмысления стола в русской народной традиции определяющим стало его уподобление церковному престолу. Отсюда паремии:

Стол – божья ладонь. кормит. Хлеб на стол, так и стол – престол, а хлеба ни куска, так и стол – доска. Стол – то же, что в алтаре престол (а потому и сидеть за столом, и вести себя нужно так, как в церкви), которые известны практически на всей восточнославянской территории.

При этом нужно учесть, что сам церковный престол представляет собой исторически стол, алтарь, на котором совершается жертвоприношение, принявшее в христианстве облик эвхаристии,

признаваемого всеми христианами обряд, при котором верующие вкушают тело и кровь Иисуса Христа под видом хлеба и вина, и согласно их вероучению через этот акт взаимной жертвенной любви соединяются непосредственно с самим Богом.

Согласно русским религиозным представлениям, престол знаменует собой также небесный престол, трон Бога, на котором «таинственно присутствует сам Господь-Вседержитель⁸, что, собственно, возвращает нас к греческой лексеме *τραπέζι* – трапеза, также обозначающей стол.

Что касается французской лингвокультуры, паремии, содержащие лексему *table* (стол), не имеют аналогичного сакрального характера:

Ami de table est bien variable. Il se tient mieux à table qu'à cheval.

А. Байбурин и А. Топорков отмечают теснейшую связь, параллелизм между кормлением гостей и жертвоприношением в архаичных культурах, когда с помощью жертвоприношения стремились не просто угодить божеству, а выразить чувство своего почтения к нему, причем особенно ценился такой дар, который был дорог самому человеку. Так идея кормления сменяется идеей самоотречения⁹ (слова *жратва* и *жертва*, как известно, связаны этимологически¹⁰).

Отсюда ряд русских паремий о гостеприимстве с идеей самоотречения:

Все, что есть в печи, все на стол мечи. Гость на двор, и хвост (остатки, что есть) на стол.

Как отмечают А. Байбурин и А. Топорков, у русских, украинцев и белорусов ритуальные функции очага перераспределились между печью и столом, причем печь притянула к себе в основном поверья и обрядовые действия, имеющие языческие корни, а стол – верования христианского характера. Само противопоставление «печь – красный угол» явилось своего рода воплощением русского двоеверия в структуре жилища¹¹.

Пришел в гости – посидел у холодной печи. Тащи стол на кут (от печи в красный угол). Не в печи заставай гуся, а на столе.

Лексема *печь*, также как и лексема *стол*, в русской лингвокультуре стала стержнем для образования паремий о гостеприимстве:

Гости на печь глядят, видно, каши хотят. Будь, что дома: полезай на печь.

Тем не менее сакральная значимость печи в русском доме несколько уступала камину во французском. Во французской культуре часто приглашение войти в дом и приглашение подойти к очагу (к камину) означало одно и то же, потому что камин идентифицировал целый дом¹², что нашло свое выражение в разработанности синонимических рядов лексем, связанных с понятием очаг (*brason, atre, foyer* – очаг, *flamme, feu* – огонь, *tison* – головешки) и сформировавшихся вокруг себя паремии.

Faut avoir été reçu pendant sept ans dans une maison, pour se permettre de toucher au feu. De bonne maison bon brason (foyer). Maison sans flamme, corps sans ame.

Как особенность русской языковой картины мира мы отмечаем большое количество готовых ритуальных речевых формул, произносимых хозяином для приглашения к трапезе или ее продолжению, которые в прошлом имели свое название – «принуки» (от принуждать – принуждать, понуждать, неволить)¹³, которые относятся скорее к символическим, чем функциональным атрибутам застолья с гостями. Они выражают оказываемое гостям внимание, посвящаемое им время и средства:

Я не видал, как ты ел, покажи. Приневольтись собой – покушайте, аль вам хозяйского хлеба-соли жаль? Кушайте, гости, не стыдитесь, рушайте гуся, не студите!

Таким образом, через непрерывный поток знаков, проявляющихся в форме дискурса, хозяин оказывал гостям честь, а также демонстрировал собственный достаток¹⁴. При этом наличие в речевой практике русского народа набора паремий-шуток помогает сгладить любую напряженность, переводя серьезность этикетной ситуации в некую игру¹⁵. *Только кости на собак покидайте, дорогие гости: а отричь того, чтобы все чисто было. Ешь, дружки, набивай брюшки по самые ушки, точно камешки!*

На Руси гости ожидали этого принуждения и, хлебнув два, три или четыре раза, сидят, как будто поели. Когда же хозяйка станет повторять «принуку», они опять принимаются за то же кушанье. На вопрос: «Как потчевали?», можно было получить и такой ответ: «Чесць то как чесць, была чаво паисць, да принуки ня была»¹⁶. Тесная связь идеи гостевания с идеей застолья подтверждается многочисленностью шуточных русских паремий (в нашей работе их представлено 13) из ряда: *Где тесто, тут и нам место. Где горшок с кашей, там и мы ваши. Где блины – тут и мы. Где оладьи – там и ладно.*

При этом у народов, занимающихся скотоводством, почетному гостю подается «почетная» часть туши – чаще всего это голова, тогда как у земледельческих народов, какими являлись славяне, наиболее почетная и священная еда – хлеб и изделия из хлеба и соль¹⁷.

Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки. Изба красна углами, а обед – пирогами. У нас пряники ломай да щи хлебай, а сядешь есть, и хлеба в честь.

Во многих культурах такое ритуальное действие, как преломление хлеба есть ритуальный жест скрепления клятвы, договора, знак того, что будут с тех пор как бы крохами одного хлеба и участниками одного стола.

Хлеб хлебу брат (о хлебосольстве). Сердись, бранись, дерись, а за хлебом-солью сходишь. Хлеб-

соль не бранит. Хлеб-соль и разбойника убивает (смиряет).

Вторым по сакральности продуктом после хлеба у русских была соль.

В солоницу хлеба не макают. Помяни соль, чтоб дали хлеба.

Встреча гостей хлебом и солью у русских людей – знак особого гостеприимства. Выражение хлеб-соль получило обобщенное название угощения для гостей, а приглашение на хлеб-соль синонимично приглашению в гости.

Просим к нашему хлебу-соли. Спасибо за хлеб-соль.

Это выражение стало ядром для образования многочисленного ряда паремий о гостеприимстве (мы нашли 23 единицы):

Хлеб-соль в воротах – так не своротить. Просим не погневаться на нашем хлебе-соли. Милости просим, а хлеб-соль по-старинному. Просим милости, откушать зелена вина, отведать хлеба-соли.

Русское выражение *Ты забыл мои хлеб-соль* выражает крайнюю степень неблагодарности и резко осуждается. Паремии поучают: *Хорош тот, кто поит и кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит.*

Русской формуле благодарности за хлеб-соль на латинской почве соответствовала благодарность просто за соль. Соль была символом верности – ее не разрушишь и не испортишь. В Древнем Риме ее подносили гостям в знак дружбы, что означало поклясться в дружбе, заключить договор, отсюда *factum salis* (лат.), *l'alliance de sel* (фр.). Соответственно противоположное действие – рассыпание соли – получило и противоположное значение: разрыв дружеских, гостеприимных отношений¹⁸.

Отсюда наличие на французской почве следующих паремий: *Du sel sur la nappe, le mal vous attrape. Table sans sel, bouche sans salive.*

Однако обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от многочисленных русских паремий, содержащих лексемы *хлеб* или *соль* и имеющих прямое отношение к гостеприимству, соответствующие французские лексемы *pain* и *sel*, становясь стержнем для образования паремий, могут быть только косвенно соотнесены с отношениями гостеприимства и полностью лишены сакрального характера. Сравните:

Il vaut mieux pain sans nappe que nappe sans pain. Le pain et le vin sont le commencement d'un festin. Pain tant qu'il dure, mais vin à mesure. A bonne faim il n'y a pas de mauvais pain.

Таким образом, гостеприимство хозяина в обеих культурах тесно связано с наличием угощения. Соответственно его недостаточность или отсутствие однозначно воспринимается как проявление негостеприимства:

Зубами скатерть с конца на конец натягиваем. Не кивай, не моргай, лучше хлеба подай. Разговоры большие, а хлеб-соль маленькие. Хороша бе-

Зеленые страницы

седка, да подносят редко. Есть чего слушать, да нечего кушать. Grande invitation, petites portions. On boit de bons coups ici, mais ils sont rares.

Отказ же в угощении однозначно подразумевал плохие отношения, поскольку пищу никогда не делят с врагом:

С порожнего горшка не едят, не пьют, а о пол бьют. Пришел в гости – посидел у холодной печи. Скатеркой трясет, а хлеб вон несет. Petit diner longuement attendu, n'est pas donné, mais chèrement vendu.

Корпус русских паремий даже содержит ряд готовых формул – отказов в гостеприимстве, проносимых хозяином, которых нет во французском языке:

Хлеб-соль есть, да не про вашу честь. Теперь у самих нет; а съедим, так и вам дадим. Милости просим мимо ворот щи хлебать.

Таким образом, в своей древней языческой сути застолье – не что иное, как негласный мирный договор между хозяевами и гостями о непричинении взаимного вреда, а предлагаемое гостям угощение инструментально используется как стартер и катализатор гостеприимства.

¹ Зенкин С.Н. Гостеприимство: к антропологическому и литературному определению. Сб.. Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С. 137

² Топорков А.Л. Происхождение элементов застольного

этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 236.

³ Домострой. Гл.15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/07-51.html>

⁴ Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. Ленинград, 1989. Изд-во «Наука». С. 134.

⁵ Ларделье П. Принимать друзей, отдавать визиты... (Ритуалы гостеприимства в перспективе Мосса) Сб.. Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С.71.

⁶ Байбурин А., Топорков А. Цит. соч. С. 119

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.. Русский язык. Т. 3. С. 360.

⁸ Байбурин А., Топорков А. Цит. соч. С. 138.

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2004. Т. 2. С. 50

¹¹ Байбурин А., Топорков А. Цит. соч. С. 134.

¹² Ярославский Е. Некоторые аспекты феномена гостеприимства в русской и бретонской традициях XIX века. Сб. Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С. 152.

¹³ Даль В. Там же. С. 431.

¹⁴ Ларделье П. Принимать друзей, отдавать визиты... Там же. С. 64.

¹⁵ Лихачева Л.С. Этикет как технология толерантности: теория, история, современность. Учебное пособие. Екатеринбург, 2008. С. 45.

¹⁶ Байбурин А., Топорков А. Цит. соч. С. 120.

¹⁷ Лелеко В.Д. Эстетика повседневности. Санкт-Петербургская государственная академия культуры. Санкт-Петербург, 1994. С. 86.

¹⁸ Байбурин А., Топорков А. Цит. соч. С. 141–143.

Поступила в редакцию 6 июня 2009 г.

СПЕЦИФИКА ЗАГОЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» В. ШАЛАМОВА

И.И. Загидуллина

SPECIFIC OF THE HEADLINES AND FINALS COMPLEX OF THE «KOLYMSKIE STORIES» WRITTEN BY V. SHALAMOV

I.I. Zagidullina

Исследуется поэтика заголовочно-финального комплекса «Колымских рассказов» В. Шаламова, которая, по мнению автора, обладает рядом специфических черт. В название цикла вынесена жанровая номинация, что делает возможным многоверсионность интерпретации текста: в свете традиции обозначенного жанра (*рассказ*), с точки зрения текста как носителя культурной памяти (*рассказ от рассказать*, т.е. поведать о пережитом). Более того, притяжательное прилагательное *колымские* позволяет двойственно истолковать название цикла: либо как рассказы о Колыме, либо как рассказы самой Колымы. Анализ такого редкого приема, как постфинал, позволяет автору статьи прийти к выводу, что в целом заголовочно-финальный комплекс «Колымских рассказов» В.Шаламова отличается подчеркнутой текстовой завершенностью, ибо колымское повествование в соответствии с писательским замыслом преодолевает границы текста и смыкается с бытием.

Ключевые слова: Шаламов, «Колымские рассказы», заголовочно-финальный комплекс, двойственность, жанровая номинация, постфинал, границы текста.

The main research in this article is focused on the poetics of headlines and finals of the «Kolymskie stories» written by V. Shalamov which, according to the author's opinion, has some peculiar features. The author marks out the genre nomination in the title of the stories which gives an opportunity to different interpretations of the text: in the tradition of indicated genre (story), also from the point of view that the text is full of cultural heritage («tale» is from «to tel», that is to relate about one's past). Moreover, possessive pronoun «kolymskie» allows interpreting the title of the stories dually: either it's the stories about Kolyma or the stories by Kolyma itself. The analysis of such a rare method as post final brings to the conclusion that entirely the complex of headlines and finals of «Kolymskie stories» is distinguished for its emphatic textual lying beyond of the bounds since the kolym narration, to the writer's idea, overcomes the text's bounds and approximates to the being.

Keywords: V. Shalamov, «Kolymskie stories», poetics of headlines and finals, ambivalence, genre nomination, postfinal, text boundaries.

«Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвилл о море»¹, – отметил однажды В. Шаламов в своих записных книжках. В первую очередь, это заявление создает поле интерпретационного напряжения, взаимодействуя с заголовком шаламовского сборника «Колымские рассказы», потому что в сознании большинства читателей слова Колыма и лагерь – почти синонимы, и естественно встает вопрос: если «Колымские рассказы» не о лагере, то о чем? Как ни парадоксально, но именно название сборника и в целом заголовочно-финальный комплекс «Колымских рассказов» частично отвечает на этот вопрос и одно-

временно разрешает семантический конфликт между тем, как писатель обозначил свою художественную задачу, и тем, как он же озаглавил свой прозаический цикл.

В современном литературоведении наряду с понятием «заголовочно-финальный комплекс» бытуют и другие обозначения для рассматриваемого компонента произведения, например, рамочный текст, заголовочный комплекс (В.Е. Хализев, Л.В. Чернец, А.В. Ламзина), однако в данной статье отдается предпочтение термину «заголовочно-финальный комплекс» (Ю.Б. Орлицкий), потому что при наличии анализа заголовочного компонен-

Загидуллина Инна Ильдусовна, аспирант кафедры современной литературы УрГУ имени А.М. Горького. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.А. Снигирёва. E-mail: Inna.Zagidullina@mail.ru

Inna Zagidullina, post-graduate of the chair of Modern Literature, Urals State University named after M.Gorky. Scientific Supervisor – PhD, professor T.A. Snigireva. E-mail: Inna.Zagidullina@mail.ru

та «Колымских рассказов» особое внимание уделяется специфике именно финальной составляющей цикла.

Заголовочный комплекс «Колымских рассказов» включает в себя имя автора, заглавие цикла, заглавия рассказов. Заглавие цикла задает перспективы интерпретации всего текста «Колымских рассказов» и резюмирует прочитанное в ретроспективе.

Структура заглавия шаламовского цикла – жанровая номинация + пространственное обозначение. Вынесение жанровой номинации в сильную позицию текста – название – является концептуально-значимым и выявляет сразу несколько авторских интенций. Во-первых, актуализируется общая для всей лагерной литературы функция социальной, личностной, культурной памяти, т.е. рассказать о пережитом. Во-вторых, акцентируется эстетическая установка автора – исполнить долг художника, ведь по мысли Шаламова «на свете есть тысячи правд (и правд-истин, и правд-справедливостей) и есть только одна правда таланта. Точно так же, как есть один род бессмертия – искусство»²; в данном случае рассказы констатируют принадлежность текста к определенному жанру и, в целом, к произведениям искусства. Наряду с обозначенными интенциями автора присутствует еще как минимум одна, также косвенным образом обозначенная в названии цикла. Возможно, в русской лагерной литературе единственным аналогом в этом плане являются «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского. Так, рассказ имеет также значение действия от глагола рассказывать и то, что рассказывается; а записки – это чьи-либо письменные наблюдения, воспоминания, замечания. В приведенных дефинициях можно выделить общую сему: некое продолжение во времени и пространстве (говорение, записывание). Другими словами, третья функция жанровой номинации – актуализировать продолжение некоего бытия. Но если противопоставить записки как письменную речь рассказам, восходящим изначально к устной речи, то записки обнаруживают большую стабильность, ибо основная функция письменной речи – фиксация некоей информации с целью сохранить ее во времени и пространстве. Значит, письмо уже тем, что обращено в будущее, подразумевает наличие прошлого и настоящего. Что касается устного рассказа, то одно из главных его свойств – это необратимость, поступательный и линейный характер развертывания во времени, т.е. рассказывается что-то или о чем-то только здесь и сейчас.

На первый взгляд, структура приведенных названий схожа: жанровая номинация + пространственное обозначение. Но если у Достоевского падежно-предложная конструкция «Записки из мертвого дома», то у Шаламова падежная конструкция с использованием притяжательного прилагательного «Колымские рассказы», что подразумевает наличие разных субъектов говорения-записывания. Таким субъектом в «Записках», по

замыслу автора, является человек, а в «Рассказах» на первый план выступает Колыма. При этом с учетом коннотаций, ассоциаций и контекстных связей понятий «Мертвый дом» и «Колымские» очевидна оксюморонность или абсурдность названий рассматриваемых циклов, ибо естественно, что никакого продолжения во времени и пространстве после Мертвого дома и Колымы не должно было быть.

Таким образом, в перспективе задаваемых смыслов заголовков «Колымские рассказы» предопределяет некоторую абсурдность текста, так как, во-первых, сама форма номинации «колымские» подразумевает двойственное истолкование: рассказы о Колыме или рассказы Колымы, а во-вторых, колымское повествование – это то, чего не должно было быть.

Как уже было сказано, название задает определенное направление в дальнейшем восприятии текста. Внутри цикла, в самом принципе наименования рассказов, в последовательности названий сборника можно увидеть ряд закономерностей. Всего рассказов в шаламовском цикле – 33. Первое, что обращает на себя внимание при попытке классифицировать названия «Колымских рассказов», различие в синтаксической структуре заголовков; кроме традиционных названий – именных номинативных форм, в цикле присутствуют названия в виде предложно-падежных конструкций с обстоятельственной семантикой. Эти два типа заголовков условно можно определить как «номинативные» и «неноминативные», учитывая при этом прецедент использования данных обозначений, например, в работе Е.Н. Бахарева³.

«Номинативные» названия далее можно дифференцировать по называемому компоненту содержательной структуры текста на следующие типы: 1) конкретно-предметные, 2) с обозначением лица, 3) места, 4) феномена, явления, 5) состояния (пребывание в каком-либо положении или расположение духа) и 6) действия (проявление какой-либо энергии, обнаружение какой-либо деятельности), события (то, что произошло, случилось). В предложенной классификации понятие «действие» используется в узком значении и при этом подчеркивается различие между активным действием, с его вероятной результативностью в виде события, и пассивным состоянием (исключением из приведенной классификации будут три названия: «Дождь», «Сука Тамара», «Татарский мулла и чистый воздух»).

К первой группе заголовков будут относиться «Посылка», «Инжектор», «Ягоды», «Шерри-бренди», «Детские картинки», «Сгущенное молоко», «Хлеб», «Галстук», «Домино», «Стланик»; итого – 10. Вторую группу заголовков, с обозначением лица или группы лиц (имя и фамилия, социальный статус, мифологический персонаж, реальное историческое лицо), составляют названия «Плотники», «Кант», «Апостол Павел», «Заклина-

тель змей», «Тетья Поля», «Васька Денисов, похититель свиней», «Серафим», «Геркулес», итого – 8. На долю заглавий пространственного обозначения приходится одно – «Тайга золотая» и также одно заглавие феномена, явления – «Красный крест». Сложнее дело обстоит с заглавиями типа состояния и действия, события. Можно с уверенностью отнести к заглавиям события название «Первая смерть» и с определенной долей вероятности «Заговор юристов». К заглавиям же состояния однозначно нельзя отнести ни одного; так, «Выходной день», «Шоковая терапия» и «Тифозный карантин» одновременно можно причислить как к состоянию, так и к действию, событию, так как выходной день, шоковая терапия, тифозный карантин являются и исключительными моментами лагерного существования, т.е. событиями, и более или менее длящимися состояниями.

«Неноминативные» названия можно рассмотреть с точки зрения их грамматического и синтаксического подобия диалоговой реплике. При таком освещении заголовки «По снегу», «На представку», «Ночью» и «Сухим пайком» предстают не как абсолютное начало текста, а как продолжение некоего текста вообще, ответная реплика в каком-то диалоге. Диалоговая сущность этих четырех заглавий косвенным образом подтверждается тем, что «на представку» действительно является репликой из одноименного рассказа: «В стоимости нескольких рублей был проигран какой-то украинский рушник с петухами, какой-то портсигар с вытисненным профилем Гоголя – все уходило к Севочке. Сквозь темную кожу щек Наумова проступил густой румянец. «На представку, – заискивающе сказал он»⁴, и далее: «Согласие играть «на представку», в долг, было необязательным одолжением по закону, но Севочка не хотел обижать Наумова, лишать его последнего шанса на отыгрыш. «В сотне, – сказал он медленно. – Даю час представки»⁵. Роль реплики, вынесенной в заглавие, очень важна в развитии сюжета, именно решение двух блатарей «играть на представку» оказалось роковым для политзаключенного Гаркунова: рассказ заканчивается его гибелью.

Наличие «неноминативных» заглавий в «Колымских рассказах», во-первых, подчеркивает целостность цикла и подтверждает необходимость воспринимать шаламовскую прозу как единый текст, который, во-вторых, в свою очередь является фрагментом вечно длящегося повествования.

В перспективном отношении типологическая картина заголовков предвосхищает характерные особенности шаламовской прозы в идейно-содержательном и поэтологическом аспектах. Доминирование заголовков (около 30 процентов) первого типа подразумевает, что повествование насыщено предметной конкретикой. Так же весомый удельный вес имеют заголовки, обозначающие лицо или группу лиц (примерно 24 процента), т.е. в центре внимания – человек, при этом следует

учитывать использование культурно значимых имен – это наделяет повествование интертекстуальными связями мифологического, религиозного, исторического характера. Названий-событий только три (9 процентов), что в содержательном аспекте предполагает описание монотонного существования без каких-либо особо выделяющихся моментов. Еще один важный посыл к дальнейшему восприятию текста «Колымских рассказов» – наличие названий переходного свойства, когда одна и та же номинация может быть расценена как событие и как состояние. Данным обстоятельством развивается замечание Достоевского в «Записках из Мертвого дома» о том, что человек ко всему привыкает. Действительно, событием становится только нечто, происходящее впервые, например, «Первая смерть», а в дальнейшем уже ничего не выбивается из ежедневного хода лагерного существования.

При ретроспективном анализе соотношение названий разных типов несколько меняется, ибо каждый заголовок осмысливается в связи со всем текстом произведения, в результате чего семантическое наполнение названия обогащается, трансформируется иногда непредсказуемо. Специфика шаламовских заголовков в том, что зачастую в перспективе заданные ими смыслы не совпадают со смыслами тех же заголовков в ретроспективе, феномен обманутых читательских ожиданий в этом случае является сознательным авторским приемом. Наиболее яркие примеры – названия рассказов «Кант», «Шерри-бренди», «Инжектор»; здесь, вместо закрепившихся за этими номинациями представлений, выступают неожиданные значения, совершенно специфические. В первом случае, вместо ожидаемого исторического лица встречаем обозначение поблажки, отдыха на лагерном жаргоне. Другими словами, понятие общекультурного уровня сталкивается с блатным языком. Во втором случае, шерри-бренди – алкогольный напиток, название которого обыгрывается в стихотворении О. Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямо-той...» и используется Шаламовым для заглавия рассказа, где художественно осмысливается версия гибели О. Мандельштама. Значит, заголовок этого рассказа модифицирует свое смысловое содержание благодаря литературному и историческому контексту, куда погружает его автор. Еще более интересный случай – рассказ «Инжектор».

С общеизвестной точки зрения, инжектор – деталь машины. В начале рассказа перспективные ожидания читателя, заданные заглавием, оправдываются – речь действительно идет о детали машины – инжекторе бойлера. Но затем повествование строится так, что инжектор начинает восприниматься не как машина, а как одушевленное лицо. На формальном уровне это отражается через организацию субъектно-объектных отношений, когда, например, глагольные формы страдательного залога и в целом пассивные синтаксические конст-

рукции употребляются в отношении бригады («была выведена», «пришлось держать на морозе»), градусника («был сломан»), бойлера («которым обслуживается участок» и «разогревается мерзлый грунт»), температуры («можно было определить»). И на этом фоне выделяется исключительно активный залог глагольных форм, характеризующих действие инжектора: «отказался работать», «вовсе разболтался», «уже пять дней работал безобразно». Вдобавок выясняется: значение этого инжектора настолько велико, что от его работы зависят и выполнение плана, и жизнь заключенных, и благополучие самого начальника участка. Постепенно статус инжектора меняется и к финалу рассказа достигает высшего уровня – машина «становится» человеком, а именно, заключенным Инжектором: «За отказ от работы в течение пяти дней, вызвавший срыв производства и простои на участке, з/к Инжектора арестовать на трое суток без выхода на работу, водворив его в роту усиленного режима. Дело передать в следственные органы для привлечения з/к Инжектора к законной ответственности». Но, изменив статус машины на статус человека, Инжектор тут же теряет всякую ценность: «Главному инженеру Гореву ставлю на вид отсутствие дисциплины на производстве. Предлагаю заменить з/к Инжектора вольнонаемным».

Таким образом, две доминирующие составляющие художественного мира «Колымских рассказов» – человек и предметная конкретика – в этом рассказе парадоксально сливаются в единое понятие: инжектор. Конечно, название «Инжектор» никак не задает те смысловые перспективы, которые обнаруживаются в ретроспекции.

В целом, относительно заголовков шаламовского цикла можно обнаружить, что названия не становятся темой дальнейшего повествования, а чаще всего, в виде характерных деталей-символов организуют мотивную ткань произведения. В самом общем виде эти мотивы можно свести к двум: мотив жизни и мотив смерти. Тогда в последовательности этих заголовков-мотивов отслеживаются закономерности в смене тональности повествования от надежды и жизни к отчаянию и смерти и наоборот. Название первого рассказа «По снегу» нейтральное, подразумевает какое-то движение, но в заголовок действие принципиально не вынесено. Сам же рассказ настраивает на героиню и высшую степень серьезности. Заголовок следующего рассказа «На представку» для большинства читателей неинформативен, потому что выражение «играть на представку» – из блатного жаргона, но по ходу текста связывается с таким устойчивым выражением как «играть со смертью», и сам рассказ заканчивается гибелью человека. Третий заголовок «Ночью» как лексема вызывает смешанные коннотации, но преобладают отрицательные, ночь – обратная сторона дня, здесь предполагаемые смыслы оправдываются, ибо проявилась темная сторона человеческой природы. Название «Плотники» акти-

визирует положительные коннотации, в семантике слова «плотник» присутствует созидательное начало; «плотники» в рассказе становятся мотивом надежды и спасения, а значит, жизни. «Посылка» инициирует положительные коннотации, которые в рассказе аннулируются: вместо ожидаемого прибытка как эмоционального, так и материального, ведь посылка – это еще и знак внимания, представлен поэтапный убыток практически до минуса. «Дождь» – нейтральное название и неоднозначный рассказ, скорее с жизнеутверждающим пафосом, так как герой понимает, что не может по собственному желанию причинить себе вред, а тем более совершить самоубийство. Так, от заголовка к заголовку, от рассказа к рассказу осуществляется череда взлетов и падений, мотив смерти сменяется мотивом жизни.

Финальный комплекс, с точки зрения Ю.Б. Орлицкого, это не только дата, место, обстоятельства написания произведения, непосредственный комментарий, но также «холостая финальная строка, специальная финальная фраза»⁶. В свете последующего разговора о специфике финальной составляющей «Колымских рассказов» следует помнить о двойственном положении заглавий цикла, находящихся на границе текста и не-текста, и о межтекстовой сущности «неноминативных» названий. Эти заголовки словно являются частью некоего диалога, заимствуя свою структуру у диалоговых фраз, а именно, ответных реплик. Дело в том, что финальная составляющая произведения также является пограничным феноменом, отделяя текст от не-текста, а в «Колымских рассказах» В. Шаламова такого рода амбивалентность финалов особенно очевидна.

Известно представление о рассказе как о жанре, который имеет ярко выраженную завершенность повествования, т.е. четкую развязку центрального конфликта, по сравнению с романом, отличающимся открытым финалом в своем стремлении к изображению текучести жизни. Однако некоторые исследователи отмечают, что в русской традиции уже в рассказах таких мастеров жанра, как Чехов и Бунин намечается иная тенденция: «возникнув из живой жизни, конечно, преображенной и обобщенной творческой мыслью художника, эти произведения русской прозы в своих концовках стремятся как бы сомкнуться с той же действительностью, откуда вышли, и раствориться в ней, оставляя читателю широкий простор для мысленного продолжения их, для додумывания, «доследования» затронутых в них человеческих судеб, идей и вопросов»⁷. Таким образом, можно выделить как минимум две точки зрения на специфику финала рассказа: либо «строгая оконтуренность сюжета», либо «растворенность» в живой действительности.

Многие из рассказов колымского цикла Шаламова представляют собой своеобразный сплав этих двух, казалось бы, взаимоисключающих ти-

пов концовок. Сюжетообразующий конфликт разрешается традиционным способом, т.е. присутствует четко выраженная развязка. Особенность же в том, что этой развязкой рассказ Шаламова часто не заканчивается, а продолжает свое повествование, действительно словно «вживляясь» в реальность Колымы. Данный феномен, обозначенный нами как постфинал «Колымских рассказов», несет особую идейно-смысловую нагрузку и, можно сказать, отличает колымский рассказ от неколымского. Другими словами, сама Колыма определяет сущность рассказа о ней.

Уже первая миниатюра «По снегу» цикла «Колымские рассказы» начинается вопросом «Как топчут дорогу по снежной целине?», после чего следует завязка сюжета: «Впереди идет человек, потя и ругаясь, едва переставляя ноги, поминутно увязая в рыхлом глубоком снегу. Человек уходит далеко, отмечая свой путь неровными черными ямами. Он устает, ложится на снег, закуривает, и махорочный дым стелется синим облачком над белым блестящим снегом»⁸. Традиционной развязкой здесь может служить сентенциозное замечание, которое логически завершает ход мыслей о нелегком труде или даже искусстве «первопроходцев»: «Из идущих по следу каждый, даже самый маленький, самый слабый, должен ступить на кусочек снежной целины, а не в чужой след»⁹. Здесь остановилось бы повествование классического рассказа, но не шаламовского «колымского». Анализируемая миниатюра заканчивается фразой, которая действительно следует после сюжетного финала: «А на тракторах и лошадях ездят не писатели, а читатели»¹⁰, это позволяет предположить, что постфинал рассказа «По следу» актуализирует выход в иную ценностную реальность, причем, с интонацией возражения через противительный союз «а».

Следующий рассказ «На представку» также разворачивается по традиционным законам жанра. Сначала размеренное, спокойное повествование со вставками описания – рисуется быт блатарей, затем вводятся новые персонажи: «Я и Гаркунов, бывший инженер-текстильщик, пилили для наумовского барака дрова»¹¹ – данную фразу можно считать завязкой сюжета, поскольку обозначены две враждующие идеологии – идеология блатарей и политзаключенных, конфликт между которыми неизбежен. С этого момента темп повествования ускоряется, атмосфера накаляется, и действительно происходит конфликт и его развязка: блатарь Сашка ради шерстяного свитера убивает политзаключенного Гаркунова, после чего следует финальная фраза: «Игра была кончена, и я мог идти домой»¹². В итоге, данный рассказ распадается на два основных эпизода, где каждый эпизод характеризуется единством места и времени действия, а также неизменным количеством персонажей: первый эпизод – с Гаркуновым, второй – без него, и на стыке этих эпизодов происходит сюжетообра-

зующий конфликт. Здесь можно было бы поставить сюжетную и интонационную точку, но повествование рассказа продолжается: «Теперь надо было искать другого партнера для пилки дров»¹³.

Еще драматичнее рассказ «Сухим пайком», который с традиционной точки зрения распадается на два эпизода: эпизод первый – обретение надежды, эпизод второй – крушение надежды. Четверо заключенных попали в лесную командировку из золотого забоя в ожидании целого месяца счастливой жизни: «Нашей задачей была просека, и мы смело приступили к работе. Мы пилили от солнца до солнца, валили, раскряжевывали и сносили в штабеля. Мы забыли обо всем, мы хотели здесь остаться подольше, мы боялись золотых забоев»¹⁴, затем наступает переломный момент: «Вечером пришел десятник, смерил нашу работу своим пошком с зарубками и покачал головой. Мы сделали десять процентов нормы!»¹⁵ и появляется новая интонация обреченности и равнодушия второго эпизода: «Ясно было одно: мы будем возвращены в лагерную зону»¹⁶. Соответственно в конце второго эпизода наступает развязка: Иван Иваныч вешается, Савельев отрубает себе пальцы, и финальной можно считать фразу: «Десятник увел всех нас в лагерь. Савельева – в амбулаторию для перевязки, в следственный отдел – для начала дела о членовредительстве, Федя и я вернулись в ту самую палатку, откуда две недели назад мы выходили с такими надеждами и ожиданием счастья»¹⁷. Но это не конец повествования, в данном рассказе можно выделить даже два постфинала, первый: «Места наши на верхних нарах были уже заняты другими, но мы не заботились об этом – сейчас лето, и на нижних нарах было, пожалуй, даже лучше, чем на верхних, а пока придет зима, будет много, много перемен»¹⁸, второй: «Я заснул быстро, а в середине ночи проснулся и подошел к столу дежурного дневального. Там примостился Федя с листком бумаги в руке. Через его плечо я прочел написанное. «Мама, – писал Федя, – мама, я живу хорошо. Мама, я одет по сезону...»»¹⁹.

Эти и многие другие рассказы колымского цикла обладают схожей структурой, а именно, делятся на два эпизода, на границе которых происходит центральное событие, после чего повествование стремительно движется к развязке и, в соответствии с традицией, в финале рассказа главный герой испытывает некое потрясение, после чего гибнет (нравственно, физически) или наоборот, возрождается. Развязка в «Колымских рассказах» чаще всего трагическая и в классических вариантах жанра равняется финалу повествования, с общепризнанной точки зрения человеческая смерть является мерилем всего и вся, и дальнейшее повествование немислимо, но не в «колымском» рассказе. Трагическая развязка сюжета является трагическим концом только в масштабах человеческого, Колыма же преодолевает человеческий финал и продолжает свое повествование. Таким об-

разом, происходит децентрализация повествования, рассказ формально лишается целостности литературного произведения и словно смыкается с вечной, «замороженной» плотью Севера. Фраза «Теперь надо было искать другого партнера для пилки дров», следующая после финала сюжета и после конца человеческой жизни, отменяет событие как таковое, событие не происходит, поскольку равновесие мировых сил не нарушено. То же самое и с постфинальной сценой, когда герой пишет письмо: «Мама, я живу хорошо. Мама, я одет по сезону...», – после того, как один из его товарищей повесился, а другой отрубил себе пальцы – жизнь продолжается, а людские страсти в масштабах вечной Колымы ничтожны. Такой конец повествования для человеческой жизни означает выход в никуда, для бытия – выход в бесконечность. Поэтому здесь нет ни прошлого, ни будущего, а только длящееся настоящее, с чем связаны мотивы вечной мерзлоты, вечнозеленых деревьев. А главный герой рассказов олицетворяет человечество в целом, так как это чаще всего безличное «я» рассказчика, который не имеет собственной истории и выступает лишь как совокупность общечеловеческих качеств, свидетель гибели других, конкретных людей, но сам выживающий несмотря ни на что.

Постфинал «колымского» рассказа, при котором конец сюжета не совпадает с концом повествования, аннулирует смыслообразующую роль сюжетной развязки. Если учесть, что развязка этих рассказов чаще всего связана с драгоценной для человека потерей, то очевидно: самим фактом своего дальнейшего существования повествование лишает смысла человеческую смерть, а значит, и человеческую жизнь.

Итак, специфика финального комплекса шаламовского цикла – наличие такого феномена как постфинал. Другими словами, финальная составляющая «Колымских рассказов» отличается подчеркнутой текстовой запредельностью. Данное свойство финалов, актуальное на уровне отдельных рассказов, действительно и на уровне цикла в целом. Рассказ «Тифозный карантин», обладая своим началом и концом, в то же самое время является финальным компонентом сборника в целом, определяя пафос всего колымского повествования.

Как уже говорилось, название этого рассказа одновременно обозначает событие и состояние, ведь тифозный карантин и исключение из повседневной лагерной жизни, и в то же время растянувшееся на три месяца ожидание, в котором слились надежда и отчаяние. Осознание неотвратимости своей участи и при этом упорство в стремлении изменить свою судьбу превращают Андрея в абсурдного героя: «Избежать ничего нельзя – ничего тут не предусмотреть»²⁰, и тут же: «Именно здесь он понял, что не имеет страха и жизнью не дорожит»²¹, «Он, выученный на прииске не рас-

считывать жизнь дальше чем на день вперед, старался бороться за близкое, как делает всякий человек на близком расстоянии от смерти»²². Такая мировоззренческая установка перекликается с философией абсурда А. Камю в его эссе «Миф о Сизифе»: «Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня»²³. В целом, заголовок «Тифозный карантин» приобретает символическое значение, близкое к выражению сизифов труд, безнадежный и бесконечный. Конец этого рассказа так же неопределен, как существование заключенного колымского лагеря: «Куда мы едем? – спросил Андреев, ухватив чье-то плечо. – На Атке, на двести восьмом будем ночевать. – А дальше? – Не знаю... Дай закурить. Грузовик, тяжело пыхтя, взбирался на перевал Яблонового хребта»²⁴. Символическая дорога, уходящая в неизвестность, с непредсказуемым маршрутом, временем и местом прибытия опять же отменяет формальную точку рассказа и оставляет финал открытым. Как на уровне отдельных рассказов обнаруживается феномен постфинала, так и на уровне сборника, если рассматривать последний рассказ как финальную составляющую цикла, колымское повествование ведет в бесконечность, преодолевая границы текста в целом.

Итак, заголовочно-финальный комплекс «Колымских рассказов» В. Шаламова отличается рядом специфических черт. Во-первых, в сильную позицию – название цикла – вынесена жанровая номинация, что задает сразу несколько точек отсчета в смысловой системе координат «Колымских рассказов». Наиболее значимое следствие этого приема – с учетом значения слова рассказ как действия от глагола рассказывать – актуализация некоего бытия. Другими словами, заглавие цикла инициирует дилемму: рассказывать – фиксировать присутствие «я» в бытии, тем самым подтверждая связь человека и мира, или – и это оказывается более актуальным для колымского повествования – фиксировать данность и непрерывность бытия-в-себе, при этом подразумевая экзистенциальное одиночество человека.

Во-вторых, заглавия рассказов в плане смысловых перспектив обманывают читательские ожидания, в ретроспекции семантически модифицируясь иногда с точностью до наоборот. Кроме этого, названия чаще всего не тематизируют дальнейшее повествование, а, становясь символами, организуют мотивную ткань произведения. Здесь же нужно отметить, что классификация заголовков рассказов, их последовательность в сборнике позволяет предугадать некоторые поэтологические, тематические и содержательные моменты «Колымских рассказов».

И, наконец в-третьих, наибольшее своеобразие заголовочно-финального комплекса цикла В.Шаламова обусловлено его относительной текстовой запредельностью как на уровне отдельных рассказов, так и на уровне целого сборника. Заголовочный комплекс обязан своей межтекстуальностью наличием «неноминативных» названий – диалоговых реплик, являющихся лишь частью некоего вечного повествования. Такие названия указывают на то, что начало рассказа не есть начало повествования вообще; наличие же постфинала дает понять: конец рассказа – это не конец бытия, ибо после сюжетной точки следует постфинал, который уже непосредственно смыкается с бытийственным повествованием.

«Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвилл о море»²⁵, «Колымские рассказы» о «надежде и абсурде» в человеческой жизни. Как демонстрирует «колымская» проза, рождение или смерть человека определяет лишь границы рассказа его жизни, бытие же продолжает свое повествование, преодолевая этот предел и уходя в вечность.

¹ Шаламов В. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. С. 310.

² Там же. С. 664.

³ Бахарев Е.Н. Структурно-функциональное развитие заголовков (на материале заголовков газет и журналов за 1903–1907, 1935–1939, 1965–1970 годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971.

⁴ Шаламов В. Колымские рассказы. М.: Изд-во «Эксмо», 2007. С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Орлицкий Ю.Б. Минимальный текст (Удетерон). Стих и проза в русской литературе. М., 2002. С. 565.

⁷ Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1972. С. 68.

⁸ Шаламов В. Колымские рассказы. С. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 11

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 17

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 49

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Там же. С. 188.

²¹ Там же. С. 190.

²² Там же. С. 193.

²³ Камю А. Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 91.

²⁴ Шаламов В. Колымские рассказы. С. 205.

²⁵ Шаламов В. Новая книга. С. 310.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Н.А. Колкова

RUSSIAN PHRASEOLOGY IN THE CONTEXT OF WEDDING RITUALS

N.A. Kolkova

Дается анализ свадебной фразеологии. Фразеологизмы с обрядовой тематикой изучаются в двух аспектах: выявление особенностей свадебного обряда на языковом материале и рассмотрение данного материала с позиции когнитивной лингвистики. Нами выделяются и описываются сценарии, фреймы, гештальты, составляющие концепт свадьбы.

Ключевые слова: свадебная фразеология, фрейм торговли, фрейм охоты, гештальт времени свадеб.

This work is dedicated to the analysis of wedding phraseological units. Phraseological units of ritual subjects are studied in two aspects, such as showing up of the wedding rituals peculiarities on the basis of language material and examination of this material from the point of view of cognitive linguistics. We single out and describe scenarios, frames, patterns that constitute wedding concept.

Keywords: wedding phraseological units, frame of trade, frame of hunt, patterns of time.

Ценнейший источник сведений о культуре народа – это язык нации в совокупности всех его единиц. Особый пласт языка составляют несколько десятков тысяч «устойчивых сочетаний слов, аналогичных словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных единиц»¹. Речь идет о фразеологизмах. Эти языковые единицы, как и слова, бережно хранят память об истории народа, его традициях, обычаях, обрядах. Поэтому, обращаясь к фразеологическому фонду, мы можем по-новому взглянуть на некоторые аспекты жизни русского народа.

В настоящее время вышло много работ, посвященных изучению фразеологии как отражению русского национального самосознания. К ним относятся работы В.Н. Телии, В.А. Масловой, С.Г. Воркачева, Л.Б. Савенковой и др. Но работ, которые бы на материале фразеологических единиц раскрывали особенности русских обрядов, недостаточно, поэтому данная проблема является актуальной.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы изучить обрядовую фразеологию с точки зрения ее тематики, сопоставить языковую экспликацию с культурным контекстом, а также рассмотреть свадебную фразеологию с позиции когнитивной лингвистики. В качестве экспликаторов будут выступать словосочетания.

Объектом нашего исследования стали русские

фразеологические единицы, выявленные путем сплошной выборки из словарей В.И. Даля, В.П. Жукова, А.И. Федорова и др., а также фольклор. Предмет исследования – фразеологизмы с обрядовой тематикой и свадебный фольклор.

В рамках данной работы мы попытались взглянуть на язык сквозь призму культуры русского народа и выявить некоторые особенности национального сознания. Часть любой культуры – это обычаи, традиции, обряды, сложившиеся на протяжении веков и сопровождающие жизнь каждого человека. Фразеологизмы позволяют нам обратиться к истокам, узнать обычаи и обряды, совсем утраченные или потерявшие в настоящее время сокровенный смысл.

Один из самых сложных и красивых русских обрядов – свадьба. Вступление в брак – важный момент в жизни любого человека. Тема брака постоянно присутствовала и проявлялась в жизни молодого поколения, особенно она усиливалась по мере приближения к брачному возрасту. Мальчики приобщались к мужским работам, девочки – к заботам будущей матери и хозяйки. Русские женились рано. В одном из плачей невесты, который исполнялся во время девичника, содержатся такие строки:

*В семнадцать лет меня отдали замуж.
Как кукушечка горемычная
Буду я век вековать...*

Колкова Наталья Александровна, аспирант кафедры русской фразеологии и методики преподавания русского языка, ОГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В.Ю. Прокофьева. E-mail: kolkova-natal@mail.ru

Natalya A. Kolkova, post-graduate of the department of Russian phraseology and methods of teaching of the Russian language, OSU. Scientific adviser – PhD, professor Viktoria Y. Prokof'eva. E-mail: kolkova-natal@mail.ru

В отрывке плача мы обнаруживаем указание на возраст девушки, вступающей в брак, – семнадцать лет. Научные источники подтверждают данный факт. М. Забылин говорит о том, что русские женились рано, и «возраст вступления в брак в большинстве губерний был примерно одинаковым: 18–19 лет для жениха, 16–17 лет для невесты»². Народная мудрость учила отца: *Брагу сливай, не доквашивай; девку отдай – не доращивай!, Жни овес, как затрещит; отдай девку, пока верещит*. Засидевшихся девушек, обычно в возрасте 23–25 лет, считали «перестарками», «вековухами», и женихи их избегали. Считалось, что жених непременно должен быть старше невесты. Об этом мы узнаем и из пословицы: *Невеста родится, а жених на конь садится*. На коня сажали мальчиков трех-семи лет, т.е. такая разница должна была быть в возрасте супругов. Большая разница в возрасте не приветствовалась, так как *За старым жить – только век должить; за малым жить – только маяться; за ровней жить – тешиться*. Особенно осуждались союзы, в которых супруг был намного старше супруги: *Молодица у старика – ни девка, ни баба, ни вдова; Видимая беда, что у старого жена молода; По старом муже молодая жена не тужит*.

Свадебный цикл в самобытном русском ритуале традиционно делился на этапы, каждый из которых сопровождался особыми обрядами. «Досвадебные обряды – знакомство, смотрины невесты. Предсвадебные – сватовство, смотрины, сговор, девичник. Свадебные обряды – отъезд, свадебный поезд, венчание, пир. Послесвадебные – визиты молодых»³.

Попытаемся проследить, как каждый из этих этапов отражается в пословицах и поговорках.

Исходное событие – знакомство – с течением времени значительно менялось. На Руси в языческий период юноши и девушки действительно знакомились, встречались, а затем в случае расположения к ним славянской богини любви, красоты и брака Лады образовывали новую семью.

Позже, в период засилья суровых патриархальных «домостроевских» обычаев, будущие муж и жена чаще всего вообще не знали друг друга до самой свадьбы, а браки заключались лишь по предварительному сговору старших членов семьи. При всем трезвом подходе к выбору невесты и жениха в народе существовало убеждение, что *Суженого и на кривых оглоблях не объедешь; Всякая невеста для своего жениха родится; Кому на ком жениться, тот в того и родится; Смерть да жена Богом суждена*. Само слово *суженый* восходит к лексической единице *судьба* и имеет значение «данный судьбой». Русским как нации присущ фатализм, их вера в судьбу очень сильна.

Самым важным предсвадебным обрядом был сговор-сватовство. Существовало несколько способов этого процесса. В одних случаях родители жениха ехали в дом невесты и начинали перегово-

ры. В других случаях в дом засылали сваху и свата, и они спрашивали разрешения приехать с женихом и с его родителями.

Каждый шаг сватовства совершался в строгом соответствии с обрядом и сопровождался определенными речами. Войдя в дом, сват и сваха вели разговор на посторонние темы, грели руки у печи. Отсюда и поговорка *Вошла в избу да руки погрела – так сваха*. После совершения определенных действий переходили к сватовству в иносказательной форме: *Ищем телочку (овечку), не заблудилась ли или Хотим купить телочку; У вас товар, у нас купец; У вас куничка, у нас охотник* и т.д. Анализ фольклорных текстов показывает, что в основе сценария сватовства лежат фреймы торговли и охоты. Фрейм торговли образуют лексические единицы *продать, купить, товар, купец*. Сценарий связан с психическими факторами. Иносказательный характер фольклорных текстов обусловлен желанием людей запутать злые силы, которые могли помешать сватовству. Торговля – один из древнейших социальных институтов, с помощью него и маскируется действие сватовства. В то же время женитьба действительно имеет сходство с куплей-продажей. Молодой человек *покупает* жену, а родители *продают* дочь. Уход дочери из семьи – это потеря рабочих рук в хозяйстве. Еще в XIX веке жених должен был внести за это своеобразную компенсацию – «заплатить родителям невесты вено»⁴. Отсюда и поговорка *Денежки на стол, девушку за стол*. Психология отношений находит отражение в гештальтах *товара* и *купца*.

Актуализаторами фрейма охоты выступают лексические единицы *охотник* и *куничка* в значении добычи. Фрейм охоты включает мотив противоборства двух начал – мужского и женского. Данный мотив содержится в фольклорных текстах, например, в песне «Под оконушком», которая исполнялась в Оренбургском крае сразу после того, как девушку засватали:

*У оконушка Настасьюшка сидела,
Лели да и ли ле, и сидела.
Она коленные орешки щелкала
Лели да и ли ле, и щелкала.
Во растворчатые стеколушки бросала,
Лели да и ли ле, да бросала.
Во Ивановы во кудри попадала,
Лели да и ли ле, поподавала.
Оглянулси Иванушка, оглянулси,
Лели да и ли ле, оглянулси.
Он на белую Настасью погрозился,
Лели да и ли ле, погрозился.
Вот добро, добро Настасьюшка – каналья,
Лели да и ли ле, и каналья.
Позову тебя, Настасьюшка, во гости,
Лели да и ли ле, и в гости.
У родимого батюшки бывати,
Лели да и ли ле, побывати.
Приведу тебя, Настасьюшка, в насмешки,
Лели да и ли ле, и в насмешки.*

Зеленые страницы

В данном тексте жених и невеста представлены как соперники, показан момент их противоборства. Мотив соперничества восходит к фрейму охоты, в котором он – охотник, она – добыча. Поймать ее ему пока не удастся, он только грозит-ся это сделать (*Приведу тебя, Настасьюшка, в насмешки*). Воспринималась эта песня как шуточная, она придавала веселья сватовству, объединяла две стороны – родню будущего мужа и жены.

При благоприятном исходе сватовства родители невесты и сваха трижды обходили вокруг стола, крестились на образа, и, расставаясь, сразу же договаривались о смотринах: *Вы видели сокола, покажите ж нам сизу голубку; Заглазного купца кнутом бьют, просим товар лицом показать*. Фрейм торговли выражен слотом показа товара. Прежде чем купить товар, его нужно оценить, поэтому возникает следующий шаг сватовства – смотрины.

Смотреть невесту приезжали сваха, жених, его мать или женщина, называемая смотрительницей. В словаре В.И. Даля зафиксированы слова, с которыми смотрительница входила в дом: *Купец здесь, а товара не видно; Надо красный товар налицо; Наши смотрите и свое покажите; Суженого примите, а ряженую подайте*. Фрейм торговли возникает на основе ассоциативной связи между показом товара и смотром невесты (*красный товар налицо*).

Показ невесты происходил различным образом. Иногда смотрительницу вводили в специально убранную комнату, где стояла невеста в лучшем своем наряде, с лицом, закрытым покрывалом. Иногда же невеста сидела за занавесом, и занавес отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась по комнате, заговаривала с ней: *Выдь на крыльцо, покажи свое бело лицо*. Женщина старалась выпытать, умна ли невеста, хороша ли, исправна ли речью, т.е. определить «качества товара».

В случае удачных смотрин собравшиеся договаривались о дне сговора, который проходил обычно в доме невесты через две-три недели после смотрины. Пропой и сговор играли роль помолвки и являлись символическим актом, закрепляющим семейное решение о заключении брака. Совершать пропой – значит *залить невесту*, т.е. окончательно просватать. Смысл этого обряда отражен в поговорках: *Пропита – продана; Просватанная, что проданная; Пропита дочь, не своя, чужая*. Из языковых единиц, относящихся к данному этапу обрядов, следует, что торговля состоялась (*Просватанная, что проданная*), невеста продана и переходит в собственность мужа. Фрейм торговли создается здесь страдательным причастием *проданная*.

На пропое родственники жениха и невесты знакомились, оговаривали условия заключения брака, материальные издержки на свадьбу, подарки, которые должны были сделать жених, невеста и ближайшие родственники.

Далее следовал сговор, который при благоприятном исходе заканчивался ритуалом рукобитья: сваты, надев рукавицы, били по рукам. Отсюда идет выражение *По рукам, да и в баню*. Данный обряд отражен и во фразеологизме *Выкупить правую руку*. Первоначальный смысл этого выражения таков: отдать просватанную дочь. Затем оборот приобрел переносное значение – исполнить слово, выполнить то, о чем били по рукам.

В последний день или вечер перед свадьбой совершался девичник. Во время него невеста и ее подружки гадали. Кроме того, подружки помогали невесте приготовить подарки жениху, его родным, а также завершить подготовку приданного. Существовало поверье: *Кто на невесту шьет, помолодеет*. Поэтому девушки охотно помогали невесте.

Девичник по традиции был печальным: невеста прощалась с подружками, и, оплакивая свое девичество, причитала, часто голосили и ее подружки, исполнялись грустные песни. В них, как правило, содержится мотив прощания с подружками и с прежней жизнью:

*Вы прощайте, мои подруженьки,
Вы прощайте, мои милые.
Не ждите меня вместе по улице пройтись
И веселые песни петь...*

В Оренбургском крае во время девичника обязательно исполнялась песня «Хмелинушка». Произведение народного творчества содержит такие строки:

*Отходила, отгуляла
Моя буйна голова,
Относила ленту алу
Моя русая коса...
Зачем, мамонька, родила,
Зачем имячко дала?
Лучше б в речке утопила,
А не замуж отдала.*

«Хмелинушка» – это прощание с девичеством и грустный плач о горькой доле замужней женщины. В этой песне содержится упоминание об обряде прощания с косой (*Относила ленту алу / Моя русая коса*). С языческих времен сохранился этот обычай. Девушке расчесывали волосы и заплетали две косы вместо одной, притом укладывая пряди одну под другую, а не поверх. Замужняя женщина должна была прикрывать свои волосы головным убором или платком, чтобы «сила», заключенная в них, не повредила новому роду. «Опростоволосить» женщину, то есть сорвать с нее головной убор, значило нанести серьезный ущерб ее семье, оскорбить ее саму и нанести серьезные неприятности.

Фольклорные тексты содержат мотив грусти. Грядущая жизнь с нелюбимым мужем, чужая семья со своими законами, лихая свекровь – вот темы свадебных песен. В них часто видна параллель, сравнение жизни до замужества и после него.

*У родимой мамоньки
Гуляла я, ласкалася,
У лихой свекровушки*

Слезами умывалася.

Сопоставление двух временных отрезков – до замужества и после него – в языке выражается локальными категориями: у мамоньки – у свекровушки. В семье отца девушка окружена заботой, любовью, лаской, в семье мужа ее ждут печаль и слезы. Противопоставление счастливой и несчастной жизни выражается в лексических единицах *родимая – лихая*. Одна из сем слова *родимая* в данном контексте – это «добрая, заботливая», а лихая значит «злая, несущая горе, лихо».

В Оренбуржье существовал Плач матери по дочери, который начинается такими строками:

Родимая ты моя, доченька,

И вылетаешь ты

Из свово-то свита гнездышка...

В этом отрывке есть скрытое сравнение дочери с птенцом, что подчеркивает материнскую любовь, заботу и боль расставания. В фольклорных текстах на основе сравнения невесты и жениха с птицей возникает гештальт птицы. Она – голубка (*Покажите ж нам сизу голубку*), ласточка (*Уважай ты, моя ласточка, // И золовку сестрицу*), утушка (*Дорогая наша утушка, // Дорогая наша гостюшка, // Погостюй у нас немножечко*) Он – сокол (*Вы видели сокола*). Возникает вопрос: почему в народном сознании возникает гештальт птицы. Возможно, птицы рассматриваются как существа красивые, грациозные, свободные. Они становятся достойными сравнения с человеком.

После девичника следовало обручение. При обряде обручения жених с родственниками приезжали в дом невесты, все делали друг другу подарки, а жених с невестой обменивались обручальными кольцами. Кольцо символизирует цельность, поэтому его используют в качестве атрибута брака. Пословица говорит *Обрученная, что подаренная*. Обручение – завершающий этап процесса сватовства, который сопровождался песнями.

Об особенностях самого свадебного ритуала нам подробно повествуют пословицы и поговорки, собранные в словаре В.И. Даля. Выражение *играть свадьбу* представляет ее как драматизированное действие и напоминает о древних играх, сопровождавших этот праздник. Однако само слово *игра*, возможно, не совсем точно характеризовало свадьбу, потому что для людей того времени каждый момент данного процесса был наполнен смыслом.

Особое значение придавалось времени, когда можно было играть свадьбу. Никогда не игрались свадьбы во время постов. Исключалась из свадебных дней и масленичная неделя. В народе говорили: *На масленицу жениться – с бедой породниться*. Старались избегать также месяца мая, чтобы всю жизнь не «маяться». Самым удобным и благоприятным временем, к которому и приурочивалось большинство свадеб, считались осенние и зимние мясоеды.

Осенний мясоед начинался с Успения (28 августа) и продолжался до рождественского поста

(27 ноября). Зимний мясоед начинался с Рождества (7 января) и продолжался до Масленицы (длился от 5 до 8 недель).

В крестьянской среде этот срок укорачивался. Свадьбы начинали справлять с Покрова (14 октября), так как к этому времени завершались все сельскохозяйственные работы. Во фразеологической системе языка отражено представление о Покрове как о времени знакомств и свадеб: *Весело Покров проведешь, дружка найдешь*. Изучение фразеологизмов показывает, что Покров можно рассматривать как гештальт, связанный с персонификацией времени. Словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля содержит обращения девушек к Покрову дню с просьбой направить к ней суженого: *Мать (Батюшка) Покров, покрой мать-сыру землю и меня молодую!*, *Матушка Прасковья, пошли мне жениха поскорее!* В данных примерах основную смысловую нагрузку при формировании гештальта выполняет ласковая просьба, обращенная к тому, кто может изменить судьбу (*Батюшка Покров*). Гештальт времени свадеб проявляется и в лексеме *свадебник*, или *свадебнец*, как называли самый «свадебный» период в году.

В день венчания жених присылал невесте через сваху или дружку шкатулку, в которой лежали фата, восковые цветы, венчальные свечи, обручальные кольца, набор гребенок, иголки, булавки и т.п. Привезя наряд, дружка говорил: *Что говорено, то и привезено; Просим набело умыться, хорошо снарядиться, в белые белила в красные румяна; невесту срядите, вперед посадите, а нам ворота отворите*. После того как приносили шкатулку, тетка невесты – снарядиха – начинала одевать ее к венцу. В одной из поговорок есть указание на цвет венчального наряда: *Белое венчальное, черное печальное*. Белое платье на невесте символизирует чистоту, невинность.

Во время одевания применяли меры предосторожности, чтобы уберечь не только невесту, но и жениха от сглаза. Об этом говорят, в частности, пословицы: *Жениху и невесте под венец втыкают булавки против сердца, а за пазуху кладут ртутки; жениха под венец опоясывают вязаным кушаком*. Считалось, что узлы охраняют от сглаза. Молодых таким образом хотели уберечь от злых сил, избежать от порчи.

Перед отъездом в церковь происходил выкуп невесты. К ее дому первым подъезжал дружка, распорядитель свадебного церемониала. Для него важно было миновать охрану – привратников и придверников. Чаще всего охрана удовлетворялась угощением – вином, но иногда приходилось делать подарки. Вслед за дружкой прибывал свадебный поезд. Отец невесты в это время говорил: *Сват, не сват, а добрый человек; С добрыми речами милости просим*. Сваха при этом отвечала: *Коли рады гостям, так встретите и за воротами*. После чего свахи обменивались пряниками и пивом.

Зеленые страницы

Войдя в дом, дружка должен был выкупить место для жениха за столом рядом с невестой. Обязательно при этом шли в ход деньги, но часто подружки и родственники невесты испытывали дружку загадками. Торг вел брат или подружки невесты. В словаре «Пословицы русского народа» есть слова продавца невесты за столом: *Торговую не лисицами, не куницами, не атласом, не бархатом, а торговую девичьей красой; Куницу, лисицу да стакан вина.* Фразеологический фонд фиксирует этот обряд как один из важнейших, но уже утративших свой исходный смысл – плата родителям невесты вено. Также в словаре мы встречаем выражения, которыми сопровождался обычай класть в вино за выкуп невесты деньги: *Пей-ка, на дне копейка! Еще попьешь, грош найдешь.* Интересно, что выкуп невесты – один из немногих обрядов, сохранившихся до наших дней.

Посидев за столом, все поднимались, чтобы ехать в церковь венчаться. Невеста, выходя из-за стола, старалась стянуть с него скатерть для того, чтобы все сидевшие за столом девушки вышли замуж. При этом она говорила: *Я иду, и вы идете за мною.* Данный фразеологизм отражает и сам обычай, и его сокровенный смысл.

Родители невесты благословляли молодых одной из икон, которые обычно в этот момент стояли на разостланной шкуре или шубе, вывернутой вверх мехом. Отражение смысла этого обряда мы видим во фразеологизме *Шуба тепла и мохната – жить вам тепло и богато.* Существовало много обычаев, суть которых заключалась в том, чтобы «сделать» будущую жизнь молодых счастливой. По этой же причине молодым в обувь сыпали хмель и зерна.

Затем все отправлялись в церковь. Гости поздравляли друг друга *С молодецким выездом.* Во время поездки в церковь люди старались по погоде и природным явлениям угадать, какой будет свадьба и будущая жизнь молодых. Фразеологический фонд содержит много «свадебных примет»: *Коли на улице распутица, быть свадьбе беспутной; Снег и дождь на свадебный поезд – богато жить, дождь на молодых – счастье; Вихорь с пылью навстречу поезду не к добру; дождик – к богатству; Красный день свадьбы – жить красно, да бедно; Метель на свадебный поезд – все богатство выдует.*

При венчании жених и невеста давали обещание любить и служить друг другу в продолжение всей жизни. Затем пили вино, сначала невеста, потом жених, который тут же бросал чашу на пол и спешил наступить на нее. То же делала и невеста. Кто из них первый наступал, тот одерживал победу, и считалось, что он всегда будет господином. Вообще в народе существовало очень много примет, указывающих на то, кто в доме будет главным, кто раньше уйдет из жизни и будет ли брак счастливым. «Свадебные приметы» отражены во фразеологическом фонде. Например, *У кого из*

молодых венец спадет, тому и вдовствовать, Если невеста под венцом уронит платок, а жених поднимет его, то скоро умрет; Обручальное кольцо под венцом уронить – не к доброму житью; Под венцом невеста крестится покрытой рукой, чтобы жить богато. Такое обилие примет говорит о стремлении человека угадать судьбу. Как мы уже знаем, фатализм и страстное желание заглянуть в будущее – это черты, характерные для русских.

От венца ехали в дом жениха. Дома новобрачных встречали родители жениха, благословляли, осыпали снова хмелем и зерном. Этот обряд зафиксирован и в пословице *Молодых при встрече из церкви осыпают хмелем и хлебом.* Данное действие связано с языческими верованиями. В нем виделся магический смысл. Считалось, что так можно обеспечить молодым многодетность и богатство, *хмель и хлеб* в этой языковой единице – это символы богатства, чего и желали новобрачным.

В доме жениха уже были накрыты столы. Молодую сажали за столом очень близко к мужу – так, «чтоб даже кошка не пробежала», и приговаривали: *По Божьему веленью, по царскому уложению, по господской воле, по мирскому приговору.* Затем пели величальные песни. Жениха и невесту во время свадебного пира называли князем и княгиней: *Народ крещеный, благословте нашего князя с княгиней; Мохнатый зверь на богатый двор; молодым князьям да богато жить, Как голубь без голубки гнезда не вьет, так новобрачный князь без княгини на место не садится; На свадьбе все бояре, а жених с невестой князь да княгиня.* Начиналось свадебное застолье. Во время него гости выкрикивали: *Горько вино, не пьется!* Тем самым они заставляли молодых «подсластить», т.е. поцеловаться. В словаре В.И. Даля нами обнаружен такой фразеологизм: *Быть на свадьбе, да не быть пьяну – грешно.* Русская свадьба отличалась обильным угощением и питьем, что предполагало хмельное веселье. Только молодым на свадебном пире предписывалось проявлять воздержанность в питье и еде. Подтверждают этот обычай пословицы: *Молодые до венца не едят; До венца тощи, после солощи.* Они могли лишь пригубить вино из одной рюмки и попробовать один на двоих кусок пирога.

Во время свадебного застолья группа поющих и пританцовывающих девушек обходила всех гостей. Перед каждым останавливалась, угощала его, требуя вознаграждения, и пела в его честь песню. Доставалось тому, кто был нещедрым на дары. Данный обычай отражен в речи, адресованной жениху: *Будешь дарить – станем хвалить, не будешь дарить – станем корить.* Если кто-то из гостей отказывался делать подарки, то ему под смех и улыбки присутствующих девушки исполняли «корительные» песни, такие как, например, для жениха:

Ты, невеста, перед кем стоишь, на кого глядишь?

*Он тебе чуж ... чуженек,
У него поросячий душок!
Он с курами клевал,
С поросятами едал!*

Когда веселье было уже в полном разгаре, молодых уводили. Свою первую брачную ночь они проводили чаще всего в холодной, нежилой части избы. Постель обычно стелили из снопов, которые являлись символом плодородия. Укладывание молодых часто сопровождалось различными обрядовыми действиями. Прежде чем положить молодых, дружка и свашка ложились в приготовленную постель и требовали выкуп. Фразеологизм *Обогреть постель молодых* возник на основе этого обряда.

Утром родные шли «поднимать молодых», но в спальню молодых входила только одна сваха. Родня же стояла в этот момент у дверей горницы, била горшки, кринки, тарелки. При выходе новобрачных их поздравляли и со стуком били посуду.

Существовало множество способов демонстрации невинности невесты. Во фразеологии нами не найдено отражение этих обрядов, но в ней есть единицы, которые выражают народное представление о порочности. Так, поговорка *Венцом грех прикрывать* свидетельствует о том, что добрачные интимные отношения осуждались. Замужество в этом случае было единственным спасением от позора: *Была под венцом и дело с концом; Что в девках ни было, да теперь замужем.*

Свадебное пиршество могло длиться не один день. Пословица говорит: *Добрая свадьба – неделю.*

Затем следовали послесвадебные обряды – визиты молодых. Выражение *ехать на блинки* означает первое посещение супругами тещи.

Проведенный нами анализ фразеологических единиц со свадебной тематикой характеризует свадьбу как сплав языческих, религиозных и народных обычаев, сложный, торжественный и красивый обряд, каждый шаг которого наполнен смыслом.

Таким образом, изучение обрядовой фразеологии с точки зрения ее тематики позволило нам сопоставить культурную экспликацию с культурным контекстом. Фразеологизмы раскрывают не только сами обычаи, но и их сокровенный смысл. Анализ свадебной фразеологии в лингвистическом аспекте дает возможность выделить сценарий сватовства, фреймы торговли и охоты, гештальт времени свадеб и др. Сквозь призму обрядовой фразеологии мы можем рассматривать особенности русской культуры, а изучая язык, постигать глубину смысла русских обычаев и традиций.

¹ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Наука, 2002. С. 6.

² Забылин М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. М.: НИКА, 1997. С. 96.

³ Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М.: Астель, 2001. С. 316.

⁴ В круге жизни: семейные праздники, обычаи, обряды. Пермь: ОНИКС, 2003. С. 34.

Поступила в редакцию 1 июня 2008 г.

СВОЕОБРАЗИЕ ФЕНОМЕНА «ПРОЗА ПОЭТА» (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. ЦВЕТАЕВОЙ, З. ГИППИУС, Е. ГУРО)

Е.В. Федорова

PECULIARITY OF THE PHENOMENON «THE PROSE OF THE POET» (BASED ON THE AUTHORSHIP OF M. ZVETAeva, Z. GIPPIUS, E. GURO)

E.V. Fedorova

«Проза поэта» является своеобразной формой художественной речи, совмещающей в себе характерные черты, традиционные для прозы и поэзии. М. Цветаева создает собственный авторский вариант феномена, характеризующийся фрагментарностью, коллажностью повествования, сменой временных пластов, субъектов и объектов действия и речи, сложностью ассоциативной связи между частями и главами произведений. Наличие метрических, рифмованных отрывков, анафор и звукописи в прозаическом тексте, появление строфичности и аналога enjambement позволяет говорить о внедрении стихового элемента в структуру прозы поэта.

Ключевые слова: «Проза поэта», монтажный композиционный принцип, синтаксический перенос, ритмическая организация, строфичность, метризация, рифма.

«The Prose of the poet» is the original form of art speech combining in characteristic features, traditional for prose and poetry. M. Zvetaeva creates own author's variant of a phenomenon described by a fragmentariness, change of temporary layers, subjects both objects of action and speech, complexity of associative communication between parts and chapters of products. The presence metric, rhyme, anaphora in the prosaic text, occurrence strophic and analogue enjambments allows to speak about introduction by verse element in structure of prose of the poet.

Keywords: «Prose of the poet», assembly composite principle, syntactic carry, rhythmic organization, strophic, meter, rhyme.

В данной статье мы попытаемся раскрыть специфические особенности феномена «проза поэта» на примере «Повести о Сонечке» и «Письма к Амазонке» М. Цветаевой, книги «Небесные верблюжата» Е. Гуро и рассказов З. Гиппиус.

Е. Гуро и З. Гиппиус создали разные авторские варианты «прозы поэта» в период Серебряного века. Прозаический сборник рассказов З. Гиппиус создавался в 1896 г., «Небесные верблюжата» Е. Гуро были написаны в 1913 г. Мы попытались проследить, как в прозе М. Цветаевой, созданной в 1932 – 1937 гг., раскрываются и трансформируются те черты стиха, которые встречаются и в прозе поэтов, обратившихся к прозаическим жанрам ранее.

Появление феномена «прозы поэта» принято связывать с литературой XIX века, с творчеством А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева. Но расцвет явления приходится на период Серебряного века; наиболее яркие и своеобразные виды «прозы поэта» создали А. Блок, А. Белый, С. Есенин, А. Мариенгоф, А. Ахматова, М. Цветаева.

«Проза поэта» является своеобразной формой

художественной речи, совмещающей в себе характерные черты, традиционные для прозы и поэзии. У прозы феномен «заимствует» развитие сюжета, событийность, внимание к детали, наличие системы образов, некоторые особенности композиции; у поэзии – эмоциональность, яркое выражение и развитие различных чувств, наличие метрически организованных и рифмованных отрывков, анафорической композиции, звукописи, создание особого ритма. Подобный синтез не является искусственно созданным, черты феномена отражают тип художественного мышления писателя, его восприятие мира, желание придать прозаическому произведению эмоциональность, лиричность. «Проза поэта» характеризуется более насыщенной языковой образностью, органически связанной с характерными особенностями композиции произведения.

Феномен «проза поэта» обладает отличительными особенностями, организующими особую ритмическую структуру произведений и проявляющихся на уровне композиционном, лейтмотивном, синтаксическом, метрическом. Все перечисленные

Фёдорова Елена Валерьевна, аспирант кафедры русского языка и литературы ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.Ф. Семьян.

Elena V. Fedorova, competitor of the chair of the Russian language and literature of the SUSU Scientific advisor – Phd, professor T.F. Semyan.

особенности характерны для прозы Е. Гуро и также раскрываются в прозе М. Цветаевой.

Композицию феномена «проза поэта» характеризует отсутствие пространных вступлений, быстрая смена событийного плана, фрагментарность повествования, смена временных пластов, субъектов и объектов действия и речи, сложность ассоциативной связи между частями и главами произведений. Перечисленные черты способствуют созданию особой ритмической организации произведения, замедлению или ускорению ритма в определенных отрывках текста. Ускорению способствуют смена временных планов, субъектов речи в одном абзаце, когда читатель совершенно не ожидает этого, коллажность, монтажный принцип композиции. Ощущение замедления ритма создают лексические повторы, подвижность порядка слов, синтаксический перенос.

Так, в книге Е. Гуро отмечается полное отсутствие событийной линии, сюжета. Это сближает ее прозаическое произведение с лирической книгой. Части и главы «Небесных верблужат» представляют собой выражение интимно-личностных эмоций, настроений и мыслей, рождающихся и связанных по принципу ассоциации. В некоторых частях произведения появляются отрывки, имеющие четко выраженную сюжетную линию, диалоги героев. Но так или иначе подобные главы завершаются определенными авторскими размышлениями, отражением чувств, вызванных данным событием.

Части произведения связаны посредством ассоциации; через единство глубокого философского смысла и общего эмоционального настроения достигается единство всего произведения, его целостность. В первой части «Небесных верблужат» больше лирических светлых размышлений о жизни человека, о его единении с природой, а во второй части доминирует чувство безысходности, невозможности для человека выбрать судьбу и контролировать ее события. Мечты, устремления юности вступают в неразрешимый конфликт с реальностью.

Не имеет определенного сюжета и «Письмо к Амазонке» М. Цветаевой, представляющее собой обращение к Натали Барни, французской писательнице, автору книги «Мысли Амазонки». Жанр, обозначенный уже в названии – письмо, – предполагает послание, обращение к какому-либо вполне конкретному лицу, выражение собственного отношения к чему-либо, а возможно, и личностных, интимных эмоций, переживаний. Эта особенность обуславливает отсутствие в тексте пространных вступлений, четкой сюжетной линии, определенного героя. «Письмо к Амазонке» – это беседа, спор с адресатом. Не случайно начинается произведение «по законам жанра» с обращения, хотя и скрытого: «Вашу книгу я прочла» Но постепенно разговор перерождается в размышления, в спор с самим собой, и более – в обращение к читателю, к широкому кругу людей.

Все перечисленные особенности, встречающиеся в прозе, в большей степени характерны для

поэтических произведений, лирических сборников, не имеющих развития сюжета, событийного плана, конкретного действующего героя.

Основной композиционный прием в произведениях Е. Гуро и М. Цветаевой – монтаж. Монтажные принципы композиции могут маркировать напряженные сюжетные ситуации, с кинематографической наглядностью передавая многослойность повествования, смену ракурса изображения, акцентирование главного и его усиления, характер авторской оценки и др. Принцип композиционного монтажа отражает сложность действий, переживаний, событий, а вовсе не фиксирует их прерывистость, несвязанность.

В «Повести о Сонечке» М. Цветаевой, автобиографическом произведении о знакомстве поэтессы с актрисой Софьей Голлидей, особенно ярко выражается сложность композиции, проявляющаяся в смене временных пластов и субъектов речи, создающих ритмическую организацию прозы. Автор сознательно ускоряет темп речи или же замедляет его. Так, например, момент расставания героев сознательно замедляется делением текста на отдельные «главки», что символизирует разрывы во времени.

В «Письме к Амазонке» монтажный композиционный принцип реализуется через смену направленности на объект речи. Об этом свидетельствует оформление диалога в одну строку. Фразы говорящих разделяются тире, образуя своеобразный «поток сознания», когда разговор строится с близким собеседником, воспринимающимся как свое собственное «я», беседа превращается в разговор с самим собой. Неслучайно подобные диалоги полны недоговоренностей, умолчаний, поскольку собеседник – человек настолько близкий и понимающий, что многое не требует объяснений, пояснений:

«Сначала – почти что шутка: – Какой чудесный младенец! – Тебе бы хотелось такого? – Да. Нет. От тебя – да. – Но... – Но я же смеюсь.

Потом – вздох: – Как бы мне хотелось... – Чего? – Нет, ничего. – А я знаю, знаю... – Ты уже догадалась. Но только – твоего... Пауза».

Часто в тексте возникает фраза, противоречащая течению мыслей, общим размышлениям, оформляющаяся, как отдельная реплика, тире. Это вопрос, который задает сам автор и на который сам же и отвечает. Необходимо понимать, что это не диалог, это продолжение потока сознания, противоречивых размышлений, разговора с самим собой. Так, послание к конкретному адресату постепенно становится беседой, обращением к широкому кругу читателей, а затем и собственными противоречивыми размышлениями:

«Будь ты трижды красивой, будь ты трижды Единственной – первый же нуль возьмет над тобой верх. Нуль, который будет благословенным. А ты пробудешь проклятой.

– Но это – тот же случай, когда и от мужчины невозможно иметь ребенка. Что ж, из-за этого оставлять его?

Зеленые страницы

Исключительный случай нельзя равнять с законом без исключений».

Многие главы книги «Небесные верблюжата» Е. Гуро сопровождаются сменой субъекта и объекта речи. Отдельные отрывки произведения могут содержать диалоги, предполагающие непосредственного слушателя, некоторые размышления лирической героини обращены к Богу или имеют некий абстрактный объект – собеседницу, способную понять, приблизиться к миропониманию героини. Часто в тексте произведения обращение «человек» сочетается с глаголом прошедшего времени женского рода, подчеркивая таким образом отнесенность не к конкретному лицу, а ко всем слушателям вообще: «Ты превратился, человек, в сумеречное создание. Ты полна видения, но говорить тебе не хочется».

«Проза поэта» характеризуется концентрацией символических образов, раскрывающих идейный замысел произведения. Такая насыщенность создается с помощью повторов определенных символов, метафор.

В книге Е. Гуро основные символы, органирующие и объединяющие весь сборник в единое целое, указаны уже в названии – небо и верблюжонок. Данные символы имеют несколько «примет», образов, наталкивающих воображение читателя на ряд ассоциаций: голубой, синий цвет, связанный с небом, и челка, шея, нежный шарф из верблюжьего пуха, связанные со вторым символом. Образ верблюжонок постепенно трансформируется в тексте, превращается в образ сына, через который рождается чувство безграничной материнской любви, ласки, материнского сострадания и заботы о лишенных, обездоленных.

Мысли о материнстве реализуются и в «Письме к Амазонке» М. Цветаевой в образе Ребенка, который становится символом невозможности реализации предназначения женщины, несовершенства земной любви.

Наиболее яркими символами в «Повести о Сонечке» М. Цветаевой являются «кресло» героини как знак ее убежища и спокойствия, «рыжие непроданные башмаки» – образ тяжелой жизни и возможности самоопределения, граммофон, рождающий ассоциацию с голосом героини. В конце повести все символы объединяются в одном абзаце, чтобы подчеркнуть, наиболее ярко выразить все чувства, связанные с Сонечкой, приобретающие особую силу в момент расставания с героиней.

Повторяющиеся символы реализуются в лексических повторах, которые концентрируют внимание читателя на одном образе или характеристике, не позволяя отвлечься от важных деталей в тексте, направляющих ход мысли. В прозе М. Цветаевой лексические повторы выполняют особую функцию, приобретают особую семантическую нагрузку, позволяя поэту экспериментировать над словом, его значением, способом словообразования: «Слишком цельное целое. Слишком единое единство» («Письмо к Амазонке»). Значение

слова подчеркивается и усиливается подстановкой однокоренного, повторяющегося слова. Такая игра этимологией не воспринимается как случайная тавтология, это сознательное повторение наделяет слова новым, более глубоким смыслом, который рождается будто сам собой: «Любовная любовь – детство. Любящие – дети. У детей не бывает детей» («Письмо к Амазонке»).

Одним из средств формирования образности художественного произведения является синтаксис «прозы поэта». «Небесные верблюжата» Е. Гуро, «Повесть о Сонечке» и «Письмо к Амазонке» М. Цветаевой характеризуются обилием различных знаков препинания, получающих значительную семантическую емкость, превышающую нормы современного русского языка. Каждый смысловый и интонационный расклад повести щедро подчеркнут знаками пунктуации. Знаки препинания в «прозе поэта» имеют большую функциональную нагрузку, чем в «обычной» прозе, выражая не только синтаксические, но и разнообразные стилистические функции. «Семантическое расстояние»¹ (Л.А. Новиков) между языковым и смысловым значением здесь значительно возрастает, а сама семантика слова заметно углубляется и расширяется благодаря введению знака:

«Юных дев узнают по улыбке, старух как раз по улыбке – не узнать.

Юные или старые, они более всего – душа» (М. Цветаева «Письмо к Амазонке»).

Часто «авторские» знаки препинания маркируют перенос, появляющийся в «прозе поэта» как аналог так называемого enjambement, возникающего на месте разрыва предложения. Перенос в стихе возникает тогда, когда метрическое членение не совпадает с синтаксическим, а в «прозе поэта», когда деление текста на абзацы (строфы) не совпадает с концом предложения:

«Последняя минута. Скажу или нет? Скажет или –

Просто, как если бы всю жизнь только это и делал, обнимает меня за голову, прижимает к груди, целует в голову, целует в лоб, целует в губы» (М. Цветаева «Повесть о Сонечке»).

В.М. Жирмунский отмечал, что «наиболее характерным признаком переноса является присутствие внутри стиха синтаксической паузы, более значительной, чем в начале или в конце того же стиха»². В «прозе поэта» такой значительностью обладает конец абзаца благодаря появлению «авторского» знака препинания, семантически более емкого, выходящего за рамки современного русского языка:

«...о, я этого белокурого всадника тоже не искала, и даже не ждала, зная, что предстанет – в свой срок на своей строке! – в конце этого гимна одинокому труду и росту, этого гимна одиночеству в уже двенадцатый его час в мире...

– видение белого, но не всадника: гребца, пловца, тихоокеанского белолицего дикаря стойком на щепке, в котором я того белокурого всадника... – узнала» (М. Цветаева «Повесть о Сонечке»).

Необходимо отметить, что в «прозе поэта» не всегда enjambement разрывает фразу, распределяя ее на два абзаца. Чаще синтаксическая пауза заканчивает или начинает новый абзац, семантически тесно связанный с последующим или предыдущим. В данном случае синтаксическая пауза обретает большее семантическое значение, образуя некоторое «пространство», которое читатель сам должен заполнить смыслом, чувствами, а возможно, и словами. В.М. Жирмунский отмечал: «Обособленное переносом, слово приобретает необычайную значительность»³.

«... А все приятельницы выходят замуж. И мужья этих приятельниц – такие веселые, такие открытые, такие близкие... И мысль, что и я тоже...

Замурована.

Погребена заживо» (М. Цветаева «Письмо к Амазонке»).

Существенное значение для появления переноса имеет расстановка слов. Так, инверсия способствует синтаксическому обособлению. Появление различных компонентов фразы на синтаксически не свойственных им местах, разрыв привычного расположения синтаксических единиц являются своеобразными предпосылками для появления переноса.

Ярким признаком феномена «прозы поэта» как переходного явления между стихом и прозой является наличие стихового элемента, которое определяется, прежде всего, на визуальном уровне. В тексте анализируемых произведений важную роль играют стихотворные отрывки, непосредственно включенные в структуру повествования. В «Небесных верблужатах» Е. Гуро и «Повести о Сонечке» М. Цветаевой наблюдается и наиболее очевидный способ экспансии стихового начала, по замечанию Ю.Б. Орлицкого, – стихотворная цитация, «монтаж в прозаическую ткань, превращающий прозаический текст в прозиметрический»⁴⁴. Причем встречаются как привычные для читателя стиховые формы, так и свободные стихи. Подобные отрывки могут быть самого различного объема – от одного четверостишия до больших фрагментов. А в «Письмо к Амазонке» М. Цветаевой включен стихотворный отрывок, написанный на французском языке.

Появление строфичности, соотношения, уравновешенности абзацев прозаического произведения свидетельствует о наличии стихотворных элементов в структуре прозы. Как правило, абзац представляет собой одно – два предложения. Такая тенденция свойственна для версэ, предполагающего особую урегулированность объема строф. Читатель легко соотносит небольшие абзацы произведений, примерно равные или сближающиеся по объему, со строфической организацией лирического произведения:

«Я хочу, чтоб он меня любил больше своей жизни, ласку мою – больше солнца.

Я хочу, чтоб душа его разрывалась от нежности.

Но я также хочу, чтоб на мою ласку он мне отвел со сдержанностью детского превосходства:

«Мне некогда, мамочка, через полчаса уходит мой поезд». И прыгнул бы в бричку...» (Е. Гуро «Небесные верблужата»).

Особенно ярко стиховое начало проявляется при появлении в структуре прозы метрических, рифмованных отрывков, анафор и звукописи.

Метр в «прозе поэта» не распространяется на весь текст целиком, чаще он возникает словно случайно, в каких-либо определенных отрывках. В.Е. Холшевников называл подобные явления «случайными метрами».

В «Небесных верблужатах» Е. Гуро и «Повести о Сонечке», «Письме к Амазонке» М. Цветаевой можно говорить о метризации текста, имеющей особое композиционное или смысловое значение, то есть возникающей в определенных, семантически нагруженных отрывках, фрагментах. «Повесть о Сонечке» М. Цветаевой: «да, ее считали злой» (хорей), «любить – полюбить – разве это стихи» (амфибрахий), «весь остающийся жар берега», «вижу игру темно-синего света» (дактиль). «Письмо к Амазонке» М. Цветаевой: «Она обитает на острове» (амфибрахий), «Опускаю и случай банальный» (анapest). «Небесные верблужата» Е. Гуро: «она не умела летать» (амфибрахий), «разложили костер на корнях», «душа отвечает смолисто дню» (анapest).

Подчеркивает сближение прозаических и стихотворных форм появление рифмованных отрывков в структуре прозы: «Наконец – он: Господин в плаще. Не подошел, а отошел, высокою, как плащом, отъединяя меня от всех, вместе со мною, к краю сцены...» (М. Цветаева «Повесть о Сонечке»); «Самое я – сотрясающаяся земля» (М. Цветаева «Письмо к Амазонке»); «В небосклоне над плоским песком дюны завинчивала чайка ржавую гайку» (Е. Гуро «Небесные верблужата»).

С помощью рифмы автор сознательно акцентирует внимание на отдельных словах, их созвучие, сближение становится принципиально важно. Иногда авторы выносят рифмующиеся слова в конец строк, а это является прямым соотношением со стиховой организацией текста наряду с четкой строфичностью.

Цельность прозаического произведения характеризующегося фрагментарностью, коллажностью, монтажным композиционным принципом построения частей, обеспечивает анафорическая композиция, сообщающая тексту определенный ритм: «Наши опасения напоминают, наши страхи внушают, наши одержимости осуществляют» (М. Цветаева «Письмо к Амазонке»).

В «Повести о Сонечке» анафорическая композиция в полной мере реализуется к концу произведения, объединяя отдельные главы повести в тематические блоки. В некоторых случаях повторение является скрытым: оно не подчеркнуто повторяющимися словами, а только намечается семантически тождественными тематическими рядами.

«Я не помню часа и числа, когда она умерла. Меня не было в Москве. Сестра наверное помнит.

Зеленые страницы

Мне кажется – под вечер. Когда же это было? Летом, да. Летом. Тогда прилетели Челюскинцы.

Она так часто вспоминала Вашу маму <...>

—
«Когда прилетели Челюскинцы...» Значит – летом 1934 г. Значит – не год назад, а целых три. Но год – или три – или три дня – я ее больше не увижу, что – всегда знала, – и она никогда не узнает, как...

Нет! она навсегда – знала.

—
«Когда прилетели Челюскинцы» – это звучит почти как: «Когда прилетели ласточки»... явлением природы звучит...» (М. Цветаева «Повесть о Сонечке»).

Появление звукописи в прозаическом произведении позволяет создать более осязаемый, объемный, целостный образ, то есть, по сути, выполняет в «прозе поэта» те же функции, что и в стихе. Звуковые повторы обычно тесно взаимодействуют с другими изобразительными средствами – синтаксической структурой, метром и т. п.

Необходимо отметить особенности появления и функционирования черт феномена «проза поэта» в различных авторских вариантах. Все перечисленные особенности могут проявляться в произведениях в большей или меньшей степени. Так, если в автобиографической прозе М. Цветаевой, как и в прозаических произведениях Е. Гуро, ярко выражается монтажный композиционный принцип, элементы стиховой структуры, то проза З. Гиппиус следует интенциям классической литературы.

Рассказы из сборника «Новые люди» характеризуются наличием четкой сюжетной линии, определенных действующих лиц, системой образов. Часто такими композиционными принципами пользуется и М. Цветаева. В «Повести о Сонечке» легко прослеживается развитие определенного сюжета, событий, основанных на биографическом материале. Но каждый эпизод сопровождается эмоциональными лирическими комментариями, выражающими движение чувств автора, изображением эмоций, переживаний, испытываемых героиней в данный момент, поэтому лирические этюды, зарисовки следуют друг за другом в соответствии с хронологическим развитием реальных событий жизни поэтессы.

З. Гиппиус пользуется традиционными приемами и для создания характеристики героев, их душевных состояний. Так, в рассказе «Ближе к природе» внутреннее состояние героев передается через детали, жесты, мимику: «Он, надвинув картуз, пошел к реке. Дуня не посмотрела ему вслед». Введение жестов в произведениях М. Цветаевой напоминает появление ремарок в драматическом тексте, характеризующих конкретное поведение героев, интонирование фразы, настроение персонажей. К драматическому минимуму сведены авторские «ремарки» в монологах героев: «Ну, прощай моя девочка! (Трижды крестит.) Я за тебя тоже буду молиться. Поправляйся, возвращайся здо-

ровая, красивая, румяная!», «Нет, Марина! не могу! я это вам – спую! (Вскакивает, заносит голову и поет то же самое. Потом, подойдя и становясь надо мной:) – Теперь скажите, Марина, вы это – понимаете? Меня, такую, можете любить? Потому что это мои самые любимые стихи. Потому что это (закрытые глаза) просто – блаженство» (М. Цветаева «Повесть о Сонечке»).

В рассказе «Мисс Май» З. Гиппиус большое внимание уделяется описаниям пейзажей, построенным как внимательное любование малейшими деталями. Постепенно созерцательность переходит в воспоминания или размышления героев о жизни. По такому же принципу строится и принцип психологического параллелизма в прозаических произведениях: «...Ночь надвигалась быстро и близко. Только вверху небо еще голубело, бледнее, светлое, вольное и, казалось, именно оттуда спускалась прохлада на землю. Андрей вспомнил, что в детстве няня на его вопросы, почему к вечеру делается холоднее, отвечала, что это от крыльев серафимов веет прохлада, у них крылья большие...»

Но в рассказах З. Гиппиус появляются и отдельные черты феномена «проза поэта», свойственные и для других прозаических произведений поэтов Серебряного века. Так, по принципу монтажа соединяются главы рассказов, действие которых, развиваясь линейно, сопровождается разрывами во времени. Часто при описании сменяющихся друг друга картин используются неполные, назывные предложения, меняется субъект и объект речи: «Шум, сборы, суета.

Пьют чай, закусывают, несмотря на ранний час...» («Ближе к природе»).

Из многообразия специфических стиливых черт авторских вариантов возможно сформулировать основные черты феномена «проза поэта»: фрагментарность, коллажность повествования, смена временных пластов, субъектов и объектов действия и речи, сложность ассоциативной связи между частями и главами произведений, наличие метрических, рифмованных отрывков, анафор и звукописи в прозаическом тексте, появление строфичности и аналога так называемого enjambement позволяет говорить о проявлении стихового элемента в структуре прозы. Феномен «проза поэта» характеризуется и особой ритмической структурой произведений, проявляющейся на уровне композиционном, лейтмотивном, синтаксическом, метрическом.

¹ Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. АН СССР, Ин-т рус. яз. М., Наука, 1990. С. 57

² Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. С. 154.

³ Там же. С. 158.

⁴ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. С. 78.

Поступила в редакцию 3 июля 2008 г.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

М.Ф. Хаметова

NATIONAL-CULTURAL PECULIARITIES OF THE CONCEPT «FRIENDSHIP» IN THE ENGLISH LANGUAGE

M.F. Khametova

Исследуются национально-культурные особенности концепта «Дружба» в английском языке. Основная цель состоит в исследовании и выявлении национально-специфичных образов анализируемого концепта «Дружба», который является базовым концептом в любой культуре.

Ключевые слова: национальный характер, концепт, национально-специфичные и лингвокультурологические особенности.

The article deals with the research of the national-cultural peculiarities of the concept «Friendship» in the English language. The aim of work is to research and reveal national-specific components of the concept «Friendship» which is one of the basic concepts in every culture.

Keywords: national character, concept, national specific features, linguistic and cultural peculiarities.

Активное развитие лингвистической науки в ее когнитивной направленности обуславливает интерес к проблеме формирования и функционирования концептов в языке. В когнитивной лингвистике уделяется особое внимание изучению природы концепта, который является базовым понятием в любой культуре.

Рассматривая сущность концепта, исследователи отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека. Познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка.

Культура представляет собой совокупность концептов разного уровня сложности, образующих (опосредующую поведение представителей определенного этноса) ценностную картину мира, систему, где в качестве системообразующих факторов выступают именно концепты.

Концепт «дружба» является базовым концептом в любой культуре. Тем не менее каждый этнос вкладывает в него свой смысл, поскольку дружба отражает сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений картины мира и внутренней, духовной жизни личности. Концепт «дружба» отмечен национально-культурной маркированностью. Рассматриваемый концепт занимает важное место в языковом созна-

нии исследуемого этноса, так как он является одним из ключевых концептов, национально-детерминированным и отражающим этнический характер народа. В разных обществах и культурах в него вкладывают свой смысл. Дружба обладает национально-культурными особенностями, которые находят воплощение в таком понятии, как «национальный характер». Т.В. Абрамова понимает под национальным характером устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм¹.

Существуют некоторые доминанты национального характера, которые относительно стабильны для большинства представителей данной этнической общности. Существует много способов реализации концепта. В нашем исследовании мы рассматривали концепт как совокупность конкретно-чувственных образов, возникающих в сознании англоязычного социума и вызывающих определенные ассоциации с этим понятием, включая его лингвокультурологические особенности. Мы провели исследование, проанализировав 300 высказываний политических и общественных деятелей и всемирно известных представителей интеллектуальной и культурной элиты с лексемой «дружба» на английском языке. Применяя метод частотного анализа,

Хаметова Марина Фаритовна, преподаватель кафедры теории и практики английского языка ЧелГУ, соискатель кафедры французского языка и межкультурной коммуникации ЧелГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.А. Нефедова. E-mail: dochura2812@rambler.ru

Khametova Marina Faritovna, the teacher of the department of the theory and practice of the English language Chelyabinsk State University, a post graduate the department of the French language and intercultural communication, Chelyabinsk State University, scientific supervisor – PhD, professor L.A. Nefedova. E-mail: dochura2812@rambler.ru

Зеленые страницы

нам удалось на их основе выделить главные образы, возникающие в сознании носителей английского языка при употреблении лексических средств реализации данного концепта в английском языке.

Дружба – это усложненная социальная номинация, называющая не конкретный, объективно существующий предмет или явление, а абстракцию, чувство, эмоциональное состояние, которое не может быть полностью и до конца осознано и объяснено человеком. С другой стороны, оно представляет собой достаточно разветвленную структуру.

Проведенный анализ реализации концепта «дружба» в англоязычной картине мира позволил нам выделить 9 наиболее ярких и конкретных образов, возникающих в сознании носителей английского языка при упоминании лексем «Friend», «Friendship».

Представим это в следующей таблице.

Дружба – жизненная составляющая	31 %
Дружба – поддержка	21 %
Дружба – любовь	17 %
Дружба – вражда	9 %
Дружба – сходство	11 %
Дружба – начало дружбы	5 %
Дружба – общение	2 %
Дружба – близость	2 %
Дружба – братские отношения	2 %

Как видно из представленной таблицы самым частотным образом является дружба как жизненная составляющая (31 %).

«A faithful friend is the medicine of life» (The Bible).

«Верный друг – эликсир жизни» (Библия).

«Friendship makes our life beautiful» (Virginia Woolf).

«Дружба делает нашу жизнь прекрасной» (Вирджиния Вулф).

Данный образ концентрируется на дружбе как неотъемлемой жизненной составляющей. Сердечность отношений, взаимная приятность делают дружбу одним из лучших человеческих отношений. Друзья приносят спокойствие в нашу жизнь, мы чувствуем себя не одинокими и защищенными. Способность выговориться кому-то, возможность разделить с кем-то удовольствие от совместных действий успокаивает.

Вторым по частотности следует образ дружбы – поддержка Support (21 %). Это свидетельствует о том, что идея постоянства связана, в традиционном представлении англичан и американцев о «дружбе», с ожиданием помощи в несчастье. Это отражено в бесчисленных цитатах, так же как и в целом ряде распространенных сочетаний. Например:

«A friend in need is a friend indeed», «A friend is never known till a man have need» (пословица),

«Друг познается в беде» (пословица).

Среди сочетаний, свидетельствующих (от противного) о таком же представлении, заслуживают особого внимания fair weather friend «ненадежный друг, друг только в счастье», summer friend «ненадежный друг» и false friend «ложный друг». Например:

«Like summer friends,

Flies of estate and sunshine» (George Herbert).

Данные такого рода дают основание полагать, что изначально концепт «дружба» содержал компонент «хотеть сделать что-то хорошее для этого человека». Несчастье, по-видимому, рассматривалось как период, когда дружба испытывается, а не как то единственное время, когда ожидается активная благожелательность. Но с современным концептом «дружба» в английском языке дело обстоит иначе. Дружеские отношения ценны прежде всего потенциально, давая уверенность в том, что нам есть с кем поделиться, есть к кому обратиться за помощью. Реальная потребность такого рода возникает в зависимости от конкретных обстоятельств.

Дружеская помощь искренна и бескорытна, она ценна тем, что на друзей можно положиться в самой безнадежной ситуации. И это не только совет или утешение, но и материальные вещи:

«Mighty proud I am that I am able to have a spare bed for my friends» (Samuel Johnson),

«Я очень рад тому, что для друзей у меня всегда найдется свободная койка» (Сэмюэль Джонсон).

Также другом называют человека, который поддерживает морально какие-то идеи, например, политику страны:

«A steady patriot of the world alone,

The friend of every country but his own» (George Canning),

«Патриот – это друг страны» (Джордж Каннинг).

Таким образом, дружеская помощь по-прежнему важна для нас, мы с удовольствием принимаем ее и предлагаем свою в трудную минуту.

Согласно полученным данным, образ «любовь» («Love») – один из наиболее частотных (17 %).

Для многих англичан и американцев дружба – отношение глубокое и интимное, предполагающее не только взаимопомощь, но и внутреннюю близость, откровенность, доверие, любовь. Недаром мы называем друга собственным alter ego:

«Friendship is Love without his wings!» (Byron),

«Дружба – любовь без крыльев!» (Байрон).

По важности чувств для человека дружба всегда стоит на одном уровне с любовью, сопутствует ей:

«The love of my life is the love between friends» (Jess),

«Любовь всей моей жизни – любовь к моим друзьям» (Джесс).

Однако интимность и взаимная любовь друзей не должны заслонять социально-нравственное

содержание дружбы. Дружба дает людям радость взаимопонимания и общения, но и налагает на них определенные обязательства:

«Time isn't what makes a friendship last. It's love and devotion that keeps the tie between souls» (Henry Brooks Adams),

«Время не влияет на продолжительность дружбы. Друзей связывают только любовь и взаимная преданность» (Генри Брукс Адамс).

Для того, чтобы подчеркнуть образ «любовь», усилить его, представители англоязычного социума используют определение «dear», которое показывает, что друзья – очень дорогие друг другу люди, и наверное, чаще присуще людям старшего поколения: в старом употреблении сочетания dear friend «дорогой друг» или dearest friend «любимый друг» были наиболее распространенными:

«Farewell, dear friend, that smile, that harmless with no more shall gladden our domestic hearth» (George Carry),

«Прощай, дорогой друг, прощай улыбка, прощайте, безобидные насмешки, прощай, солнечный лучик нашего домашнего очага» (Джордж Кэрри).

Однако в современном английском языке сочетания dear friend или dearest friend являются маргинальными или даже устаревшими.

Говоря о друзьях, люди обычно молчаливо подразумевают лиц своего пола. Это не значит, конечно, что смешанной дружбы вообще не бывает. Однако ей обычно приписывается особый статус. В английском языке это имело и свое терминологическое выражение: «girlfriend» – друг женского пола для мужчины и «boyfriend» – друг мужского пола для женщины. Со временем слова «girlfriend» и «boyfriend» приобретают сексуальный подтекст. В современном английском языке друг своего пола – просто friend, а друзья мужского пола у женщин «male friends», у мужчин «female friends»:

«The trick is meeting a girlfriend. The best way is through a mutual friend» (Oliver Goldsmith),

«Благодаря общим друзьям, можно познакомиться с девушкой. И это самый лучший способ – завести себе новых друзей» (Оливер Голдсмит).

Понятия дружба и любовь, сопутствующие друг другу, неразделимы в человеческом сознании. Часто друзья становятся любовниками, а несостоявшиеся любовники – друзьями. Не случайно «кавалер» в американском, английском – «gentleman friend».

«The falling out of friends is the renewal of love. The falling out of lovers is the renewing of friendship» (пословица),

«Ссора двух друзей – это возобновление любви, ссора двух любовников – это возобновление дружбы» (пословица).

Из всего сказанного выше можно заключить, что образ «Love» в составе концепта «дружба» для представителей англоязычного социума по-

прежнему силен. Любовь и дружба для человека неразделимы. Часто друзья и любовники меняются ролями.

Согласно нашей картотеке образ концепта «дружба» сходство Likeness по частотности употребления занимает четвертое место (11 %).

В своих осознанных требованиях к друзьям носители английского языка ориентируются на сходство между ними. Подавляющее большинство предпочитает дружить с людьми своего возраста, пола, социального положения, образования и т. д. Почти столь же желательны совпадение и близость основных ценностных ориентаций, интересов и черт характера. Друзья, как правило, придерживаются более или менее одинаковых взглядов по наиболее важным для них вопросам:

«Friends have all things in common» (Pierre Charron),

«У друзей – все общее» (Пьер Шаррон).

Часто друзей объединяет место проживания. Зачастую соседские отношения перерастают в дружбу:

«She said she wanted some of her city friends to come, so it wouldn't be too boring» (Bushnell),

«Она сказала, что было бы неплохо пригласить на вечеринку несколько друзей из города» (Бушнел).

Общие интересы объединяют людей, и им свойственно становиться друзьями на почве общих точек соприкосновения:

«What is a friend? A single soul dwelling in two bodies» (David Storey),

«Что такое друг? Это одна душа на двоих» (Дэвид Стори).

Сходство интересов и характеров ставит знак равенства между друзьями. Эпитет «equal» подчеркивает равные отношения между друзьями:

«Friendship is a disinterested commerce between equals» (Oliver Goldsmith),

«Дружба – бескорыстные отношения между друзьями» (Оливер Голдсмит).

Таким образом, англичане и американцы начинают дружить на почве схожих интересов и образа жизни, и это немаловажный факт в человеческих отношениях.

Образ «вражда» («Enmity»), согласно результатам нашего исследования, составил 9 % и является одним из наименее частотных образов. Слово friend в старом типе употребления очень часто выступало в паре со словом enemy «враг» (или foe «недруг»), и эти два слова очевидным образом трактовались как антонимы:

«Friends are as dangerous as enemies» (Tomas de Quincy),

«Друзья так же опасны, как и враги» (Томас де Квинси),

«He will never have true friends who is afraid of making enemies» (William Hazlet),

«Человек, который боится врагов, никогда не обзаведется настоящими друзьями» (Вильям Хэзлэт).

Зеленые страницы

В сознании англичан и американцев друзья часто противопоставляются врагам:

«Friends come and go but enemies accumulate» (William Blake),

«Друзья появляются в нашей жизни и исчезают, а врагов становится все больше» (Вильям Блейк).

Друзья и враги сопутствуют в жизни в равной степени:

«He makes no friend who never made a foe» (Alfred, Lord Tennyson),

«Друзья есть у тех, у кого есть враги» (Альфред Лорд Теннисон).

Друзья неверные, ненастоящие, которые только притворяются друзьями, в прецедентных текстах рассматриваются хуже врагов:

«False friends are like our shadow, keeping close to us while we walk in the sunshine, but leaving us the instant we cross into the shade» (Christian Nevell Bovee),

«Мнимые друзья словно наша тень: следуют за нами и выжидают минуту, чтобы нанести нам удар» (Кристиан Невелл Бови).

А друзья, которые поддерживают дружеские отношения со всеми, лишаются статуса друзей и по шкале ценностей опускаются даже ниже врагов:

«A friend to all is a friend to none» (пословица),

«Человек, который поддерживает дружеские отношения со всеми, является ненастоящим другом» (пословица).

Не случайно и возникновение выражения «true friend». Характеристика «true» указывает не только на то, что друг истинный, не способный подвести в трудной ситуации, надежный, при помощи прилагательного «true» говорящий противопоставляет настоящего друга другу ложному, другу врагу:

«A true friend is a forever friend» (George MacDonald),

«Настоящий друг – друг навсегда» (Джордж Масдональд).

Таким образом, становится очевидно, что друзья и враги сопровождают нас на жизненном пути, ненастоящие друзья хуже врагов, а друзья для всех – не друзья и не враги.

Интересно то, что в результате проведенного исследования концепта «дружба» в английском языке был выявлен национально-специфичный образ дружбы – начало дружбы («Introduction»), который составляет 5 %.

Для «friends» новая «множественная» ориентация отражается в современном выражении to make friends с объектом во множественном числе без дополнения (например, «to make lots of friends» «приобрести множество друзей», «to make new friends» «приобрести новых друзей», «an opportunity to meet people and make friends» «возможность познакомиться с новыми людьми и приобрести друзей»).

«Since there is nothing so well worth having as friends, never lose a chance to make them!» (Gwyneth Paltrow),

«Никогда не упускайте возможности завести новые знакомства! Поскольку лучше, чем дружба, нет ничего» (Гвинет Пэлтроу).

В современном английском языке устойчивое выражение to make friends, по-видимому, в значительной мере вытеснило более старое выражение to find a friend «найти себе друга». Этот факт очевидным образом отражает современное воззрение, делающее ударение на то, что человек сам выковыривает все свои многообразные связи с другими людьми. Следует добавить, что в изначальном употреблении было также еще одно распространенное сочетание, близкое к finding a friend, а именно choosing a friend «выбирание друга» (или choosing one's friends «выбирание себе друзей»):

«Be sure in choosing a friend, slower in changing» (Benjamin Franklin),

«Уверенно выбирай себе друзей и не торопись их менять» (Бенджамин Франклин).

Как и любые межличностные отношения, дружба имеет свое начало. И у всех это происходит по-разному, в зависимости от личностных качеств, ситуации или проблемы, которая в данный момент стоит перед человеком. Люди нравятся друг другу, разделяют общие интересы, с этого начинается дружба:

«Friendships begin with liking or gratitude» (George Eliot),

«Дружба начинается с симпатии и благодарности» (Джордж Элиот).

Дружбу можно завоевать, совершив хороший поступок, тем самым, показать свои положительные стороны:

«When someone allows you to bear his burdens, you have found deep friendship» (Leal Live Preacher),

«Если кто-нибудь позволит тебе понести его ношу, будь уверен, ты нашел настоящего друга» (Лил Лив Причер).

Друзей мы «выбираем», опять-таки основываясь на знании об их личностных качествах, на приятности общения:

«There was a definite process by which one made people into friends, and it involved talking to them and listening to them for hours at a time» (Rebecca Wist),

«Есть действенный способ заведения новых знакомств, а именно: общение и умение слушать своего собеседника на протяжении часов» (Ребекка Вист).

Дружить – это обоюдное желание, взаимный интерес, поэтому друзья «встречаются»:

«Fear makes strangers of people who would be friends» (Shirley Maclaine),

«Страх связывает людей, которые в дальнейшем станут друзьями» (Ширли Маклэйн).

Друзей мы «находим» в самых необычных местах и ситуациях:

«In every mess I find a friend,
In every port a wife» (Charles Dibdin),

«Я могу завести друга в любом месте, в любом морском порту – жену» (Чарльз Дибдин).

Выражение «to strike up a friendship» – «подружиться» сейчас имеет нейтральное значение, изначально в нем присутствовал оттенок быстрого, молниеносного действия. Такой же оттенок присутствует и у выражения «a friendship sprang», подчеркивая, насколько быстро произошел процесс сближения людей от простого знакомства до искренней дружбы:

«She even came out with some elaborately concocted tale about 'Julian' bumping into her in the Marble Arch Marks and Spencer, making her drop her new Le Creuset terrine dish on her foot and taking her for a coffee in Selfridges from which sprang a firm platonic friendship based entirely on department store coffee shops» (Henry Fielding),

«... что стало началом крепкой и продолжительной дружбы...» (Генри Филдинг).

Таким образом, начало дружбы имеет очень большое значение для индивида в англоязычном социуме. Ряд синонимов, приведенных выше, которые представляют акт начала дружбы, подтверждает этот факт.

Такие образы концепта «дружба», как братские отношения – «Brotherhood» (2 %), близость – «Intimacy» (2 %) и общение – «Sociality» (2 %) являются наименее частотными.

Ю.С. Степанов отмечает, что в отличие от деловых, функциональных отношений, основанных исключительно на общности занятий и соответствующем разделении обязанностей, дружба – отношение тотально личностное, которое само по себе является благом². Дружба индивидуально избирательна, добровольна, основана на взаимной симпатии. Зачастую теснота общинных связей приводила к тому, что дружеские отношения большей частью совпадали с родственными или соседскими.

«Friends are relatives you make for yourself» (Eustache Dischamps),

«Ты заводил друзей в качестве родственников» (Остич Дисчампс),

«The secret to friendship is being a good listener» (Kristine Kentiguan),

«Секрет дружбы – умение быть хорошим слушателем» (Кристин Кентигуан),

«Everyone hears what you say. Friends listen to what you say. Best friends listen to what you don't say» (Jennifer Lopez),

«Каждый может выслушать тебя. Друзья слушают то, что ты им говоришь. Лучшие друзья слушают то, что ты им не говоришь» (Дженнифер Лопес),

«A good friend is someone you can trust with all your secrets» (Andy Spark),

«Настоящему другу ты можешь доверить все свои секреты» (Энди Спак).

Интимные отношения подразумевают, что лю-

ди открывают друг другу души, рассказывают все свои мысли, ни один секрет не может быть утаен. Ощущение несовпадения собственного «я» и социального положения личности резко усиливает деятельность самосознания и потребность в интимном, доверительном общении. Интимная дружба кажется своего рода убежищем от жестокости и холода социального мира.

Можно сделать вывод, что англичане и американцы ассоциируют дружбу с отношением глубоким и интимным, предполагающим не только взаимопомощь, но и внутреннюю близость, откровенность, доверие, любовь. Как показывают приведенные примеры, языковая концептуализация дружбы представляет собой осмысление её существенных признаков и фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц.

Анализ изменений концепта «дружба» показывает следующие существенные сдвиги, происшедшие с содержанием анализируемого концепта. Первоначально люди часто любили своих друзей или ощущали их «дорогими» и «любимыми» и думали о них таким образом. Напротив, в современном английском языке люди охотнее говорят о своих «друзьях», используя выражение «приятность», «удовольствие» и «забава».

Есть все основания полагать, что «дружба» как фрагмент внутреннего мира человека, его внутренней жизни в истории развития культуры и социума понималась и понимается как одно из основополагающих аспектов жизни и признается одним из первичных факторов в человеческих взаимоотношениях, что отражено и в языковой концептуализации дружбы.

Являясь одним из самых важных явлений в человеческой жизни, «дружба» как понятие универсально с точки зрения совокупности существенных признаков, наполняющих его. Языковые интерпретации этого понятия позволяют выявить многогранность и многокомпонентность этого концепта.

На основе выделенных образов был определен языковой корпус лингвокультурологических единиц со значением «дружба». Анализ этих единиц позволил выявить особенности их употребления, а также ценностные доминанты, связанные с интерпретациями анализируемого понятия в англоязычной этнокультурной общности: это продолжительные отношения между людьми, взаимная привязанность, уважение и доверие, взаимопонимание, откровенность, взаимопомощь, сопереживание, искренность, бескорыстие и любовь.

¹ Абрамова Т.В. Национальная специфика культуры речевого общения в косвенных речевых актах // Теоретическая и прикладная лингвистика: сб. науч. тр. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 127–136.

² Степанов Ю.С. В поисках прагматики. ИАН СЛЯ, 1981. Т. 40, № 4. С. 23.

Поступила в редакцию 6 июня 2009 г.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляются печатный вариант статьи и ее электронная версия (документ Microsoft Word), экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность, контактная информация (адрес, телефон, e-mail)).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (не более 500 знаков), список ключевых слов (данная информация предоставляется на русском и английском языке), текст статьи, литература оформляется в виде концевых сносок.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25мм. Шрифт – Times New Roman, масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Лингвистика»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, кафедра общей лингвистики, ответственному секретарю Жеребятевой Екатерине Сергеевне. E-mail: olingv@susu.ac.ru

5. Ознакомиться с полной версией правил подготовки рукописей и примером оформления можно на сайте ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «Научные исследования», «Издательская деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серия».

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (177) 2010

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 10**

Редактор Н.М. Лезина

Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 14.01.2010. Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 12,75. Тираж 500 экз. Заказ 9/8.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск,
пр. им. В.И. Ленина, 76.